ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

«УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Специальность **24.00.01** — Теория и история культуры (культурология).

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор философских наук,
доцент кафедры мировых политических процессов
Касаткин Петр Игоревич

МОСКВА - 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….3

ГЛАВА I. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX в.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕКСКИЙ АСПЕКТ……24

1.1 Культурное пространство: соотношение глобального и локального уровней…….24
1.2 Украинское культурное пространство в культурном пространстве Российской империи……...…39
1.3 Культурная политика Российской империи в украинских землях в XIX в…….52

ГЛАВА II. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ОСМЫСЛЕНИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ……..70

2.1. Украинское национально-культурное пробуждение в зеркале русской общественной мысли……..70
2.2. Малороссийские периодические издания как культурный феномен и их восприятие русской общественностью……....90
2.3. Проблемы изучения в России этнокультурного пространства украинских земель……..……..101

ГЛАВА III. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПУБЛИЦИСТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В……. 113

3.1. Влияние культуры на формирование украинского национального характера……..113
3.2. Изучение культурных особенностей малороссов……129
3.3. Украинский язык: подходы и трактовки……140

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...…..153

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ……158

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Со времени распада Древнерусского государства территория современной Украины принадлежала разным государственным образованиям. В течение XVII - XIX вв. значительная часть украинских земель вошла в состав Российской империи. С XIX в. начинается новый этап в истории Украины. Он был отмечен новыми политическими, экономическими и социальными условиями развития украинского народа. Помимо влияния польской культуры, усиливается значение русской культуры, изменяется социальная структура украинского этноса. Возникают предпосылки для складывания восточнославянского суперэтноса - «большой русской нации».

В рассматриваемый период в России сложилась и впоследствии долго доминировала оформленная в исторических трудах Н. М. Карамзина концепция триединого русского народа. Она исходила из общего исторического прошлого восточных славян. Отличия между ними считались «племенными», а разница в языке восточнославянских этносов, как указывает И.В. Михутина, рассматривалась как областные наречия общерусского языка.[1] Тем не менее, российское правительство, осуществляя административно-политическую унификацию, не покушалось на этнические особенности Малороссии. С начала XIX в. в русском обществе наблюдается живой интерес к народному творчеству края. Этот интерес развивался на фоне популяризации в Европе идей немецких философов-романтиков (в первую очередь И. Г. Гердера), с их концепцией равноправия народов и их неповторимого своеобразия.

Именно в этот период начинается славянское национальное пробуждение, рост национально-этнического самосознания. И здесь следует вспомнить слова великого немецкого историка культуры И.Г. Гердера, сказанные по поводу национальных особенностей населения: «Все

[1] Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX начало XX в.) М., 2003. С. 12.

устройство их тела, весь образ жизни, все радости и занятия, к которым приучены они с детства, весь кругозор их представлений – все определено климатически. Отнимите у них землю, и вы отнимите от них все».[2] У образованных кругов малороссийского общества процесс национального пробуждения выразился в повышенном внимании к местному языку, народному творчеству, историческому прошлому.[3] Оживление национального чувства и обращение к народной стихии началось с появления литературы на национальном языке в Восточной Украине, которое датируется последними годами XVIII в. (первое издание «Энеиды» И. П. Котляревского 1798 г.). На протяжении всего XIX в. этот процесс развивался.[4]

В первой половине XIX в. Харьковский университет (основан в 1805 г.) становится культурным центром Восточной Украины. В его стенах развернулась оживленная литературная деятельность. В этот период появляются такие яркие представители новой малороссийской литературы, как Г. Ф. Квитка (Основьяненко), профессор А. Л. Метлинский, поэт Е. П. Гребенка и др. Народная поэзия Малороссии, обычаи и музыкальные формы стали предметом изучения и собирания – сборники старинных малороссийских песен были составлены князем Н. А. Цертелевым и профессором М. А. Максимовичем. Начинает издавать свою «Запорожскую старину» И. И. Срезневский. Выходит, первая «Грамматика малороссийского наречия» А. Павловского, «История Малой России» Д. И. Бантыш-Каменского и другие исторические сочинения. В 1834 г. в Киеве открывается новый университет Св. Владимира. С ним связано возникновение в 1840-е гг. политических взглядов в среде украинской молодежи. В середине 40-х гг. XIX в. особенно ярко проявляется талант Тараса Шевченко, чьи стихи

[2] Гердер Иоганн Готфрид Идеи к философии истории человечества. – / Иоганн Готфрид Гердер. -
М.: Издательство «Наука». – 1977. С. 175.
[3] Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа. Спб., 1904. С. 345-346.
[4] Там же.

оказали решающее действие на идейное развитие участников Кирилло-Мефодиевского общества.

Разгром Кирилло-Мефодиевского общества, которое ставило перед собой цель достижения культурной и национальной автономии Украины, в 1847 г. и реакция российских властей открыли новый этап в формировании украинского вопроса и восприятии украинской проблематики русским обществом. Нарождающийся конфликт получил свое отражение в общественном мнении. В 1840-е гг. в русской прессе поднимается вопрос о роли и статусе украинского языка. Правительством был принят целый ряд мер по борьбе с «малороссийским особничеством» и «ложными идеями славянства».

Таким образом, первая половина XIX в. стала периодом, с одной стороны, возрождения украинской культуры, а с другой – новым этапом в ее формировании, значительное влияние на который оказывала идея национальной независимости и культурной автономизации. Отметим, что подобные настроения были свойственны украинцам не только на территории Российской империи. Так, как отмечает Э. Хобсбаум, «поскольку крестьянство составляло основную массу, зачастую принадлежало к разным нациям со своими хозяевами и горожанами — словаки и румыны в Венгрии, украинцы в Восточной Польше, словаки в части Австрии. А беднейшие и менее предприимчивые землевладельцы, которые едва существовали на свой доход, зачастую принадлежали к наиболее радикальным националистам. Замечено, что в то время как большая часть крестьянства остается безразличной и политически пассивной, вопрос о его поддержке революции остается насущным. И в 1840-х гг. с этой пассивностью больше нельзя было мириться. Восстание крепостных в Галиции в 1846 г. стало самой большой жакерией’ со времен французской революции в 1789 г.».[5]

[5]Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789 — 1848 / Пер. с англ. Л. Д. Якуниной — Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1999. С. 177.

В связи с этим представляется крайней важным провести глубокий культурологический анализ происходивших в это время культурных процессов, выявить их динамику, определить архитектонику украинского культурного пространства в контексте его взаимодействия с культурным пространством Российской империи в целом.

Степень научной разработанности темы. Теоретические аспекты сущности, структуры и бытия культурного пространства как феномена человеческой цивилизации уже не первый год находятся в фокусе внимания отечественных и зарубежных исследователей культуры. Из работ, в которых данные проблемы освещены наиболее полно, следует выделить исследования таких авторов как А.В. Бабаева, А.А. Шишкина, Е.В. Орлова, А.Н. Быстрова, Е.Г. Зинков, И.И. Свирида и ряда других.[6] В своих исследованиях они затрагивают различные аспекты изучения культурного пространства. В частности, делаются попытки определить культурное пространство, выявить его характерные черты, структурировать и определить основные элементы. Архитектоника культурного пространства занимает значительное место в

[6] Бабаева А.В. Структура культурного пространства. Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора философ. наук. Томск. 2004; Бабаева А.В. Современная западная философия о культурном пространстве // Серия “Symposium”, Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Выпуск 7 / Материалы научной конференции Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 224 с.; Шишкина А.А. Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II; Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 3 (18). - http://www.analiculturolog.ru/journal/; Быстрова А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. - 2004. - №12; Зинков Е. Г. Культурное пространство российской духовности: дисс. … доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 2006; Свирида И. И. Пространство и культура: аспекты изучения // Славяноведение. - 2003. - № 4; Нархова Е.Н., Сидоренко И.А. Культурное пространство и современное студенчество // Национально культурное пространство и проблемы коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции. 25–26 октября 2007 г. Часть 1. СПб. 2007; Велиховский Л.Н., Кандаурова Т.Н. Опыт формирования социокультурного пространства: историческая ретроспектива деятельности предпринимательского сообщества России XIX — начала XX вв. // Документ. Архив. История. Современность. — Вып. 14. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. и др.

современных исследованиях, но однозначного ответа на вопрос, какова же его структура, на сегодняшний день нет.

Вопросы культурной политики, как самостоятельной сферы государственного управления нашли отражения в трудах таких авторов как В.И. Юдина[7], И.В. Колякова[8], А.С. Балакшин[9], Н.М. Генова[10], А.С. Ханнанова[11], Л.Е. Востряков[12] и др. Общим для работ указанных авторов является стремление дать определение понятию «культурная политика», определить ее основные направления и приоритеты и глубинные культурные смыслы.[13] Тема раскрытия культурной политики в дореволюционной России нашла свое отражение в трудах В.И. Юдиной, полагающей что ее нельзя характеризовать как экспансионистскую, а необходимо говорить о ней в категориях взаимообмена культурными традициями. А.С. Балакшин, А.С. Ханнанова, Л.Е. Востряков и другие авторы посвятили свои исследования изучению понятия «культурная политика». Их работы носят, скорее, теоретический характер, чем вносят значительный вклад в теоретико-методологическую разработку указанной тематики.

---

[7] Юдина В.И. Из истории культурной политики в дореволюционной России: Русское музыкальное общество во второй половине XIX в. //Вестник Томского Государственного Университета. 2011. № 351.

[8] Колякова И.В. Власть и общество в реализации культурной политики современной России: традиции и тренды //Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 1.

[9] Балакшин А.С. Сущность и содержание понятия «культурная политика» // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия. Социальные науки. Вып. 1(3). — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004.

[10] Генова Н.М. Культурная политика в процессе модернизации инфраструктуры культурного пространства региона. Автореферат диссертации на соискание у. степени доктора культурологии. Омск. 2012.

[11] Ханнанова А.С. Культурная политика как функция государства // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015, т. 15, № 4.

[12] Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели - http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html

[13] Миронов А.С. Основы «Основ». О смыслах государственной культурной политики // Государственная культурная политика и вызовы времени. Аналитический Вестник. 2015. № 12 (565).

В ходе исследования нами были привлечены труды, посвященные изучению феномена империи в его культурологическом аспекте.[14] Использование данных работ представляется необходимым, так как именно в условиях имперского этнокультурного строительства шло формирование культурного пространства украинских земель.

Безусловно, отдельного внимания заслуживают работы, посвященные проблеме взаимодействия культур, как сегодня, так и в ретроспективе.[15] Отдельный интерес в этой связи представляют работы, авторы которых пытаются выявить не только динамику, но и механизмы межкультурного взаимодействия, способы взаимодействия различных культурных пространств в различных условиях.[16]

---

[14] Малахов В.С. Нация и культурное разнообразие в имперской, советской и постсоветской России // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016; Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима // Вестник МГИМО Университета. 2008. № 2; Гусева С.Ю. Проблема взаимодействия культур центра и периферии Римской империи: На анализе жизни и творчества Луция Аннея Сенеки. Автореферат диссертации на соискание уч. степени кандидата философ. наук. СПб. 2003; Семенков В.Е., Рабжаева М.В. История российской колонизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том. 1. № 1; Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Национальная культура и культурная политика в Российской империи и СССР // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4; Лурье С. Российская империя как этнокультурный феномен // Общественные науки и современность. 1994. № 1. и др.

[15] Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма –http://polit.ru/ Нарочницкая Е.А. Мультикультурализм как философско-политическая концепция. Фонд исторической перспективы. 2013 - http://www.perspektivy.info; Бодзяны М. Столкновение культур и идентичности. Социологические аспекты мультикультурализма в эпоху общественных перемен //Культурно-историческая психология. 2008. № 4; Ляшов Ю.И. Экспансия культуры как специфическая форма межкультурной коммуникации // IV Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». 15 февраля – 31 марта 2012 года. Российская академия естествознания - https://www.rae.ru/forum2012/273/1609; Флиер А.Я. Глобализация как культурная тенденция // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 3. С. 61-65. и др.

[16] Павлова О.Д. Идентичность в системе межкультурного взаимодействия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 30 (245). Философия. Социология. Культурология. Вып. 22; Стадников М.Г., Мокрецова О.Г. Стратегии аккультурации этнических меньшинств: конфликтные стороны взаимодействия // Вестник СПбГУ. Сер. 12, 2010, вып. 1; Иконен С., Рому П. Аккультурация русскоязычных иммигрантов в Финляндии сохранение русской культуры в чужом окружении. Университет г. Ювяскюля. 2013; Янутш О.А. «Инкультурация»: проблемы определения объема и содержания понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19; Попкова Е.Б. Теоретические подходы к исследованию инкультурации как социокультурного процесса //

Отдельный интерес в перечисленных выше группах работ представляет исследования В.С. Малахова, которое носит компаративистский характер, а его автор делает важные выводы и преемственности культурной политики в России, не зависящей от смены политического строя. Значительный интерес представляют и исследования О.Н. Астафьевой, которая также видит общность культурной политики на различных этапах развития российской государственности, делает важные выводы о цельности и неразрывности отечественной культурной традиции.

Отдельный интерес представляют работы, посвященные межкультурному взаимодействию, которые напрямую относятся к теме диссертационного исследования. Так О.А. Янутш делает в своем исследовании серьезный вывод о том, экстраполируя его на культурно-исторический опыт, что аккультурацию следует трактовать не как насильственное навязывание своих культурных традиций, но как конвенциональное признание и использование индивидом (или группой) норм и традиций определенной культуры. М.Г Стадников и О.Г. Мокрецова, анализируя отдельные стратегии инкультурации, приходят к выводу о том, что это крайне сложный и многонаправленный процесс, и от того, как он будет реализовываться, во многом, зависит ее успех в целом.

Значительную важность для исследования имели труды отечественных и украинских исследователей, затрагивающие вопросы культурного развития украинских земель на разных исторических этапах.[17] Их привлечение было

Теория и практика общественного развития. 2013. № 3; Батурина Ю.В. Проблемы инкультурации современной личности в процессе изучения мировой художественной культуры // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Том I (Гуманитарные науки); Herskovitz M.J. Man and His Works: The Science of Cultural Antropology. N.Y., 1948; Айларова С.А. Культурное пограничье как проблема северокавказской общественной мысли XIX века // Культурная политика России на Кавказе как фактор утверждения российской государственности и общероссийской идентичности: Материалы научного семинара / Под ред. докт. ист. наук З.В. Кануковой. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ. РАН, 2016 и др.

[17] История украинской культуры / Е. А. Петутина, Н. В. Вандышева-Ребро, А. В. Голозубов [и др.]; под ред. Е. А. Петутиной. – Харьков: НТУ «ХПИ», 2012; Базалук О.А. Геофилософия Украины // Гуманітарний вісник ЗДІА. 2016. № 64. С. 146. Семененко В.И.

необходимым, так как рассмотрение культуры невозможно вне понимания конкретного исторического контекста, в которых она существует и развивается. Значительный интерес представляет работа Е.А. Петуниной, отмечающей, что на протяжении столетий украинская культура является пространством межкультурного и межконфессионального диалога, взаимодействия различных традиций, ценностных систем и художественных традиций. В свою очередь О.А. Базалук высказывает позицию о том, что территория Украины всегда продолжала оставаться водоразделом между экспансией азиатско-европейской культуры Московского княжества и носителем европейской культуры Великим княжеством Литовским.

Проблемы взаимоотношения между культурными пространствами непосредственно России и Украины и вопросы формирования самобытной украинской культуры в контексте национального самоопределения, затрагиваются в исследованиях Т.А. Васильевой[18], М.Я. Сараф[19], Г.Г. Кривчик, Г.П. Евсеева, Г.И. Лысенко[20], Е. Прищепы[21], Г.А. Королева[22], В.М. Шейко[23] и других.

История Украины с древнейших времен до наших дней. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Харьков: Торсинг, 2002; История Украины: конспект лекций / Е.В. Перегуда и др. – К.: КНУСА. 2013; Історія України (друга половина XVIII - початок XX століття) - http://ukrmap.su/ru-uh9/1039.html; Турченко Ф.Г., Мороко В.Н. История Украины. XVIII – начало XX в. Запорожье; Киев, 2001;

[18] Васильева Т.А. У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск. 2014.

[19] Сараф М.Я. Крым: уроки сохранения национального культурного пространства // Пространство и время. 2015. № 1-2 (19-20); Сараф М.Я. Национальные культурные пространства России и Украины: единства и противоположности // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Труды II международной научно-практической конференции. М.: ИНИОН РАН, 2014.

[20] Кривчик Г.Г., Евсеева Г.П., Лысенко Г.И. Реформирование образования на Украине в XIX в. // Профессиональное образование: исторические традиции и современность: сб. статей IV Международной научно-практической конференции (Пенза, март 2015). Пенза, 2015.

[21] Прищепа Е. Трансформации культурного быта горожан Правобережной Украины (вторая половина XIX – начало XX в.) // Другі міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі. Працоўныя матэрыялы. Том 2 (2013).

[22] Королев Г.А. Великая Украина и Галиция эпохи XIX века: поиск исторической перспективы // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши:

Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день практически отсутствуют работы, посвященные непосредственно культурологическому анализу восприятия украинской культуры в российском общественном сознании в рассматриваемый период. Пожалуй, среди одной из немногих монографий на эту тему является работа А. И. Миллера ««Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)»[24], которая стала первым исследованием, когда-либо написанным в России на данную тему. Главные задачи исследования состоят в реконструкции процесса принятия российскими властями решений по «украинскому вопросу» и реакции русского общественного мнения на развитие украинского национального движения. Предложенная автором периодизация событий основана на анализе большого комплекса архивных материалов. Многие документы были использованы впервые. Для изучения общественного мнения по «украинскому вопросу» привлечены материалы значительного числа периодических изданий.

Среди множества работ по русскому славяноведению нельзя не остановиться на исследовании М. Ю. Досталь, посвященном элементам романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в., основанном на материалах периодики. Автор исследует не только особенности столь сложного и многообразного явления в истории русской культуры и науки первой половины XIX в., как романтизм, но и прослеживает его влияние на сторонников «теории официальной народности». Для этой цели Досталь был предпринят анализ двух периодических изданий «Маяк» и «Москвитянин», являвшихся ревностными сторонниками «теории официальной народности».

В монографии М.В.Лескинен представлена реконструкция ключевых понятий, научных теорий и идей, с помощью которых осуществлялось

Механизмы формирования и способы проявления. Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.

[23] Шейко В.М., Тишевська Л.Г. Історія української культури. Наук. ред. В.М. Шейко. – К.: Кондор, 2006.

[24] Миллер А.И. "Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб: Алетейя, 2000.

создание концепта «великорусы» в российской научной и популярной этногеографической литературе XIX в.[25] История формирования признакового поля великорусской этничности как «господствующего русского племени» анализируется через процедуры классификации и сравнения с другими племенами (славянскими, восточнославянскими и финскими) по ряду признаков: язык, расовый / этнический тип, этнический нрав / характер. Рассмотрены также: эволюция представлений о границах пространства Великороссии / Великой России и трансформация содержания этнонимов, применявшихся для наименования великорусов. Показан процесс вербальной и визуальной концептуализации «великорусскости» в репрезентациях русских народов Российской империи периода нациестроительства.

Процессы формирования и эволюции комплекса официальных номинаций (географических, административно-региональных, политических, этнических и др.), соотносимых с территориями Юго-Западной Руси / Малоросии / Украины, а также трансформация этнонимов и экзонимов, связанных с ними и использовавшихся в различных этнокультурных стратах с конца XVIII до начала XXI в., рассматривались на международной научной конференции «Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе», организованной Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН в 2015 г.[26]

Также следует отметить цикл «круглых столов» по истории украинского и белорусского народов, проведенных Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН в 2001 – 2003 гг. Для настоящего исследования особенно важны материалы второго из них - «Механизмы формирования украинской и белорусской нации в российском и

[25] Лескинен М. В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: «Индрик», 2016.
[26] Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.

общеславянском контексте (дореволюционный период)».[27] Важным этапом в осуществлении программы по изучению образа России и русских в украинской культуре и образа украинцев и Украины в русской культуре стала российско-украинская конференция «Украинцы и русские: братья? соседи? конкуренты? Украинцы глазами русских, русские глазами украинцев. XIV-XXI вв.».[28] Выявлению особенностей формирования национального самосознания и эволюции этнокультурной идентичности в рамках восточнославянского культурного пространства в XVII–XX вв посвящен сборник статей «Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления». Участие специалистов разного профиля (историков, культурологов, филологов, этнологов и социологов) обеспечило междисциплинарный характер исследования. Авторы сборника представляют актуальные направления исследований в соответствии с современными тенденциями социально-политического и культурного развития трех стран.[29]

Кроме этого, из «коллективных» работ последнего времени хотелось бы отметить совместный труд российских ученых «Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территории, регионов и мест»[30]

Если говорить о работах современников эпохи, которые, на наш взгляд следует выделить в отдельную группу, то необходимо отметить, что, начиная со второй четверти XIX в. украинская тематика начинает вызывать живой

---

[27] Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период). «Круглый стол». «Круглый стол» проведен Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН 1 октября 2002 г.

[28] Борисенок Е.Ю. Украинцы и русские: братья? соседи? конкуренты? Украинцы глазами русских, русские глазами украинцев. XIV-XXI вв. // Славяноведение. - 2008. - N 4. С. 118–120.

[29] Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. Редактор С. С. Лукашова. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.

[30] Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территории, регионов и мест. Под редакцией В.К. Мальковой и акад. В.А. Тишкова Ростов-на-Дону Издательство ЮНЦ РАН 2012.

интерес в различных кругах российского общества. Во многом это было связано с процессом развития славянских наций и дальнейшим национальным пробуждением украинского народа. Со временем потребность в осмыслении «украинского вопроса» явилась стимулом для научных разработок в области истории, этнографии, лингвистики, фольклористики и т. д. В русской историографии XIX в. Украина рассматривалась не как самостоятельная этническая единица, а как неотъемлемая часть Российской империи и именовалась обычно Малороссией, Южным или Юго-Западным краем.

Несомненный интерес для нашего исследования представляют вошедшие в антологию работы профессоров Т. Д. Флоринского «Малорусский язык и «Украiнсько-Руський» литературный сепаратизм»[31] и Б. М. Ляпунова «Единство русского языка в его наречиях»[32]. Они дают представление об особенностях подхода значительной части русских ученых, в данном случае филологов, к проблеме существования украинского языка. Авторы затрагивают вопросы отношения украинского и «общерусского» языков, характеризуют древнюю и новую украинскую литературу, ее отношение к литературе общерусской. Также ими поднимается важный терминологический вопрос «языка» и «наречия».

К числу выдающихся русских ученых, внесших значительный вклад в изучение Украины, следует отнести академика А. Н. Пыпина. В одной из его ранних работ - «Обзоре истории славянских литератур»[33] - третья глава «Русское племя» содержит такие разделы, как «Русская литература», «Малорусы» и «Галицийские Русины».

[31] Флоринский Т. Малорусский язык и “украiнсько-руський” литературный сепаратизмъ. С.-Петербургъ. Типографiя А. С. Суворина,1900.
[32] Ляпунов Б.М. Единство русского языка в его наречиях: (Пособие к лекциям по истории рус. яз.) / Б.М. Ляпунов. - Одесса: Тип. Южно-Русского просветит. о-ва, 1919.
[33] Пыпин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865 (Спасовичу принадлежит глава о польской литературе).

В конце XIX в. А.Н. Пыпин опубликовал фундаментальный труд по истории русской этнографии, третий том которого посвятил Украине[34]. Он обратил внимание на тот факт, что малороссы имеют много общих и схожих черт с великороссами, но в то же время в их развитии были черты и особенности только им принадлежащие. Эта общность определяется единством народов, их этногенеза, языка, быта, духовной культуры. С другой стороны, Пыпин указывает на отличия, кроющиеся в самом положении «малорусской народности».

Из длинного ряда сочинений, посвященных украинскому языку и литературе, назовем обширную статью литературного критика А. П. Милюкова «Вопрос о малороссийской литературе» (1875 г.),[35] в которой автор отрицает самобытность последней и даже саму возможность ее существования при общероссийском государственном укладе. Эта работа заслуживает тем большего внимания, что Милюков выразил в ней весьма популярную в широких кругах русского общества точку зрения на украинский язык и литературу. В отличие от работ представителя либерально-демократического направления Пыпина, Милюков писал с позиции консерваторов.

Хотелось бы отметить и некоторые работы российского и украинского зарубежья. Достаточно резкую точку зрения на происходившие события высказал П. Голубенко в работе «Україна І Росія у світлі культурних взаемин»[36]. Эта книга также была написана в эмиграции. «Украина и Россия в свете культурных взаимоотношений» вышла в свет в 1987 г. Петро Голубенко – один из популярнейших литературных псевдонимов автора. Настоящее имя – Шатун Петр Иванович. В своей работе украинский историк и филолог рассматривает такие важнейшие вопросы как: добром или злом была Российская империя для подвластных ей народов и их культур?

[34] Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. III. Этнография Малорусская.
[35] Милюков А. П. Отголоски на политические и литературные явления. СПб. 1875.
[36] Голубенко П. Друкується за виданням: Україна і Росія у світлі культурних взаємин. – Видавництво «Українське слово». К.: Дніпро, 1993.

Еще одним украинским ученым-эмигрантом, обратившимся к истории культуры Украины XIX в., был Ю. Луцкий. Его книга «Между Гоголем и Шевченко. Противоречия литературной Украины (1798-1847)»[37] посвящена сравнительному анализу творчества Н. В. Гоголя и Т. Г. Шевченко, двух писателей-украинцев, принадлежавших к одному поколению, писателей, чей путь в литературе пролегал в противоположном направлении. Гоголя и Шевченко автор рассматривает как персонификацию двух полюсов украинского культурного развития первой половины XIX в. Луцкий высказывает мысль, согласно которой первый из них был представителем традиционного, консервативного малороссийства, а другой – революционного «модерного» украинства. В своей работе автор анализирует суть указанных различий в духовной жизни Украины, которые в значительной степени, по его мнению, сохраняются и по сей день.

Если же говорить об украинских авторах сегодняшнего дня[38], то наиболее насущной проблемой для них является проблема украинского национализма в рассматриваемый период. Следует отметить, что большинство из этих работ носят ярко выраженный политизированный

[37] George S. N. Luckyj. Between Gogols and Sevcenko. Polarity in the literary Ukraine: 1798 - 1847. Munchen, Wilheem Fink Verlad, 1971.

[38] Шейко В.М. Культура. Цивілізація. Глобалізація. Х., 2001; Шейко В.М., Тишевська Л.Г. Історія української художньої культури.— Х.,2003; Огородник І.В., Огородник В.В. Історія філософської думки в Україні. – К., 1999; Коновець О.Ф. Просвітницький рух на Україні: XIX - перша третина XX ст. – К., 1992; Костомаров М. Галерея портретів: Біографічні нариси. – К., 1993; Костомаров М.І. Закон Божий (Книга буття українського народу). – К., 1991; Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII середина XIX ст.) – Харків, 1996; Лобановський Б.Б., Говдя П.І. Українське мистецтво другої половини XIX - початку XX ст. – К., 1993; Макарчук С.А. Писемні джерела з історії України. – Львів, 1999; Митці України: Енциклопедичний довідник. – К., 1992; Чижевський, Ю. Нариси з історії філософії на Україні / Ю. Чижевський. – Нью-Йорк: б. в., 1991; Смук, О. Т. Ментальність українців як відображення духовного світу людини та соціальної спільноти / О. Т. Смук. – Режим доступу: www.socwd.uzhgorod.ua; Українська державність у XX столітті: історико-політологічний аналіз / під ред. О. Дергачова. – К.: Політична думка, 1996. – Режим доступу: www.litopys.org.ua; Онкович Г. В. Українознавство і лінгводидактика. — К.: Логос, 1997; Янів В. Нариси до історії української етнопсихології. К.: Знання, 2006; Смолій В. А., Степанков В. С. Українська державна ідея XVII-XVIII ст.: проблеми формування, еволюції, реализації. Киів 1997 и др.

характер, а их общий смысл сводится к доказательству агрессивности имперской политики по отношению к украинским землям.

Говоря о зарубежных авторах, следует отметить, что одним из первых ученых, обратившихся в середине 1980-х гг. к культурной политике русских властей по отношению к украинским землям, а также русско-украинским культурным связям, был британский историк Дэвид Саундерс[39]. В частности, он задался вопросами, почему власти предпринимали именно такие, во многом уникальные для национальной политики Российской империи, репрессивные меры, какие цели они преследовали, чего опасались. Одним из главных предметов исследования Саундерса является вклад Украины в культурное развитие России первой половины XIX в., а также борьба украинского народа за культурную самостоятельность. В книге проведен серьезный анализ деятельности русских и украинских ученых, писателей, просветителей, журналистов и политических деятелей.

Австрийский ученый А. Каппелер в своих работах рассматривает общество Российской империи под углом зрения иерархической системы, составлявших его многочисленных этносов, которая играла большую роль в политике самодержавия. Ученый различает три типа иерархий, влиявших друг на друга. Критерием одной являлась политическая лояльность, второй – сословно-социальные факторы, третья выстраивалась по культурным критериям, таким как конфессиональная принадлежность, жизненный уклад и язык.[40] По мере того как менялось положение отдельных этнических групп в этих иерархиях, менялось и реальное значение самих иерархических структур.

[39] Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750 – 1850. Edmonton, 1985.

[40] Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии российской империи // Россия - Украина: история взаимоотношений. Москва 1997., а также Каппелер А. Россия как многонациональная империя. М., 2001.

Источниковую базу исследования составили:

- газеты и журналы: «Северная пчела», «Библиотека для чтения», «Сын Отечества», «Маяк», «Москвитянин», «Телескоп», «Вестник Европы», «Отечественные записки».

- письма, путевые заметки и мемуары российских ученых, литераторов, публицистов, путешественников и т. д., побывавших в Малороссии.

Объект исследования – культурное пространство Российской империи первой половины XIX в.

Предмет исследования – культурное пространство украинских земель и специфика его восприятия русской общественной мыслью в рассматриваемый период.

Цель исследования: выявить специфику существования украинского культурного пространства в рамках культурного пространства Российской империи, установить особенности межкультурного взаимодействия и взаимного восприятия.

Задачи исследования:

- Установить особенности взаимоотношения локального и глобального уровней культурного пространства, механизмы и способы взаимодействия между ними.

- Уточнить концепт «культурное пространство» применительно к Российской империи первой половины XIX в.

- Выявить особенности формирования и содержания культурного пространства украинских земель в рассматриваемый период.

- Проанализировать особенности культурной политики Российской империи к украинским территориям и определить ее сущностное содержание.

- Рассмотреть вопрос восприятия феномена украинского культурного возрождения русской общественной мыслью по материалам печатных изданий эпохи.

- Определить особенности формирования и развития малороссийских печатных изданий в контексте процесса культурного возрождения.

- Проанализировать вопрос изучения этнокультурного развития украинских земель русской общественной мыслью.

- осветить проблему культурных особенностей национального характера украинцев с точки русской общественности.

- изучить подходы к восприятию украинского языка и определению его места в культурно-языковой среде империи.

Теоретико-методологическая база исследования. Базовыми методологическими принципами настоящего исследования стали принцип историзма и принцип целостности. Использование первого принципа было необходимо в связи с тем, что культура, как динамично развивающаяся система, всегда тесно связана с конкретными историческими условиями своего существования. Использование второго принципа, сопряженного с принципом объективности, обусловлено важностью изучения украинского культурного пространства в рассматриваемый период именно в контексте развития общеимперской культуры.

Междисциплинарный характер исследования и сложность заявленной проблематики потребовал привлечения целого ряда методов, основными из которых стали:

- Синхронический метод, который позволил проанализировать украинскую и имперскую культуры в их синхронном развитии на определенном историческом этапе. Применение данного метода позволило, с одной стороны, выявить общие для культурных пространств России и Украины черты, а с другой – установить различия и противоречия между ними.

- Сравнительно - исторический метод дал автору возможность сравнить украинскую и имперскую культуры с точки зрения их целей и задач. Его использование позволило выявить специфические черты обоих культурных пространств, обусловленные особенностями их исторического развития.

- В тесной взаимосвязи со сравнительно-историческим подходом был использован и аксиологический (ценностный) подход/метод, который позволил выявить ключевые ценности имперского (российского) и украинского культурных пространств.

- Географический метод позволил очертить границы украинского культурного пространства, установить цивилизационно-территориальные факторы воздействия на него.

Теоретической основой исследования стала теория архитектоники культурного пространства С.Н. Иконниковой, понимающая определенное культурное пространство как сложное гетерогенное образование, имеющее общие точки соприкосновения, но представляющее собой, тем не менее, «дробное множество». Кроме этого, автор опирался на концепцию двойственности культурного пространства, предложенную И.И. Свиридой[41]. Важное теоретическое значение для разработки темы имели теоретические работы М.В. Силантьевой[42], М.Я. Сарафа[43] и других исследователей.

Научная новизна исследования:

- Впервые в отечественной науке в диссертационном исследовании проводится культурологический анализ восприятия российским общественным мнением второй четверти XIX в. культурных процессов («украинского культурного пробуждения), происходивших в указанный период на территории Украины.

- В работе впервые проводится анализ специфики культурного пространства украинских территорий в соотношении их с общеимперским

[41] Свирида И. И. Пространство и культура: аспекты изучения // Славяноведение. - 2003. - № 4 и др.

[42] Силантьева М.В. Национально-культурный миф в условиях современного трансцензуса: философский анализ // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 2; Силантьева М.В. Компаративный анализ ревитализации национально-культурного мифа в религиозном измерении: Россия vs Западная Европа // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. - 2016. - Т. 16 и др.

[43] Сараф М.Я. Национальные культурные пространства России и Украины: единства и противоположности // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Труды II международной научно-практической конференции. М.: ИНИОН РАН, 2014 и др.

культурным пространством, устанавливаются их особенности, а также на основе теоретических моделей выявляются характерные черты взаимодействия между ними.

- В научный оборот вводятся новые источники, позволяющие осветить восприятие украинского культурного возрождения во второй четверти XIX в. В первую очередь, это касается журнальных статей, авторы которых обращались к вопросу культуры на украинских землях.

Положения, выносимые на защиту:

- Культурное пространство представляет собой одну из сфер жизни человека и общества и понимается нами как пространственно-временной континуум, характерный для той или иной географической территории, включающий в себя всю полноту накопленного культурного опыта, в его духовном и материальном аспектах.
- Культурное пространство Российской империи первой половины XIX в. продолжало оставаться раздробленным и поликультурным. Архитектоника культурного пространства Российской империи в XIX в. имела многослойную структуру, но, тем не менее, вполне очевидна просматривается ее основная линия – попытка максимально приблизить национальные окраины к культурному стандарту имперского ядра.
- Культурное пространство Украины в рассматриваемый период мы можем определить как гетерогенное – крайне неоднородное по своему составу. Главными агентами культурного влияния на него выступали Россия, Польша, Литва, а также Австро-Венгерская империя.
- Определяя взаимоотношения между российским (имперским) культурным пространством и культурным пространством украинских земель в рассматриваемый период, мы можем определить их как конфликтные, что было связано, с одной стороны, с культурно-национальным возрождением на Украине, а с другой – с нарастающими попытками имперского центра привести все культурное пространство империи к максимальному единообразию.

- Среди различных аспектов украинской культуры наибольший интерес у русской общественности вызывали вопросы, связанные с развитием украинского этноса, его культурная самобытность, а также вопрос происхождения и развития украинского языка

- Украинский вопрос в рассматриваемый период вызывал неоднозначную реакцию в среде российской культурной интеллигенции. Если часть ее пыталась отстаивать самобытные начала украинской культуры, понимая украинское культурное пространство как автономное и саморазвивающееся, то другая (консервативно настроенная) подходила к проблеме украинской культуры, скорее, с государственнических позиций, заявляя о подчиненности украинской культуры имперской и скорейшей необходимости ее унификации и русификации.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Изучение особенностей формирования и развития украинской культуры, а также ее культурологический анализ в преломлении ее через призму российского общественного мнения представляется крайне важным и актуальным, в связи с неоднозначностью трактовок проблемы соотношения локального и глобального в рамках того или иного культурного пространства. Исследование вносит вклад в теоретическое осмысление феномена культурного пространства, в том числе в части теоретической разработки понятия «культурное пространство», его структуры, соотношения его уровней и взаимодействия между ними.

Материалы исследования могут быть полезны учреждениям и ведомствам, занимающимся вопросами межкультурного взаимодействия. Кроме этого, они могут быть использованы при подготовке учебных курсов по культурологии, истории культуры, истории России.

Апробация работы и практическое использование результатов исследования.

Результаты диссертационного исследования были апробированы на международных и всероссийских конференциях, круглых столах и

семинарах. В частности, следует упомянуть о таких мероприятиях, как круглый стол «Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период)» (Москва, 2002), Никитинские чтения (Институт Славяноведения РАН), международная конференция «Этногеографическая терминология истории восточных славян» (Москва, 2003) и др.

Помимо этого, основные научные результаты диссертации нашли свое отражение в статьях, опубликованных автором в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, общим объемом 1,4 п.л.[44]

Выводы и положения, полученные по итогам диссертационного исследования, легли в основу коллективной монографии[45] и ряда публикаций автора.[46]

---

[44] Александровский И.С. Образовательное измерение культурной политики Российской империи и «украинский вопрос» в XIX столетии // Genesis: исторические исследования. – 2018 – № 10. С. 59-65; Александровский И.С., Касаткин П.И. Формирование украинского культурного пространства в Российской империи в XIX столетии: основные тенденции // Genesis: исторические исследования. – 2018 – № 10 С. 66-71; Александровский И.С. Культурная политика Российской империи на малороссийских землях в XIX столетии: образовательный аспект // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2018 – № 4 (79) С. 5-8.

[45] Александровский И.С. «Украинский вопрос» на страницах периодических изданий второй четверти XIX в. // Русские об Украине и украинцах. СПб.: Алетейя, 2012. С. 122-171., а также Александровский И.С., Лескинен М.В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о малороссийском языке в российской литературной и научной публицистике XIX в. // Русские об Украине и украинцах. СПб.: Алетейя, 2012. С. 172-243.

[46] Александровский И.С. «Язык» или «наречие»? Полемика вокруг украинского языка в XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2009 – № 1. С. 46-53; Александровский И.С. Украинский национальный характер в зеркале русской общественной и государственной мысли первой половины XIX в. // История государства и права. – 2009 – № 24. С. 12-15; Александровский И.С. Начальный период деятельности Русского географического общества и его подходы к изучению восточных славян (1845-1850) // Наукові записки з української історії. – 2009 – № 15. С. 219-224; Александровский И.С. Некоторые аспекты восприятия российской общественностью малороссийской самобытности в первой половине XIX в. // Белоруссия и Украина: История и культура. М.: 2003. С. 165-170; Александровский И.С. Малороссийская тематика на страницах «Северной пчелы» // Славянский альманах, 2001. С. 144-159.

ГЛАВА I. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX в.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕКСКИЙ АСПЕКТ

1.4 Культурное пространство: соотношение глобального и локального уровней

Прежде чем говорить о специфике культурного пространства Российской империи в рассматриваемый период, а также о соотношении русского и других, в частности, украинского национальных компонентов внутри него, на наш взгляд, необходимо определить саму категорию культурного пространства, как базовую фундаментальную дефиницию. Следует отметить, что «чаще всего теоретики культуры уделяли внимание временному исследованию культуры, подчеркивая тем самым ее изменчивость, подвижность. Однако многомерность культуры не может быть определена исключительно в темпоральных характеристиках».[47] Таким образом, представляется крайне актуальным проанализировать феномен культуры с точки зрения его пространственных характеристик, которые, на наш взгляд являются не менее важными.

Термин «культурное пространство», который все чаще используется в культурологическом дискурсе современности, является не столь однозначным и определенным. Как верно отмечает А.В. Бабаева, «в последнее время термин «культурное пространство» встречается в самых разнообразных вариантах. Каждый из авторов вкладывает в него свое восприятие, поэтому усиливается разрыв между прочтением и смыслом, который вкладывался изначально».[48]

---

[47] Бабаева А.В. Структура культурного пространства. Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора философ. наук. Томск. 2004.

[48] Бабаева А.В. Современная западная философия о культурном пространстве // Серия “Symposium”, Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Выпуск 7 / Материалы научной конференции Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 224 с.

Как правило, когда речь идет о культурном пространстве, в первую очередь встает вопрос о категории пространства как такового. Тема пространства впервые была поднята еще в античности (Демокрит, Аристотель, Эпикур и др.), затем на протяжении веков привлекала к себе все большее внимание и получала самые неожиданные ракурсы.[49] Учитывая данный аспект, мы можем опереться на понимание пространства, с одной стороны, как протяженности в ее физическом понимании, а с другой – как метафизической сущности, не имеющей определенных границ. Исходя из этого, культурное пространство может трактоваться как определенная географическая территория, культурный ареал, обладающая своими культурными особенностями (например, культурное пространство Российской империи) или же как пространство, скорее, в его временном прочтении (например, культурное пространство средневековья).

Как верно подчеркивает Е.В. Орлова, «культурное пространство обнаруживает себя как некую материальную и духовную реальность. Осваивая пространство, насыщая его знаками и значениями, культура осмысляет его природные признаки. Изначально чисто топологические признаки перерабатываются в так называемую «вторую природу» - культурное пространство. Человек, как творец культуры, творит и пространство своего обитания».[50] Таким образом, культура, как «вторая природа» создается человеком и социумом, а, следовательно, обязательным условием существования культурного пространства является человек и его деятельность.

С другой стороны, «культурное пространство - это также пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей,

[49] Шишкина А.А. Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 220.

[50] Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 3 (18). - http://www.analiculturolog.ru/journal/ archive/item/589-cultural-space-structure-determination-of-specificity.html

способностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм, и т. д.».[51] То есть, вне культурного пространства человеческая деятельность фактически становится невозможной, так как человек теряет ориентиры, представленные культурным кодом того или иного культурного пространства. В этом смысле, современные глобальные процессы стирают эти границы, делая, с одной стороны, культурное пространство унифицированным, а с другой – универсальным. Сопредельная культурная среда (пространство) перестает быть незнакомым. Отметим, что в данном случае особое значение имеет усвоение единой знаковой системы, ведущую роль в которой играет, безусловно, язык. Так, современное распространение английского языка по всему миру, который становится «рабочим языком» постиндустриального информационного общества, делает возможным быструю адаптацию индивида в незнакомом ему культурном пространстве.

По мнению Е.Г. Зинкова культура реализует себя через культурное пространство. Указанный автор пишет: «… культурное пространство есть форма существования культуры в единстве ее материально-вещественных и духовно-смысловых результатов и образцов, которая выражает протяжённость их распространения, степень воздействия на сознание и поведение людей, глубину усвоения, принятия ими ценностно-смыслового содержания культуры. Эти три момента и составляют измерения культурного пространства».[52] В данном случае мы, по сути, имеем дело с отождествление культуры и культурного пространства. Очевидным плюсом приведенного определения является его комплексность, которая заключается в том, что Е.Г. Зинков рассматривает культурное пространство во всей полноте взаимосвязей различных компонентов (протяженность, влияние, ценностное содержание) и их диалектической взаимозависимости. Иными словами,

[51] Быстрова А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. - 2004. - №12. - С. 39.
[52] Зинков Е. Г. Культурное пространство российской духовности: дисс. … доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 46.

«формируя культурное пространство человек осуществляет свой способ видения мира. В свою очередь культурное пространство воздействует на человека».[53] Недостатком же его, по нашему мнению, является то, что автор не учитывает временной фактор, а лишь протяженность в ее физическом смысле.

Ряд авторов говорит о том, что культурное пространство можно и следует рассматривать и в других контекстах. Так, И.И. Свирида полагает, что следует выделять концептуальное и бытийное культурное пространство, между которыми существует определенная разница. Так, пространство концептуальное – это пространство, «творимое в текстах культуры, оно претворено в образе. Другими словами - это реальное пространство, которое свидетельствует о том, что культура работает с категорией «культурное пространство». Пространство же бытования культуры - это «та среда, в которой, координируясь, существуют и развиваются культурные явления».[54]

Очевидно, что культурное пространство по своей сути может иметь вариативные формы и содержание. Это, в первую очередь, касается соотношения в той или иной культуре духовного и материального начала. И здесь мы можем выделить, использую терминологию П. Сорокина, идеациональное культурное пространство и чувственное культурное пространство. Как писал П. Сорокин, характеризуя идеациональную культуру, это «такая унифицированная система культуры, основанная на принципе сверх чувственности и сверхразумности Бога, как единственной реальности и ценности, может быть названа идеациональной».[55] Говоря о чувственной культуре, П. Сорокин указывал, что «основной принцип нашей

---

[53] Бабаева А.В. Современная западная философия о культурном пространстве // Серия “Symposium”, Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Выпуск 7 / Материалы научной конференции Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 224 с.

[54] Свирида И. И. Пространство и культура: аспекты изучения // Славяноведение. - 2003. - № 4. С. 19-21.

[55] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Общество / Общ. ред. сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992С. 335

современной чувственной культуры — светский и утилитарный...».[56] То есть, здесь мы сталкиваемся с еще одним возможным подходом к культурному пространству, с точки зрения превалирования в нем того или иного начала (идеального либо материального).

Вопрос о соотношение глобального и локального компонентов в культурном пространстве не является новым. Разумеется, в условиях глобального мирового развития он приобрел новое звучание и стал еще более актуальным. Но, тем не менее, на протяжении человеческой истории процесс распространения доминирующего культурного пространства (доминирующей культуры) на сопредельные культурные пространства/ареалы наблюдался не раз. В первую очередь, он был связан с созданием крупных государственных образований – империй. Очевидно, что и в ходе создания империй соотношение локального и глобального было неоднозначным: этот вопрос в разные времена и на разных территориях решался по-разному. Несмотря на то, что, как отмечает В.С. Малахов, «приведение всего населения, находящегося под имперской юрисдикцией, к одному правовому и культурному знаменателю поставило бы под угрозу политическую стабильность»[57], степень воздействия культуры метрополии на культурное пространство окраин варьируется от империи к империи. В частности, если говорить о Римской империи, то, как хорошо известно, в ее рамках не происходило унификации культурного пространства по римскому образцу. Напротив, культурное пространство расширялось за счет включения в него все новых и новых компонентов. Несмотря на то, что по мнению некоторых авторов, «Римская империя самоопределялась как «orbis terrarum» - «круг земель», отражающий совершенное мировое кругоустройство, как «мир», объединяющий земли, племена и народы, консолидирующий

[56] Там же. С. 335.

[57] Малахов В.С. Нация и культурное разнообразие в имперской, советской и постсоветской России // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А.Тишков, Е.И.Филиппова; Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 191.

территориальное, политическое и культурное пространство»[58], тем не менее, на наш взгляд, следует согласиться с мнением, что «составными частями процесса взаимодействия культур центра и периферии римского мира являются, с одной стороны, тенденция к созданию синкретических культур, единого культурного пространства, с другой стороны - интенция к выявлению, обозначению неидентичности, оппозиционности римско-италийской, эллинистической, региональных гетерогенных культур, культур метрополии и провинций».[59]

В то же время, противоположные тенденции наблюдались в рамках Российской империи, где унификация культурного пространства, через распространение христианства и русского языка, являлась постоянным политико-культурным трендом, а дискуссии о необходимости этого процесса продолжались вплоть до 1917 г. Те же тенденции очевидно прослеживались и в период существования советской власти, когда единое культурное пространство фундировалось русским языком, русской культурой в целом, а также коммунистической идеологий.

Таким образом, проблема соотношения глобального и локального уровней в культурном пространстве является крайне актуальной и не столь однозначной. На наш взгляд можно выделить несколько моделей взаимодействия различных культур (различных культурных пространств).

С точки зрения понимания культурного пространства как территориально-географической протяженности мы выделяем следующие модели:

- Модель сосуществования различных культур в рамках единого культурного пространства, которое, по сути, становится мультикультурным.

---

[58] Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима // Вестник МГИМО Университета. 2008. № 2. С. 4

[59] Гусева С.Ю. Проблема взаимодействия культур центра и периферии Римской империи: На анализе жизни и творчества Луция Аннея Сенеки. Автореферат диссертации на соискание уч. степени кандидата философ. наук. СПб. 2003.

- Модель противостояния культурных пространств, при которой локальные культуры не желают отказываться от своей культурной идентификации.

- Модель поглощения доминирующей культурой локальной культуры.

- Модель синкритизации культуры, когда в результате взаимодействия различных культурных пространств происходит гибридизация, появление смешанной культуры в рамках синкретического культурного пространства.

С точки зрения понимания культурного пространства как темпоральной категории, связанной с той или иной стадией исторического развития, мы можем выделить следующие модели:

- Эволюционную модель, при которой происходит постепенная смена культурных парадигм, естественное развитие и трансформация культурного пространства.

- Революционная модель, при которой происходит резкий слом предыдущей культурной парадигмы, фактическое уничтожение предыдущего культурного пространства и создание принципиально нового.

Рассмотрим каждую из предложенных нами моделей. Итак, модель сосуществования различных культур, на наш взгляд, наиболее ярко проявляет себя в условиях современности, когда либерально-демократическая политика мультикультурализма, мирного и уважительного сосуществования различных культурных традиций. В результате создается гетерогенное культурное пространство, фундирующей силой которого становится не единство знаково-символической системы и духовно-материального базиса, а, наоборот, его отсутствие. На сегодняшний день данная модель является крайне дискуссионной и противоречивой, учитывая, что на территориях, где она реализуется (например, в Западной Европе), постоянно звучат мнения о ее несостоятельности. Кроме этого, до сих остается дискуссионным и сам термин. Так, в теоретическом аспекте мультикультурализм разделяют «на «жесткий», делающий акцент на признании любых различий, и «мягкий», соединяющий различия с

интегрирующими элементами».[60] Кроме этого, существует «мультикультурализм либеральный, левый, религиозно-коммунитарный, феминистский и др., в зависимости от мировоззренческой рамы и того, что в ней является главным посылом, главной ценностью – идея свободы, индивидуализм, равенство, права сексуальных меньшинств, религия и интересы религиозной общины и т.д.».[61]

Вторая из выделяемых нами моделей соотношения глобального и локального культурных пространств – это модель столкновения. Как верно отмечает «культурные конфликты — сфера, имеющая отношение не только к первобытным племенам, но и к истории цивилизации в целом».[62] Взаимодействие культур, особенно в период глобализации (хотя и на более ранних этапах культурно-исторического развития тоже), действительно в ряде случаев сопровождается попытками локальной культуры противостоять доминирующему воздействию со стороны глобальной культурной парадигмы. Отметим, что в данном случае мы говорим о столкновении культур не в хантингтоновском смысле «столкновения цивилизаций» (то есть глобальных культур, а с точки зрения именно попыток более масштабной по своему воздействию (но не обязательно более масштабной в плане пространственно-временного континуума) культуры занять иные локальные культурные пространства. Иными словами, речь идет о том, что можно определить, как культурную экспансию, где культурная экспансия – это специфическая форма межкультурной коммуникации, которая «представляет собой расширение сферы влияния доминирующей (национальной) культуры за первоначальные пределы или государственные границы. По своей сути это

---

[60] Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма – http://polit.ru/article/2007/05/27/multiculturalism/

[61] Нарочницкая Е.А. Мультикультурализм как философско-политическая концепция. Фонд исторической перспективы. 2013 - http://www.perspektivy.info/book/multikulturalizm_kak_filosofsko-politicheskaja_koncepcija_2013-12-12.htm

[62] Бодзяны М. Столкновение культур и идентичности. Социологические аспекты мультикультурализма в эпоху общественных перемен //Культурно-историческая психология. 2008. № 4. С. 78.

процесс преимущественно однонаправленной межкультурной коммуникации».[63]

Так, под процессом столкновения на данном уровне можно понимать процессы, происходящие в ходе глобализации. С другой стороны, и в предыдущие этапы исторического развития мы можем наблюдать схожие процессы, но более ограниченные в пространстве. Речь, в первую очередь идет о расширении культурного пространства империй прошлого. Так, как верно пишет А.Я. Флиер, «откровенной и целенаправленной глобализацией именно в сфере культуры явились походы Александра Македонского и формирование эллинизма как культурной системы, распространившейся от Италии до границ Индии. Синтезация культур полутора сотен народов и племен с греческой, порой доходившая до радикального отказа от автохтонных культурных черт (как это случилось с большинством народностей Передней Азии, фактически «смытых» волной эллинизации), стала одним из наиболее значительных явлений культурной глобализации в истории».[64]

Очевидно, что к данной модели можно отнести и столкновение культур в эпоху колониализма, когда «политика прямого, а отчасти и косвенного управления накладывала ограничения на автохтонные культуры (запрещая применение местных языков в высших звеньях колониального управления), вела к сужению диапазона их функционирования и замедляла их развитие. В результате эти культуры после освобождения оказались не готовыми обеспечить совместное общение из-за бедности и недостаточной дифференциации».[65]

---

[63] Ляшов Ю.И. Экспансия культуры как специфическая форма межкультурной коммуникации // IV Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». 15 февраля – 31 марта 2012 года. Российская академия естествознания - https://www.rae.ru/forum2012/273/1609

[64] Флиер А.Я. Глобализация как культурная тенденция // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 3. С. 61-65.

[65] Ерасов Б.С. Социальная культурология. Издание третье, 1 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000. С. 427.

Как показала современная практика, столкновение двух уровней (глобального и локального) оказалось характерно и для современного мира, в котором, в ходе миграционных процессов значительные этнокультурные сообщества (в первую очередь, мусульманские) оказались в нетрадиционных для них социокультурных регионах. Современная Европа ярко демонстрирует нежелание мигрантов принимать европейские культурные нормы и ценности. Как верно отмечают Федорцев В.А. и Мамедова Л.К., «Проблема заключается в том, что иммигранты-мусульмане часто создают внутри европейского социума так называемое "параллельное общество", которое практически полностью дублирует уже действующие социальные, культурные, религиозные и экономические структуры».[66] В результате формирования подобных «параллельных обществ» возникает тот самый культурный конфликт на уровне глобальное-локальное, который, в том числе, и характеризует сегодня слабость политики мультикультурализма.

Третья из предлагаемых нами моделей взаимодействия глобальных и локальных культур связана с поглощением доминирующей культурой локальной культуры. Процесс ассимиляции в данном случае связан, в первую очередь, с уничтожением носителей культуры, то есть людей. Как верно замечает «полное поглощение одной культурой другой может происходить лишь при насильственном уничтожении сильной культурой более слабой, примером чего является уничтожение древней культуры майя и ацтеков после завоевания Америки испанцами».[67] В США «индейская культура была вытеснена и практически уничтожена европейцами».[68]

В результате ассимиляции локальная культурная традиция полностью исчезает, а ее оставшиеся представители принимают нормы и стандарты

[66] Федорцев В.А. и Мамедова Л.К. Европейский союз: поиск "европейской идентичности" // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). С. 55.
[67] Гавров С.Н. Национальная культура и модернизация общества. М.: МГУКИ, 2003. С. 12.
[68] Гаврилова Н.С. Англо-американский мир в рецепции И. Бродского: реальность, поэзия, язык. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск. 2007. С. 15.

глобальной доминирующей культуры, отказываясь от своего культурного наследия.

Культурная ассимиляция в современном культурологическом дискурсе понимается также и как аккультурация. Аккультурация - это «процесс и результат взаимного влияния различных культур, при котором все или часть представителей одной культуры перенимают нормы, ценности и традиции другой, при этом происходит смешение культур и достигается состояние культурной и этнической однородности».[69]

На наш взгляд, понятия ассимиляции и аккультурации не являются синонимичными и однородными по своему содержанию. Если ассимиляция – это процесс исчезновения локальной культуры, то аккультурация – это, скорее, процесс, связанный с синкретической реакцией, в ходе которой происходит синтез двух и более культур и формирование на их основе фактически новой культуры, впитавшей в себя элементы базовых культур. С другой же стороны, аккультурация далеко не всегда приводит к ассимиляции, что позволяет нам говорить о том, что ассимиляция является частным случаем аккультурации, одним из ее возможных результатов. Что же касается аккультурации, то «аккультурация как процесс не приводит к внутренней или внешней однородности. Несмотря на то, что процесс аккультурации часто бывает деструктивным, поглощая определенные культуры, он может быть и созидательным, когда группы восстанавливают свои первоначальные культуры».[70]

При этом отметим, что, аккультурация все же во многом связана с попытками навязывания новых культурных стандартов и ценностей. Канадский исследователь Дж. Берри выделяет пять основных видов/моделей

[69] Павлова О.Д. Идентичность в системе межкультурного взаимодействия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 30 (245). Философия. Социология. Культурология. Вып. 22. С. 83.

[70] Стадников М.Г., Мокрецова О.Г. Стратегии аккультурации этнических меньшинств: конфликтные стороны взаимодействия // Вестник СПбГУ. Сер. 12, 2010, вып. 1. С. 318.

аккультурации, которые на наш взгляд, соответствуют реальной практике взаимодействия культур, как в прошлом, так и в настоящем:

- ассимиляция;
- сепарация;
- маргинализация;
- интеграция.

Под ассимиляцией Дж. Берри понимает полное слияние, при котором происходит отрицание собственной культуры при нежелании или невозможности ее сохранения. При сепарационной модели происходит отрицание глобальной культуры, закрытие человека/сообщества от нее и пресечение всяких межкультурных контактов и коммуникаций. В случае с моделью маргинализации человек/сообщество как не приемлет свою культуру, так и отрицает доминирующую глобальную культуру. В результате происходит потеря своей культуры, при отсутствии контактов с другой культурой. И, наконец, в случае с интеграционной моделью человек сообщество «приспосабливается жить между господствующей и родной культурой. В результате рождается успешный мультикультурализм».[71]

На наш взгляд, к этой, в целом, верной классификации необходимо добавить и пятый вид/модель аккультурации – синкретизм. В результате взаимодействия культур происходит их смешение.

Следует отметить, что процесс насаждения глобальной культуры и замена ей локальной может происходить и через процесс инкультурации. Как верно обращает внимание О.А. Янутш, «последние несколько лет в отечественных работах… все чаще стал использоваться термин «инкультурация». При этом, как часто бывает с новыми понятиями, получающими широкое распространение за относительно короткое время,

[71] Иконен С., Рому П. Аккультурация русскоязычных иммигрантов в Финляндии сохранение русской культуры в чужом окружении. Университет г. Ювяскюля. 2013. С. 31-32.

его смысл трактуется довольно свободно».[72] Таким образом. Следует пояснить что именно мы имеем ввиду, когда говорим об инкультурации в процессе взаимодействия глобального и локального культурных уровней.

С точки зрения Е.Б. Попковой, инкультурация – это «процесс усвоения навыков и знаний, необходимых для жизни в другой культуре. Это происходит в процессе отношений взаимообмена между человеком и его культурой, при которых, с одной стороны, культура определяет основные черты личности человека, а с другой стороны, человек сам влияет на свою культуру».[73] Ю.В. Батурина отмечает, что «инкультурацию принято определять как процесс придания личности общей культурной компетентности по отношению к стандартам того общества, в котором она живет».[74] Таким образом, в данном случае мы видим понимание инкультурации как процесса постижения культурных ценностей, погружения в культуру. В этом контексте инкультурация трактуется как социализация в том же аспекте, как ее понимает основоположник данной концепции инкультурации М. Херсковиц.[75] Все они связаны с прочтением инкультурации как, скорее, внутреннего процесса. Но что представляет собой инкультурация, направленная во вне, на другую культурную традицию и ее носителей?

И здесь следует обратиться к современному опыту инкультураци. Одним из ярких примеров может служить политика инкультурации, проводимая Католической церковью по отношению к автохтонному населению стран Латинской Америки. Этот вопрос в своих работах подробно разрабатывает отечественный исследователь А.Н. Данненберг, согласно точке зрения которого, инкультурация в данном случае может

[72] Янутш О.А. «Инкультурация»: проблемы определения объема и содержания понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 173.
[73] Попкова Е.Б. Теоретические подходы к исследованию инкультурации как социокультурного процесса // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3.
[74] Батурина Ю.В. Проблемы инкультурации современной личности в процессе изучения мировой художественной культуры // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Том I (Гуманитарные науки). С. 252.
[75] Herskovitz M.J. Man and His Works: The Science of Cultural Antropology. N.Y., 1948.

рассматриваться именно как попытка навязывания, насаждения иной духовно-культурной традиции путем частичного взаимопроникновения друг в друга различных культур. И, более того, речь идет, скорее, о сознательном включении в глобальную культуру элементов локальной культуры. Резюмируя, мы можем сделать вывод о том, что инкультурация (с точки зрения внешнего воздействия) – это процесс приобщения представителей одной культуры (локальной) представителями другой культуры (глобальной) к своим культурным ценностям, в ходе которого в глобальную культуру включаются элементы локальной культуры, с целью наилучшего восприятия ее (глобальной культуры) со стороны представителей локальной культуры. Отметим, что данный процесс «включения» происходит как на духовном, так и на материальном уровнях. Обращаясь к примеру Католической церкви, мы можем говорить о том, что в ее случае практика инкультурации по отношению к населению Латинской Америки выражается в том, что богослужения могут проводиться на местных языках, в них могут быть включены элементы народной культуры (песни, танцы) и так далее.

Но подобный симбиоз, призванный приблизить глобальную культуру (в данном случае христианскую) к локальной, чтобы затем заменить ее (в данном случае обратить индейцев в христианство) приводит к непредсказуемым последствиям. Так, как отмечает А.Н. Данненберг, рассматривая практику инкультурации Католической церкви в Латинской Америке, «Католическая церковь в рамках проводимой ею политики инкультурации столкнулась с проблемой невозможности, в ряде случаев, формирования у населения полноценного христианского мировоззрения. Вместо этого результатом явилось возникновение новых синкретических культов, ставших на сегодняшний день фактически самостоятельными религиозными феноменами».[76]

[76] Данненберг А.Н. Католическая церковь в Латинской Америке в конце XX – начале XXI вв.: философско-религиоведческий анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М. 2015. С. 25.

Таким образом, пятая, предлагаемая нами модель культурного взаимодействия глобального и локального уровней, приводит к формированию новой синкретической культуры, эклектичной по своему содержанию, но единой с точки зрения формы. Иными словами, в данном случае культурный синкретизм понимается как «культурная целостность, утверждающая эпохальное качество образующихся мыслительных моделей в наивысшей слитности их художественного, философского и религиозного компонентов».[77]

Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы. Одной из сфер жизни человека и общества является культурное пространство, которое понимается нами как пространственно-временной континуум, характерный для той или иной географической территории, включающий в себя всю полноту накопленного культурного опыта, в его духовном и материальном аспектах. Культурное пространство может иметь локальный и глобальный уровни. Например, средневековое культурное пространство Европы (как пространственно-временной континуум) включало в себя локальные (региональные) культурные пространства отдельных формирующихся наций-государств. В условиях же современности глобальное культурное пространство понимается как пространство, возникающее в процессе глобализации, и характеризующееся унификационными вестернизированными тенденциями. При этом культурное пространство «характеризуется динамичностью, способностью к саморазвитию, изменению масштабов, объема и структуры, пространственных границ».[78]

[77] Безклубая С.А. Культура Киевской Руси: парадокс средневековья // Электронный журнал «Труды МАИ». Выпуск № 33 - http://trudymai.ru/upload/iblock/6b2/kultura-kievskoy-rusi-paradoks-srednevekovya.pd

[78] Нархова Е.Н., Сидоренко И.А. Культурное пространство и современное студенчество // Национально культурное пространство и проблемы коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции. 25–26 октября 2007 г. Часть 1. СПб. 2007. С. 79.

Таким образом, соотношение глобального и локального уровней культурного пространство следует рассматривать с учетом исторических реалий, в которых данные пространства существовали.

Взаимодействие глобального и локального культурного пространства так же не единообразно и может носить различный характер. В исторической ретроспективе, как правило, происходило насильственное подавление глобальной культурой локальных культур с целью формирования гомогенного культурного пространства (например, той или иной империи). Сегодня же мы говорим о гетерогенности культурного пространства как его ключевой характеристике.

1.2 Украинское культурное пространство в культурном пространстве Российской империи

Очевидно, что русская государственность на первом этапе своего существования была связана именно с территорией современной Украины, так как именно Киев являлся столицей Древнерусского государства. В ходе исторического развития новым центром объединения русских земель стала Москва, которая превратилась в столицу, сначала, Московского княжества, а потом и царства. Судьба самих украинских земель после периода феодальной раздробленности была несколько столетий связана с такими государствами, как Польша и Литва. Только в XVIII в. большая часть территории современной Украины оказывается под властью Российской империи. Тем не менее, и в XIX в. Украинские земли в XIX в. входили в состав двух государств, восточные – были подчинены Российской империи, а Галиция, Буковина и Закарпатье – империи Габсбургов. В результате,

«территориальная раздробленность, отсутствие единого государства негативно влияли на развитие украинской культуры».[79]

Таким образом, прежде чем говорить о месте и роли украинского культурного пространства в Российской империи, следует проанализировать его особенности и специфику формирования.

Итак, «на протяжении столетий украинская культура является пространством межкультурного и межконфессионального диалога, взаимодействия различных традиций, ценностных систем и художественных традиций».[80] Действительно, мы можем выделить, как минимум четыре культурных компонента, которые, в той или иной степени, сформировали к XIX в. то, что мы можем идентифицировать как «украинское культурное пространство»: древнерусский, польский, литовский и русский.

Как отмечает современный украинский автор О.А. Базалук «после освобождения от монгольского ига, территория современной Украины продолжала оставаться водоразделом между экспансией азиатско-европейской культуры Московского княжества и носителем европейской культуры Великим княжеством Литовским. Впоследствии это противостояние приобрело более масштабные формы: более 800 столетий по территории современной Украины пролегает цивилизационный раскол между православной и западной цивилизацией».[81]

Украинское культурное пространство XIX в. мы можем определить как гетерогенное – крайне неоднородное по своему составу. Влияние западной культуры на Украину, начавшееся частично в первой половине XVI столетия, значительно усилилось после Люблинской унии и продолжалось почти до конца XVIII века.[82]

---

[79] История украинской культуры / Е. А. Петутина, Н. В. Вандышева-Ребро, А. В. Голозубов [и др.]; под ред. Е. А. Петутиной. – Харьков: НТУ «ХПИ», 2012. С. 78.
[80] Там же. С. 3.
[81] Базалук О.А. Геофилософия Украины // Гуманітарний вісник ЗДІА. 2016. № 64. С. 146.
[82] Семененко В.И. История Украины с древнейших времен до наших дней. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Харьков: Торсинг, 2002.

Безусловно, важное значение для взаимодействия различных культурных пространств имеет знаково-символическая система, которая, в первую очередь, представлена языком. Исчезновение языка, как правило, ведет к исчезновению культуры: «Язык отражает культуру — и каждый язык уникален, потому что народы, их культурные традиции, условия жизни и картины миры различаются».[83] При этом, как верно отмечает О.А. Кострова, «неразрывная связь и взаимная зависимость языка и культуры в последние годы настолько часто стоят в центре дискуссий, что, пожалуй, не требуют особых доказательств».[84] Таким образом, проблема сохранения и развития украинского (малороссийского) языка была одной из крайне актуальных на протяжении всей истории взаимоотношений России с Украиной.

Отметим, что в рассматриваемый период ряд авторов пытался доказать не только важность украинского языка, но и его превосходство над русским языком. Так, В. И. Даль утверждал, что «язык малороссов имеет большое преимущество перед русским языком в области той отрасли словесности, которую именем простодушный отличают от так называемой чувствительной. Если всю изящную словесность разделить, как Шиллер это сделал, на наивную и сентиментальную, то быт и язык Украины присваивает себе преимущественно первую». Сравнивая украинский язык с русским В.И. Даль замечает, что русский язык неоднороден и имеет несколько видов: язык крестьян или простолюдинов, разговорный язык - «пестрый, несвязный», книжный язык, разделяющийся по слогу на высокий, низкий, средний, шуточный, важный и т.д. Язык же малороссов, «напротив того, сохранил всю девственную простоту свою и силу и всюду себе равен». Даль выступает в защиту родственного языка: «Не знаю, можно и должно ли говорить, что для нас язык малороссов не нужен, что воскрешать его не к чему и прочее. Разве есть на свете язык - живой или мертвый - которым люди говорят или

[83] Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки. 2012. С. 5.
[84] Кострова О.А. Язык, культура, идентичность - http://olgakostrova.narod.ru/articles/lang-culture-identity.pdf

говорили, плакались или радовались и который бы не стоил внимания нашего? А если еще и поныне сотни тысяч людей говорят этим языком, да если язык этот еще и наш кровный, родной, братский, одного с русским корня, так неужели он и тогда для нас лишний? По-моему, не только можно им заниматься для удовольствия и любопытства, - должно изучать его, как пособие нашего языка».

Издатель журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньин в своем «Живописном путешествии по России», осуществленном в 1830 г., характеризовал малороссийский язык как довольно звучный, находящийся гораздо ближе к церковнославянскому, нежели русский, несмотря на обилие «татарских слов, принятых им». В своих заметках Свиньин попытался очертить ареал распространения малороссийского языка, который, «находясь под влиянием Польши и Литвы, во многих местах, особенно в пограничных, претерпел большое изменение». Колыбелью малороссийского языка издатель «Отечественных записок» называл Полтаву, где язык сохранился в первоначальной чистоте своей и «без посторонней примеси звучит по хуторам и селам. При приближении к Чернигову он заметно начинает портиться, за Черниговым изменяется в литвинский, в Киеве смешивается с польским, а за Киевом совершенно исчезает».[85]

Приведенные мнения, относящиеся к периоду XIX в., на наш взгляд, свидетельствуют о двух важных моментах: во-первых, в среде российской интеллигенции был значительный интерес к украинской культуре, и, в частности, к украинскому языку. А, во-вторых, о том, что даже на уровне языка территория Украины не являла собой культурной гомогенной общностью, единым культурным пространством. Данный факт имеет крайне важное значение, так как в этом аспекте мы можем говорить об украинском культурном пространстве в рассматриваемый период как о «лоскутном», крайне гетерогенном.

[85] «Отечественные записки». 1830. № 120. С. 31-37.

Среди русской интеллигенции начала XIX в. бытовало представление об украинцах как ветви русского народа, русский язык трактовался ей как один из диалектов русского языка. В общественном сознании того времени «украинское» часто отождествлялось с патриархальным и простонародным. Были распространены оценки украинской культуры как отжившего явления. В то же время именно тогда некоторые представители русской культуры обратились к малороссийской тематике.

Важно отметить, что так называемое украинское культурное возрождение XIX в. проявлялось, в первую очередь, через создание многочисленных литературных произведений украинских авторов. При этом «мода на малороссийскую тематику в русской литературе того времени во многом вытекала из деятельности самих украинцев. Раннее поколение украинофилов-малороссов ставило своей целью развитие своего языка и культуры».[86]

Несмотря на позитивную оценку украинских произведений в российской культурной среде в 1830-е гг., следует отметить, что общественное мнение в сфере отношения к украинскому национальному возрождению довольно быстро разделилось: наряду с хвалебными отзывами на украинские произведения стали появляться статьи с негативной оценкой и враждебными взглядами на развитие украинской литературы. Показательно, что в разные периоды многие критики и публицисты меняли свою точку зрения. Это во многом было связано с тем, что 30-е гг. явились своеобразным переходным периодом в развитии имперской идеологии.[87] Именно в это время продолжается разработка проекта «большой русской нации», подразумевающего создание единого имперского культурного пространства.

[86] Фомина Е. Концепция «единой русской народности» vs. украинофильство. Малороссы в творчестве И. С. Тургенева // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели / Отв. ред., руководитель проекта: Л. Киселева; редколлегия: И. Булкина, Т. Степанищева, Е. Фомина. Тарту, 2012. С. 322.

[87] См.: Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия. С. 136.

При этом в сознании правителей и русских элит вопрос об образе нации, которая занимала бы ядро империи, и месте, которое принадлежало бы в нем Украине, оставался открытым. Новые веяния очень быстро выразились в общественном мнении, превратившись в дискуссию по украинской проблематике, продолжавшуюся весь XIX в.

На страницах популярной в те годы газеты «Северная пчела» не раз обсуждались дальнейшие перспективы развития малороссийского общества в связи с проникновением «даже в степи Украины» образованности. Фактически же это был призыв к русификации региона, созвучный тогдашней имперской политике. «Как скоро образованность коснется Малороссии, то непременно должны изгладиться и последние черты ее самобытности и оригинальности, потому именно, что эта самобытность заключается в материальных условиях, в коснении, в неподвижности, в отчуждении от всего, что составляет интерес человечества»[88].

Если верить авторам газеты, то прогресс в этом отношении был очевиден: «Все пишущие и читающие малороссияне отказались от родного языка; помещики в домашнем быту говорят не иначе как по-русски; одни только чумаки сохранили свое старинное наречие. Малороссийские паны и помещики отказались от своего национального костюма, оделись в петровские фраки и сюртуки, в циммермановские шляпы и фуражки; они хотят быть русскими, не хотят быть похожими на малороссиян. Они с радостью променяют свой Статут на наш Свод Законов, и все потому, что в высших сословиях нет уже малороссийского духа»[89]. Авторы обозрений малороссийской литературы, полагали, что история, язык и обычаи Малороссии сохранились только в низшем классе ее народа, тогда как все прочие обрусели. А потому «к чему создавать литературу в таком народе, который утратил свою особенность, свою частную физиономию»[90].

[88] «Северная пчела» 1841. № 143.
[89] «Северная пчела» 1834. № 248.
[90] Там же.

Украинская проблематика занимала важное место в длительной полемике враждующих между собой «Маяком» и «Отечественными записками». Два этих журнала находились в постоянном состоянии войны, и украинская литература стала камнем преткновения в споре русских либералов и консерваторов. В качестве примера так называемой «украинской войны» в российской журналистике[91] можно привести статью Корсуна, написанную под псевдонимом Антипенко, в которой автор подверг серьезной критике журнал Краевского за его антиукраинскую направленность.[92] Это было связано с приходом в «Отечественные записки» В. Г. Белинского. С этого момента отношение журнала к украинской литературе сильно изменилось. Именно в вопросах, связанных с отношением к украинской проблематике, один из самых радикальных российских критиков занимал весьма жесткую, бескомпромиссную позицию, во многом схожую с позицией лидеров «реакционной» прессы. А. Н. Пыпин объяснял это тем, что малороссийскую литературу того периода Белинский считал делом народно-романтической прихоти и моды. «В самом деле, - писал Пыпин, - по тогдашним началам трудно было ожидать, чтобы малорусская литература могла быть или стать достоянием и потребностью народа, средством его образования; а малорусской литературы в более широком объеме он не считал возможной…».[93] По мнению Белинского, в то время, когда высшие классы малороссийского общества, лучшие его таланты, как Гоголь, присоединились к русскому обществу и образованию, было бы напрасной тратой сил стремиться к основанию особой малороссийской литературы. Можно предположить, что, будучи гораздо более дальновидным, чем многие другие критики того времени, Белинский понимал, что дальнейшее развитие украинской литературы может привести к

[91] Голубенко П. Україна і Россія у світлі культурних взаемин. Київ, 1993. С. 334.
[92] «Маяк». 1842. Т. 6. 55-56.
[93] Пыпин А. Н. характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1909. С. 464-465.

возникновению культурной автономии региона, которая, в свою очередь, чревата серьезными политическими последствиями.[94]

Следует отметить, что на протяжении XIX века и на территории самой Украины активно действовали две культурные тенденции, которые по-разному представляли себе культурное пространство Украины и его место в культурном пространстве Российской империи. Первая из них – «москвофилы». Представители этого направления не признавали существования украинского народа и его языка, пропагандировали идею "единой русской народности от Карпат до Камчатки", выступали за полную интеграцию с Российской империей. Второе направление – «народовцы». Главной целью народовцев было развитие украинского языка и культуры, повышение культурно-образовательного уровня и национального сознания украинского населения.[95]

Несмотря на то, что в XIX в. украинское культурное пространство не было однородным, тем не менее, как верно отмечал Д.С. Лихачев, «самая характерная черта русской культуры, проходящая через всю ее тысячелетнюю историю, начиная с Руси X—XII веков, общей праматери трех восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского, — ее вселенскость, универсализм».[96] Таким образом, несмотря на серьезное западное влияние (особенно в западных украинских землях), украинская культура в XIX веке представляла собой часть единой русской культуры, тем более, что и сама Россия к этому времени «активно ассимилировала ценности европеизма. Реформы Петра I, связанные с ассимиляцией европеизма, свидетельствовали, что Россия вытеснила в бессознательное все, что с европейской системой ценностей несовместимо».[97] Более того, еще «с Ивана

[94] Подробнее о взглядах Белинского см. параграфы 2-3.
[95] История Украины: конспект лекций / Е.В. Перегуда и др. – К.: КНУСА. 2013. С.34.
[96] Лихачев Д.С. Русская культура. М. Искусство. 2000. С. 392.
[97] Хренов Н.А. Русская культура на перекрестке Запада и Востока // Искусствознание: журн. по истории и теории искусства. 2013. № 3-4. С. 113.

III уже можно говорить о европеизации Московской Руси в смысле широких контактов и взаимопроникновении культур».[98]

Иное дело, что как верно отмечает С.Н. Иконникова, в случае с Россией (и с Российской империей) следует говорить о так называемой «архитектонике культурного пространства», как о его многомерности и динамизме.[99] И в то же время культурное пространство России «одновременно предполагает и его региональность. Региональные культурные пространства и составляют специфику архитектоники культурного пространства России».[100]

Таким образом, украинское культурное пространство в рамках Российской империи следует понимать именно как региональное культурное пространство, но не самостоятельное по своей сути, а являющееся частью единого культурного пространства. Но открытым остается вопрос о том, было ли имперское культурное пространство в рассматриваемый период единым, либо же оно лишь казалось таковым, оставаясь на деле раздробленным, лоскутным. Рассмотрим этот вопрос на примере имперского и украинского культурных пространств.

По мнению отечественного исследователя М.Я. Сарафа, «с полным основанием можно говорить о формировании в течение XVII-XVIII веков общего национального культурного пространства. Тем не менее, при всем единстве общего культурного пространства, в нем существовали и обнаруживали себя довольно серьезные различия, которые в известных обстоятельствах обострялись до противоречий, разрушавших это единство».[101] О каких противоречиях идет речь? По мнению указанного

---

[98] 2 Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2003. С. 118

[99] . Иконникова С.Н. История культурологических теорий. – 2е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2005. – 474 с.

[100] Любичанковский А.В., Любичанковский В.А. Культурное пространство региона в оценке современной российской историографии // Вестник ОГУ 2011. №7 (126). С. 128.

[101] Сараф М.Я. Национальные культурные пространства России и Украины: единства и противоположности // Перспективы скоординированного социально-экономического

автора, главное из них было следующим: «Если Московская Русь стала центром объединения русских земель и в процессе освобождения от ордынской и польско-литовской зависимости сформировалась как централизованное российское государство с четко выраженной направленностью своих национальных интересов и самостоятельной политикой, то Украина оказалась в сильной польской и австро-венгерской зависимости, как в плане государственности, так и в плане культуры. Украинские земли, входившие в Польско-Литовское государство, подвергались сильному воздействию католицизма с его антироссийской направленностью. Экспансия Запада сказалась на образе жизни значительной части высшего сословия украинского общества, на его ценностных ориентациях».[102]

Отметим, что данная тенденция была характерна для самых разных регионов империи, где образованная часть общества (в том числе, и творческая интеллигенция) далеко не всегда была ориентирована на имперские культурные смыслы и ценности. Так, например, размышляя о сформировавшейся в XIX в. северокавказской интеллигенции, С.А. Айралова пишет: «Родившись на «стыке цивилизаций», на «стыке культур», на «стыке эпох» (возникнув там, где имеют место контакты между человеческими обществами, находящимися на различных ступенях общественного развития), северокавказская интеллигенция уже в момент генезиса обнаружила многие черты интернациональной социокультурной среды, причем социальный компонент ее был «почвен», национален, а культурный складывался в русле интернационализации общественной жизни. Впитав русскую и европейскую культуры, северокавказская интеллигенция

развития России и Украины в общеевропейском контексте. Труды II международной научно-практической конференции. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 274-276.

[102] Там же.

основательно «переварила» их и освоила, исходя из собственного положения и собственных задач».[103]

И, более того, некоторые исследователи полагают, что и внутри самого российского культурного пространства, которое являлось культурным ядром имперского культурного пространства, происходило расслоение, формировались «параллельные культурные пространства» и именно в связи с позицией высших сословий. Так, с точки зрения Р.Т. Алиева, в XVIII веке произошло окончательное оформление дворянства в виде аристократической прослойки России и «именно с этого времени можно наблюдать гетерогенность пространства, в котором дворянство и существовало. Его положение, доступ к широким культурным, политическим и социальным благам создают отличные условия для обособления дворянство в отдельное культурное пространство, которое, в свою очередь, детерминирует новые явления».[104]

К 30-м гг. XIX в. в условиях николаевской реакции (особенно после подавления польского восстания) крайне остро чувствовалась неоднородность культурного пространства империи, которая выражалась и в критике русской культуры в целом, обвинениях в ее отсталости и дикости. Апофеозом подобных настроений стали «Философические письма» П.Я. Чаадаева, в которых он подверг уничижительной критике «отсталость России, ее некультурность, дикость; ничтожность ее истории, убожество ее настоящего». [105]

В результате, мы можем говорить о том, что в случае с взаимоотношениями между глобальным имперским и локальным украинским

[103] Айларова С.А. Культурное пограничье как проблема северокавказской общественной мысли XIX века // Культурная политика России на Кавказе как фактор утверждения российской государственности и общероссийской идентичности: Материалы научного семинара / Под ред. докт. ист. наук З.В. Кануковой. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ. РАН, 2016. С. 4.

[104] Алиев Р.Т. Дворянство в Российской империи XVIII-XIX вв. как параллельное культурное пространство // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского Государственного Аграрного Университета. 2016. № 124. С. 623-631.

[105] Самыгин П.С. История / П.С. Самыгин и др. — Изд. 7-е. — Ростов н/Д: «Феникс», 2007. С. 239.

культурными пространства мы имеем дело с удвоение раздробленности. Как само украинское культурное пространство не являло собой единого культурного поля, так и имперское культурное пространство было крайне неоднородным. В следующем параграфе мы подробно рассмотрим особенности культурной политики Российской империи в XIX в., а пока лишь зафиксируем данный факт.

Итак, культурное пространство Российской империи было неоднородным, гетерогенным по своему составу. Постоянно расширяясь и включая в себя все новые территории, обладавшие своей культурной спецификой, культурное пространство империи не только усложнялось, но и поляризировалось, создавая уникальную архитектонику.

Архитектоника культурного пространства Российской империи в XIX в. имела многослойную структуру, но, тем не менее, вполне очевидна просматривается ее основная линия – попытка максимально приблизить национальные окраины к культурному стандарту имперского ядра: «Присоединяя территории и осваивая их, русский народ адаптировал приобретенное социальное пространство как бы «под себя». То есть происходила адаптация существующих социальных институтов: перевод этих социальных институций из разряда «этнокультурное» в разряд «государственное»».[106]

И здесь важно подчеркнуть, что и само базовое культурное пространство империи, которое можно обозначить как «русская культура», было неоднородным и противоречивым. Оно состояло из нескольких культурных пластов, в которых мы можем выделить народную (крестьянскую) культуру, городскую (интеллигентскую) культуру и аристократическую (дворянскую) культуру. Данные культуры практически не пересекались между собой, сосуществую в параллельных социокультурных пространствах. Это разрыв наблюдается в России со

[106] Семенков В.Е., Рабжаева М.В. История российской колонизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том. 1. № 1. С. 168.

времен Петра I. Как писал Бердяев, «переворот же Петра, усилив русское государство, толкнув Россию на путь западного и мирового просвещения, усилил раскол между народом и верхним культурным и правящим слоем».[107]

Столь же неоднородным, но по другим причинам, было и культурное пространство украинских земель. Культурная раздробленность была связана здесь с историческими причинами: влиянием на данные территории в течение веков различных культурных традиций. Кроме этого, после включения 80% территории украинских земель в состав Российской империи к началу XIX в. и либерально-просветительского курса Александра I, «укрепление имперской лояльности со стороны малороссийской элиты сопровождалось, однако, существенными изменениями в идеологии самой метрополии. Первые десятилетия XIX века ознаменовались становлением русского национализма, для которого этнические и вероисповедные различия обретали новый смысл, в отличие от абсолютистской идеологии времен Екатерины II и Павла I».[108] Ответом на это стал украинский культурно-национальный подъем, основной чертой которого было четкое разделение российского и украинского культурных пространств.

Таким образом, мы можем говорить о том, что Российской империи в «украинском вопросе» не удалось решить задачи по построению единого культурного пространства. И, более того, ответом на унификационные и русификационные тенденции стало возрождение украинской культуры в рассматриваемый период.

[107] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
[108] Васильева Т.А.У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск. 2014. С. 73.

1.3. Культурная политика Российской империи в украинских землях в XIX в.

Период XIX в. «стал в России временем активного формирования социокультурного пространства (новые образовательные структуры, учреждения культуры, рост интеллектуальной элиты, культурного потенциала столиц и провинции)».[109] Очевидно, что данный процесс был связан с действиями государства в области культуры, с его культурной политикой.

По мнению ряда исследователей, Российской империи так и не удалось создать единого культурного пространства, которое бы успешно синтезировало все многообразие отдельных локальных культур. Там, М.Я. Сараф отмечает, что, по сути, единого культурного пространства империи не было, но «можно сказать, что были созданы важные предпосылки единого культурного пространства народов империи, можно даже утверждать, что оно начало складываться».[110] В качестве аргументов в пользу своей точки зрения данный автор приводит следующее:

- русский язык обладал государственным статусом, что открывало и осуществляло перспективы формирования языка межнационального общения и общего языка культуры (общий язык);

- капиталистическое развитие России обусловило формирование необходимой для общего национального культурного пространства инфраструктуры (общая инфраструктура);

- происходило формирование единой системы обязательного начального светского образования и расширения специального и высшего образования (общее образование).

---

[109] Велиховский Л.Н., Кандаурова Т.Н. Опыт формирования социокультурного пространства: историческая ретроспектива деятельности предпринимательского сообщества России XIX — начала XX вв. // Документ. Архив. История. Современность. — Вып. 14. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 78.

[110] Сараф М.Я. Крым: уроки сохранения национального культурного пространства // Пространство и время. 2015. № 1-2 (19-20). С. 258.

- появление особой группы интеллигенции профессионально занятой производством духовных ценностей (научно-технических, социально-политических и художественных идей). Созданные этой группой литература, искусство и наука составили основы общенационального культурного пространства (общие духовные ценности).[111]

С другой стороны, активное включение в состав Российской империи все новых и новых территорий не сопровождалось установкой на ассимиляцию, изменение жизни, религии и языка подчиненных народов: «Напротив, предметом показной идейной гордыни было «многообразие племен, вер, языков». Вместе с тем рутинная практика управления полиэтничным государством не столько способствовала плодотворному культурному синтезу, сколько упрочивала обременительные культурные барьеры (например, в форме законодательно закрепленных ограничений в отношении межконфессиональных браков). Усомниться в возможности продуктивной интеграции на имперском этапе российской истории заставляет само выделение разнокультурных неславянских общностей в единую административную категорию — инородцев».[112] Отметим, что «Устав об управлении инородцами был подготовлен в 1822 г. М.М. Сперанским.

Как верно отмечают В.С. Жидков и К.Б. Соколов, «государства, более или менее осознанно не проводившего ту или иную культурную политику, в истории человечества не существовало».[113] При этом В.И. Юдина, уточняет, что «применительно к дореволюционному периоду этот вопрос требует своего научного осмысления».[114] Данное замечание, по нашему мнению, сделано не случайно, так как само понятие «культурная политика» как

[111] Там же. С. 258.
[112] Солонин Ю.Н., Сурова Е.Э. Культурология. "Издательский дом ""Питер". 2014. С. 201.
[113] Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России: теория и история. М.: Академический проект, 2001. С. 64.
[114] Юдина В.И. Из истории культурной политики в дореволюционной России: Русское музыкальное общество во второй половине XIX в. //Вестник Томского Государственного Университета. 2011. № 351. С. 81.

сфера деятельности государственных и общественных институтов в научный оборот не так давно: «О возникновении культурной политики как совокупности правительственных практик вмешательства в сферу культуры можно говорить с конца XIX века, когда в Европе появляются первые попытки осмысленного внедрения этих практик на государственном уровне».[115]

Итак, на наш взгляд, прежде всего, следует определить, что мы будем понимать под культурной политикой, а затем обратиться к анализу особенностей культурной политики Российской империи в рассматриваемый период, с целью выявления причин, по которым Украина не смогла в полной мере интегрироваться в имперское культурное пространство.

Как отмечает А.С. Балакшин, «под культурной политикой большинство ученых понимают способ деятельности людей, властных и общественных структур, направленных на обеспечение оптимального функционирования и развития сферы духовной жизни».[116] Данное определение, на наш взгляд, хотя и носит функциональный характер, но, тем не менее, не охватывает всей полноты целей и задач культурной политики. Как представляется, культурная политика государства нацелена не только на развитие духовной сферы, но также призвана обеспечить единство культурного пространства страны. Как отмечается в современной российской Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, «В Основах государственной культурной политики культура возведена в ранг национальных приоритетов и признана важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, гарантом сохранения

[115] Колякова И.В. Власть и общество в реализации культурной политики современной России: традиции и тренды //Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 1. С. 105.

[116] Балакшин А.С. Сущность и содержание понятия «культурная политика» // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия. Социальные науки. Вып. 1(3). — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. С. 376

единого культурного пространства и территориальной целостности Российской Федерации».[117]

При этом при реализации мер культурной политики должен учитываться фактор неоднородности культурного пространства, если мы говорим о таком государстве как Российская империя, в рамках которой сосуществовало множество локальных культурных пространств, некоторые из которых претендовали на самостоятельный внеимперский статус.

Как верно отмечает Н.М. Генова, «структура культурного пространства региона предполагает наличие в нем национально-культурных, субкультурных и иных сообществ. Состояние и особенности локальных культурно-исторических хронотопов порождают в культурной политике вариативность и множественность организационных, стратегических и синергетических предпосылок её развития».[118] Таким образом. Культурная политика – это многоплановая, сложноорганизованная система мер, учитывающая все многообразие того или иного культурного пространства.

Говоря о культурной политике, нельзя не сказать о ее субъекте и объекте. Очевидно, что говоря о государственной культурной политике в качестве субъекта мы, в первую очередь, выделяем государство и его специализированные структуры (министерства, ведомства и так далее). Хотя лишь ими одними субъектность не ограничивается, особенно в современных условиях, когда значительную роль при реализации мер, в том числе, и культурной политики, имеют различные общественные институты. Что же касается объекта культурной политики, то, как отмечает А. С. Ханнанова, им «должно быть все общество в целом, и масштабы воздействия и последствия этой политики имеют эффект на общенациональном, общегосударственном

[117] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р.

[118] Генова Н.М. Культурная политика в процессе модернизации инфраструктуры культурного пространства региона. Автореферат диссертации на соискание у. степени доктора культурологии. Омск. 2012.

уровне».[119] С данным утверждением можно согласиться, но, наш взгляд, оно требует некоторых уточнений. Так, в первую очередь, объектом культурной политики должен быть человек, а не некое абстрактное общество, которое, по сути своей, неоднородно по самым разным параметрам.

Очевидно, что сегодня культурная политика имеет множество направлений, среди которых различные специалисты выделяют такие как: сохранение культурного наследия, распространение культурного продукта, творчество, научные исследования, подготовка персонала в сфере культуры, образование, создание культурной инфраструктуры, формирование законодательной и нормативной базы для деятельности учреждений культуры и искусства и так далее.[120]

В рассматриваемый период в Российской империи происходило формирование специальных институтов по управлению в сфере культуры. Так, в 1802 г. было создано Министерство народного просвещения для организации и управления просветительскими учреждениями. Отметим, что, хотя данное министерство и было создано, но отдельного ведомства, ведающего вопросами культуры в период существования Российской империи не существовало. Более того, когда мы говорим о культурной политике Российской империи, то следует говорить, скорее, о национальной или этнонациональной политике, так как именно в ее рамках принимались и реализовывались меры и в области культуры. И здесь следует отметить, что по мнению ряда авторов национальная и культурная политика во многом близки по своему содержанию. Так, В.А. Михайлов, полагает, что подходить к вопросу о национальности следует, прежде всего, как к вопросу прежде самоопределения человека на личностном уровне, по духовным потребностям, отношению к языку и культуре.[121]

---

[119] Ханнанова А.С. Культурная политика как функция государства // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015, т. 15, № 4. С. 63.

[120] Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели - http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html

[121] ' Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 3.

Термин «национальная политика» в контексте Российской империи так же следует использовать условно, так как и в этом вопросе у власти не было консенсуса. Но так или иначе, как отмечает директор Института истории СПбГУ Х.А. Даудов, «все действия администрации Империи по данному вопросу были направлены на реализацию государственных интересов Империи - на создание единого административно-правового и культурного пространства. Общие установки складывались по большей части стихийно, в ходе развития российской государственности».[122]

В ходе реализации мер культурной политики в период существования Российской империи, как указывает А.С. Миронов, «народы, интегрируемые в состав российского государства в процессе его создания, принимали… общую культуру, одновременно отказываясь от несвойственных русской цивилизации национально-культурных особенностей. Так, включение в состав Российской империи территорий Северного Кавказа сопровождалось постепенным отказом населявших их народов от целого ряда норм шариатской культуры того времени – таких, как кровная месть, многоженство, рабовладение и пр.».[123]

Безусловно, если речь идет о народах, которые по своему уровню цивилизационного развития находились ниже уровня Российской империи, то мы можем говорить об их «окультуривании», приведшему к отказу от рудиментных традиций и обычаев. Но данный тезис невозможно применить ко всем национальным окраинам империи, так как некоторые из них имели свою развитую культуру. В частности, в первую очередь, это касалось западных территорий.

Таким образом, можно говорить о том, что в XIX в. в Российской империи не было общегосударственной культурной политики, а также

---

[122] Даудов А.Х. Особенности национальной политики Российской империи - http://daudov.blogspot.ru/2013/01/24.html

[123] Миронов А.С. Основы «Основ». О смыслах государственной культурной политики // Государственная культурная политика и вызовы времени. Аналитический Вестник. 2015. № 12 (565). С. 47.

крайне слабо были развиты государственные институты, за нее отвечающие. Культурная политика Российской империи представляла собой набор точечных мер, особенных для каждой отдельной территории и была направлена, в первую очередь, на подавление сепаратистских настроений в национальных окраинах и унификацию культурного пространства страны.

Как верно отмечает Н.А. Михеева, «следует дифференцировать собственно культурную политику и оперативное управление текущими культуротворческими процессами как два разных уровня стратегии и тактики управленческой деятельности, разграничить эти цели, задачи, методы и инструментарий Первый уровень представлен совокупностью провозглашаемых целей, приоритетов, функций, принципов, ориентиров, идеалов и идей; Второй — совокупностью практических мероприятий».[124]

Обращаясь к проблеме целеполагания культурной политики в современных условиях, мы можем опереться на мнение А.Я. Флиера, который выделяет следующие наиболее важные из ее целей:

«- построение новой аксиологии бытия, творчески соотносящей национальные и исторические традиции с задачами социокультурной модернизации…;

- помощь населению в выработке новых форм самоопределения и самовыражения…;

- всемерное развитие духовно-ценностного компонента…;

- приобщение людей ко всему многообразию культур человечества…;

- воспитание демократического и плюралистического миропонимания...»[125]

Очевидно, что в XIX веке перед Российской империей стояли совершенно иные цели, которые были призваны решить задачи, актуальные

[124] Михеева Н.А. Культурная политика государства как инструмент управления социально-культурной сферой // Электронное научное издание «Аналитика культурологии». Выпуск 2 (6), 2006 - http://www.analiculturolog.ru/

[125] Флиер А.Я. О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 15-16.

на тот момент исторического развития государства. Говоря о целях и задачах культурной политики в России в XIX в., по нашему мнению, можно выделить следующие из них:

- унификация культурного пространства империи;

- расширение сферы влияния русского языка;

- укрепление основ самодержавного строя на основе уваровской триады «Православие, самодержавие, народность».

- ликвидация культурных пережитков в виде неприемлемых для русского этноса обычаев и традиций;

- контроль за деятеля культуры (цензура литературных произведений);

- создание общей системы образовательных учреждений (просвещение).

Какие инструменты использовала власть для достижения своих целей?

Важный инструмент осуществления всякой культурной политики – образование. В начале XIX в. просвещение было признано важнейшим направлением государственной политики. Во главе учебной системы становится Министерство народного просвещения, созданное в 1802 г. Государственные учреждения, созданные при Александре I, нуждаются в образованных кадрах, для подготовки которых учреждается ряд новых университетов (Виленский, Дерптский, Харьковский, Казанский, С.-Петербургский), образцовых средних учебных заведений — лицеев (наиболее известный — Царскосельский) и гимназий, в которых могли учиться только дворяне.

Открытый в 1803 г. Виленский университет стал центром образовательного округа на землях Беларуси, Литвы и частично Украины. Торжественное открытие Харьковского университета состоялось 29 января 1805 г., и, как отмечается сегодня, «Университет вписал много ярких страниц в историю украинского национального возрождения XIX–XX веков».[126] Вокруг университета довольно быстро произошло объединение деятелей

[126] http://www.univer.kharkov.ua/ru/general/our_university/history

культуры, которые закладывали основы нового украинского национального искусства. Именно в Харьковском университете начали издаваться первые периодические издания национально-культурной направленности: «Украинский вестник», «Харьковский Демокрит», «Харьковские известия», «Украинский альманах» и ряд других.

В 1834 открылся Киевский университет имени св. Владимира: «новому высшему учебному заведению, образованному в результате перевода Волынского лицея в «русский» Киев, была отведена роль орудия сближения поляков и русских на основе идеи единства самодержавия, народности и православия».[127] В 1865 г. на базе Ришельевского лицея (Одесса). был создан третий на украинском землях университет – Новороссийский. который быстро превратился в центр высшего образования юга империи.

Во второй половине XIX в. начинает уделяться большее внимание народному образованию. Численность начальных школ выросла с 1856 по 1896 гг. с 8 до 79 тыс., в которых обучалось до 4 млн человек. И, тем не менее, большая часть простого народа оставалась безграмотной. Государственная политика по отношению к просвещению испытывала постоянные колебания, поскольку именно среди образованных людей распространялось вольнодумство, стремление к преобразованиям. В периоды реакции и ужесточения внутренней политики усиливался государственный контроль за образованием, затруднялся доступ в учебные заведения, ограничивалась их внутренняя автономия.[128]

Говоря о ситуации со средним и профессиональным образованием в рассматриваемый период на украинских землях отметим, что во второй четверти XIX в. увеличивается количество гимназий, институтов благородных девиц, открываются кадетские корпуса (в Полтаве,

[127] Кривчик Г.Г., Евсеева Г.П., Лысенко Г.И. Реформирование образования на Украине в XIX в. // Профессиональное образование: исторические традиции и современность: сб. статей IV Международной научно-практической конференции (Пенза, март 2015). Пенза, 2015. С. 40-49.

[128] Самыгин П.С. История / П.С. Самыгин и др. — Изд. 7-е. — Ростов н/Д: «Феникс», 2007. С. 251-252.

Елисаветграде и Киеве), развивается реальное образование в виде профессиональных школ и училищ (прежде сельскохозяйственных и торговых). В результате, «в XIX столетии образование в Украине развивались в русле общероссийских тенденций в образовании. Благодаря этому оно по многим направлениям стало соответствовать европейскому и мировом уровню».[129]

Другим важным инструментом культурной политики в рассматриваемый период была русификация. Как отмечают Н. В. Пушкарева и Д. В. Руднев, «говорить об осознанной языковой политике в отношении малороссийских земель можно с большими оговорками, поскольку и для правительственного аппарата, и для российского (отчасти для украинского) общества долгое время было характерно неразличение великорусов, малорусов и белорусов, которые воспринимались как единый русский народ, состоящий из трех племен».[130] Тем не менее, после восстания в Польше в 1830-31 гг. ситуация на украинских землях обострилась, та как власть поставила задачу нейтрализации польского влияния на западных территориях украинских губерний. Более того, как отмечал сам император Николай I – это являлось его приоритетной задачей. Так, П.А. Столыпина в своей речи в III Государственной думе 7 мая 1910 г. говорил об этом так: « Это восстание, господа, открыло глаза русскому правительству. Государь Император Николай Павлович вернулся к политике Екатерины Великой. Своею целью он поставил, как писал в рескрипте на имя генерал-губернатора Юго-Западного края: "Вести край сей силой возвышения православия и элементов русских к беспредельному единению с великорусскими губерниями". И далее: "Дотоле не перестанут действовать во исполнение

[129] Кривчик Г.Г., Евсеева Г.П., Лысенко Г.И. Реформирование образования на Украине в XIX в. // Профессиональное образование: исторические традиции и современность: сб. статей IV Международной научно-практической конференции (Пенза, март 2015). Пенза, 2015. С. 40-49.
[130] С. 19.

изъясненных видов моих, пока вверенные вам губернии не сольются с остальными частями Империи в одно тело, в одну душу"».[131]

В результате, с точки зрения современных украинских исследователей, культурная политика Российской империи на территории Украины в первой половине XIX в. носила репрессивный и исключительно запретительный характер. При этом, именно благодаря украинскому культурному пространству, с их точки зрения, Российская империя в предыдущие периоды развивала свою культуру: «Культурные взаимоотношения между Украиной и Российской империей в XIX в. приобрели иной характер, чем в предыдущие времена. Выше по уровню развития украинская культура XVI-XVIII вв. положительно влияла на Российское государство и способствовала ее европеизации. Вследствие этого высшие по культурно-образовательному уровню украинские деятели осознавали себя представителями другой национальности, и в Российском государстве такими их считали. В XIX веке, с потерей своей государственности, Украина лишилась и своего культурного превосходства над Россией».[132] К слову, схожим образом еще советские исследователи оценивали политику царской власти и в Польше. В частности, А. Я. Манусевич оценивал ее как «удушение национальной культуры».[133]

Отметим, что подобный политизированный подход вряд ли можно рассматривать в качестве научного, но, тем не менее, следует напомнить о том, что «после того как Киев и Левобережная Украина стали российскими, польское влияние резко возросло».[134]

Со второй половины XIX в. в Российской империи действительно усилились и тенденции по русификации национальных окраин, которые,

---

[131] Речь по поводу законопроекта о распространении земского положения 1890 года на девять губерний западного края, произнесённая в Государственной Думе 7 мая 1910 года // Петр Аркадьевич Столыпин. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-191. М. Молодая Гвардия. 1991.

[132] Історія України (друга половина XVIII - початок XX століття) - http://ukrmap.su/ru-uh9/1039.html

[133] Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 188.

[134] Черникова Т.В. Европейское влияние на русскую культуру XVII в. // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 153.

разумеется, затронули и территорию Украины: «введение в сферу культурной жизни библиотек, книжных магазинов, типографий в городах Правобережной Украины, как и повсюду в Российской империи, предполагало формирование на государственном уровне русского культурного пространства, что делало нежелательным привлечение элементов как польской, украинской, так и еврейской культуры, несмотря на неоднородный национальный состав городского населения».[135] В то же время, данные тенденции в основном характерны для последней четверти XIXв., когда на национальных окраинах требовалось «обязательное изучение русского языка, который получал имперский государственно-административный статус, устанавливался централизованный контроль за существовавшими там образовательными учреждениями».[136]

Политика культурной ассимиляции украинцев велась как со стороны Российской империи, так и со стороны Австро-Венгрии. При этом, как отмечает Г.А. Королев, «ассимиляционые мероприятия со стороны монархий касались украинцев как национальной общности и практически не задевали их на индивидуальном уровне… Поэтому значительная часть украинцев придерживалась двойной идентичности – не отрекаясь от своей этнической принадлежности, в то же время не видела острой необходимости в достижении суверенитета…».[137] На наш взгляд данное утверждение носит спорный и противоречивый характер, так как хорошо известно, что с 1830-х гг. (то есть в период, который включают хронологические рамки нашего исследования), на украинских землях началось активное культурно-

[135] Прищепа Е. Трансформации культурного быта горожан Правобережной Украины (вторая половина XIX – начало XX в.) // Другі міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі. Працоўныя матэрыялы. Том 2 (2013) С. 104.

[136] Булычев Ю. Культурная политика Александра III, социально-экономические, научные и культурные успехи России во второй половине XIX в. - http://derzava.com/yurij-bulychev-kulturnaya-politika-aleksandra-iii-sotsialno-ekonomicheskie-nauchnye-i-kulturnye-uspehi-rossii-vo-vtoroj-polovine-xix-v.html

[137] Королев Г.А. Великая Украина и Галиция эпохи XIX века: поиск исторической перспективы // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 142.

национальное возрождение, выстраиваемое, в первую очередь, на антитезе российскому культурному пространству.

В предыдущем параграфе мы выявили пять базовых моделей взаимодействия между глобальным и локальным культурным пространством. Представляется необходимым определить, какая из моделей характеризовала взаимоотношения между единым (глобальным) культурным пространством Российской империи XIX в. и его региональной (локальной) частью – территорией Украины.

Сразу отметим, что на этот счет есть несколько противоположных точек зрения. Так, некоторые современные украинские авторы прямо говорят о том, что украинское культурное пространство всеми силами сопротивлялось включению его в единое культурное пространство империи, а взаимоотношения между ними носили фактически колониальный характер, полагая, что «украинская культура в XIX в. была вынуждена «возрождаться», так как после воссоединения с Россией была «практически уничтожена»».[138] Некоторые исследователи, в том числе и отечественные, говорят о феномене так называемых «внутренних колоний». Так, в частности, И.Я. Мурзина пишет: «Расширение границ Российской империи создавало беспрецедентную культурную ситуацию – на территории, как казалось, единой страны существовали «внутренние колонии», правовой и административный статус которых определяется сравнительно поздно – к XIX в., а отсутствие развитых транспортных и иных коммуникаций усложняло процесс взаимодействия с «метрополией»».[139]

В задачи нашего исследования не входит установления статуса Украины в составе Российской империи. Скажем лишь, что согласно актуальным исследованиям данная трактовка является неверной и не

[138] См., например: Турченко Ф.Г., Мороко В.Н. История Украины. XVIII – начало XX в. Запорожье; Киев, 2001.

[139] Мурзина Ирина Яковлевна. Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал. Монография. – М.: Издательство Перо, 2014. С. 17.

отвечающей реалиям. Тем не менее, национальное пробуждение, начавшееся на украинских землях в XIX в. носило во многом культурный характер и выражалось в отстаивании украинцами своего национального культурного пространства. Так, в 1830-1840-е гг. на западе Украины действовала демократически-просветительская литературная группировка «Русская тройка», которая возникла во Львове среди студентов духовной семинарии. Название происходит от количества руководящего ядра ее учредителей (Маркиян Шашкевич, Иван Вагилевич, Яков Головацкий), которых товарищи прозвали «Русской троицей». «Русская» в данном случае понималась как украинская. Все вновь принятые члены общества обязывались «честным словом в течение всей жизни работать на пользу народа и возрождения национальной литературы».[140] «Русская тройка» функционировала как своего рода литературно-просветительский кружок и выдвигала идеи культурно-просветительского развития Галичины и Украины.[141]

Культурное сопротивление выражалось и в попытках возрождения и написания своей истории. В то время, как российские истории писали в этот период имперскую историю России, украинские сосредотачивали свое внимание на истории Малороссии. Первые сочинения об украинской истории стали появляться в конце XVIII в.: «Среди них «Короткая летопись малороссийская» (1777) В. Рубана, «Черниговского наместничества топографическое описание» (1776) О. Шафонского, «Записки о Малороссии» (1798) Я. Марковича. Вслед за этими историческими изысканиями появились и обобщающие научные исследования, среди которых наибольшее значение имел четырех томный труд Д. Н. Бантыш-Каменского «История Малой России» (1822) и книга неизвестного автора «История руссов»».[142]

---

[140] Шейко В.М., Тишевська Л.Г. Історія української культури. Наук. ред. В.М. Шейко. – К.: Кондор, 2006.

[141] Абрамов В. В. Історія туризму: підруч. / В. В. Абрамов, М. В. Тонкошкур; Харк. нац. акад. міськ. госп-ва. – Х: ХНАМГ, 2010. С. 274.

[142] Чернова Г.С. Проблемы народознания в критике и публицистике Украины первой половины XIX века // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XVI

Известный сербский культуролог М. Драгичевич-Шешич предложила свою типологию моделей культурной политики, которая на наш взгляд, применима к ситуации, сложившейся между глобальным и локальным уровнями культурного пространства в Российской империи в рассматриваемый период:

- либеральная культурная политика;
- модель государственной бюрократической или просветительской культурной политики;
- национально-освободительная культурная политика;
- культурная политика переходного периода.[143]

Конфликт культурных пространств на общеимперском и локальном украинском уровне, с этой точки зрения, можно понимать, как противостояние государственной бюрократической (просветительской) культурной политики с национально-освободительной культурной политикой. И, действительно, имперская тактика культурных преобразований не создавала новых механизмов общегражданской и культурной консолидации разных этноконфессиональных и региональных сообществ страны. Имперская элита выработала формулу «самодержавие, православие, народность», призванную консолидировать ряд сословий, социальных сил вокруг монархии. Однако ее смыслы скорее были связаны с прошлым, нежели устремлены в будущее, а в государственную практику так и не было внедрено положение о населении как целостной полиэтнической нации, о российской и русской культуре и т.п.[144]

Отметим, что даже на западных окраинах, царская власть в период XIX в. проводила неоднородную культурную политику. Так, к примеру,

---

международной научно-практической конференции / Отв. редактор А.М. Антипова. – Уссурийск: Дальневосточный федеральный университет, 2012. С.174-177.

[143] Драгичевич-Шешич М. Культурная политика в переходном обществе: фрагменты политологического и культурологического анализа. // Панорама культурной жизни стран СНГ и Балтии. М.: Издательство РГБ, 1999. С. 26–31.

[144] Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Национальная культура и культурная политика в Российской империи и СССР // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 210.

Финляндия до 1880-х гг. обладала значительной автономией и ее внутреннее, в том числе, культурное пространство, фактически, не затрагивалось со стороны имперского центра. В то же время в Польше ограничение автономии, в том числе, и культурной, началось уже в 1830-е гг.

Действительно, как точно подмечает С. Лурье, «каждая империя является не только геополитическим и социальным феноменом, но и феноменом культурным».[145] Российская империя не является в данном случае исключением. Находясь в нетрадиционном для имперского строительства ситуации, то есть не имея колоний, она была вынуждена вырабатывать собственную уникальную модель условной культурной политики, которая бы позволила как можно скорее интегрировать разноплановые по своему этнокультурному составу территории в единое культурное пространство. При этом, «меры Российской империи в украинских землях в рассматриваемый период «были противоречивыми и непоследовательными».[146]

Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы.

Понятие «культурное пространство», прочно вошедшее в культурологический дискурс, на сегодняшний день все еще находится в процессе своего осмысления со стороны научного сообщества. На наш взгляд, под культурным пространством следует понимать, с одной стороны – всю совокупность духовно-материальной культуры, созданной человеком в процессе своего исторического развития, реализующую себя в различных формах, как индивидуального, так и общественного порядка. В этом аспекте все человечество, так или иначе, находится в глобальном общечеловеческом культурном пространстве.

С другой стороны, культурное пространство можно понимать и как пространство цивилизационное, принадлежащее той или иной цивилизации,

[145] Лурье С. Российская империя как этнокультурный феномен // Общественные науки и современность. 1994. № 1.

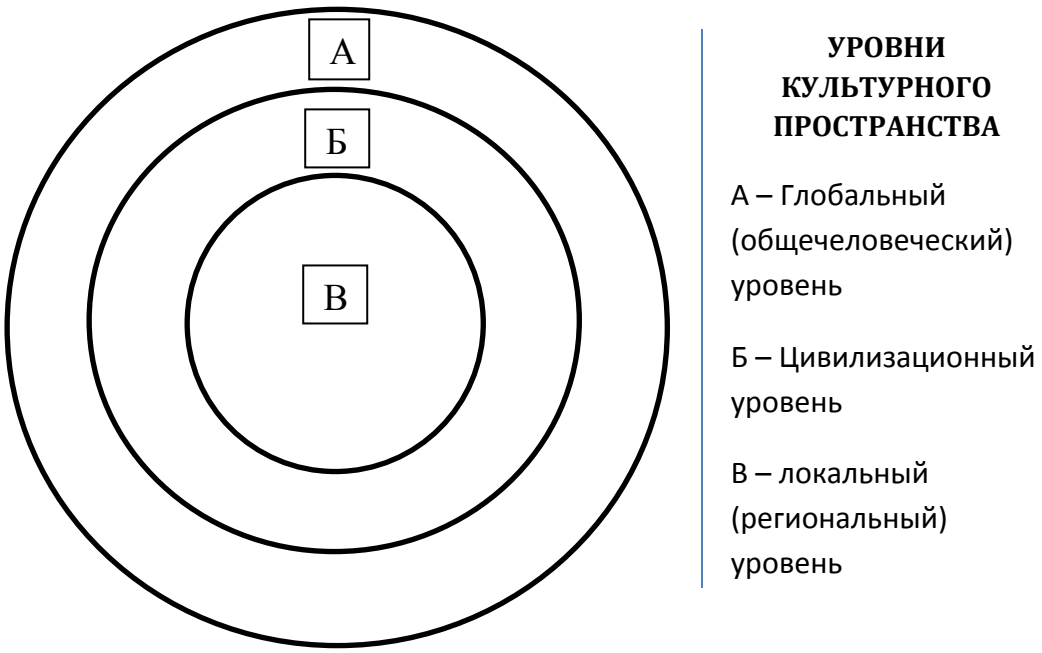
[146]Баранов А.В. Этнополитика Российской Империи: влияние на развитие Юга и Востока Украины (XIX — начало XX веков) // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи: сб. науч. ст. /отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, Н. А. Костина, А. В. Крюков. — М.; Краснодар, 2015. С. 91-92.

например, западной, евразийской, восточной и так далее. В то же время, данная трактовка применима и к конкретным историческим образованиям, которые носили ярко-выраженный цивилизационный характер. Например, мы можем говорить о культурном пространстве Римской империи или Российской империи.

Третий аспект культурного пространства связан с государствообразующим фактором. И здесь мы говорим о культурном пространстве нации-государства. Очевидно, что данная трактовка тесно связана с определенным историческим периодом, начавшимся в Новое время, когда активизировался процесс по формированию национальных государств и их расширению. В аспекте мы можем говорить о культурном пространстве как о региональном или же локальном.

Таким образом, символически мы можем представить предложенную градацию в виде следующей схемы:

Схема 1. Структура культурного пространства

Говоря о Российской империи второй четверти XIX в., мы можем рассматривать ее как культурное пространство второго уровня (Б), включающее в себя культурные пространства третьего уровня (В). Структурообразующим в нем было русское культурное ядро (русская культура) или локальное русское культурное пространство. По мере расширения границ империи к нему присоединялись другие локальные культурные пространства, в то числе, и украинское. Будучи доминирующим в формирующейся архитектонике, русское культурное пространство пыталось подменить собой другие локальные культурные пространства с целью создания единого общего имперского культурного пространства. Поэтому мы в случае взаимодействия русского и украинского культурных пространств в рамках Российской империи мы можем говорить о модели аккультурации, подразумевавшей максимальный отказ украинцев от своей национальной культуры в интересах государства.

Культурная политика Российской империи была направлена на унификацию культурного пространства, для чего использовались различные методы и инструменты. В первую очередь, разумеется, речь идет о русификации национальных окраин. Кроме этого, царское правительство выстраивало единую для всей империи образовательную сеть, а также активно прибегало к методам цензуры.

Результаты подобной культурной политики оказались весьма неоднозначными. В случае с украинскими землями в качестве ответной реакции возник феномен украинского культурно-национального возрождения, которое понимается нами как попытка сохранения самостоятельного украинского культурного пространства.

ГЛАВА II. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ОСМЫСЛЕНИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

2.1 Украинское национально-культурное пробуждение в зеркале русской общественной мысли

Формирование национального самосознания в украинском культурном и политическом дискурсе XIX в. происходило в тесной связи с развитием литературного языка.[147] По мнению большинства исследователей, новый этап в развитии украинской литературы начался с выходом в свет «Энеиды» И. Котляревского, заложившей основы украинского литературного языка на народной разговорной основе. В 20-40-е годы XIX в. формируется базовый корпус жанров новой литературы.[148]

Рассматриваемая проблема нашла свое отражение в первую очередь в журнальной полемике об украинской литературе, начавшейся в 1830-е гг. При этом, полемика относительно самой возможности существования высокой литературы на украинском языке не прекращалась на протяжении всего XIX в. Следует отметить, что рассуждения о языке имели прямую связь с рассмотрением литературы на нем написанной.

Отношение русского общественного мнения к Малороссии было далеко неоднозначным. В России первой половины XIX в. малороссийские сюжеты вызывали интерес и симпатию. Но это были симпатия и заинтересованность по отношению к одной из частей русской земли и русского народа. Литературные опыты на «малороссийском наречии», отражавшие специфику местной жизни и наполненные этническим колоритом, вызывали благожелательный интерес в Петербурге и Москве как часть русской литературы, однако любые попытки трактовать это наречие

[147] Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Спб., 1904. С. 345.
[148] Там же.

как отдельный от русского самостоятельный литературный язык были для сторонников концепции большой русской нации неприемлемы.[149]

Русские современники смотрели на Южную Русь не без некоего «любования», как на край, который, хотя «во многом и отличается от Великой России», но все же является «сыном одной матери Славянской и подданным одного царя русского, православного»[150]. С другой стороны, в ней видели край чужой и отсталый. Так, уже в конце XIX в. Н. Коробка, автор исследований по украинскому фольклору и литературе в статье о детстве и юности Н.В. Гоголя утверждал: «Европеизм не затронул эту среду, она не слыхала о Вольтере, бывшем властителе дум передовых русских людей второй половины XVIII в. Тут не было ни Радищевых, ни Новиковых... Миросозерцание здесь было средневековое...». Вывод автора весьма жесткий: «Среда эта была «темным царством»[151]. Такое представление об Украине - черта не столь уж редкая для многих исследователей малороссийских реалий.

Главным предметом полемических нападок многих исследователей и журналистов изучаемого времени был украинский язык, украинская литература и, в этой связи, украинская национальность как таковая. Уже в тот период язык считался одним из обязательных условий существования этноса. Украинский язык многие исследователи, например, И. А. Кулжинский, оценивали как «нечто среднее между польским языком и русским, так точно, как уния в свое время была среднею религиею между католичеством и православием»[152]. В одном из фельетонов «Северной пчелы» за 1851 г. и Ф. В. Булгарин, поляк по происхождению, говоря об украинском языке, употреблял термин «язык униатский», т. е. «плохой полу-

[149] Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.).Спб., 2000. С. 53.
[150] «Северная пчела» 1839. №32.
[151] Барабаш Ю. Почва и Судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М.,1995. С.47.
[152] Барабаш Ю. Указ. соч. С. 66.

польский»[153]. Сторонники этой точки зрения отвергали всякие попытки утверждения украинского языка в качестве литературного, пропагандировали необходимость слияния «малороссийского наречия» с великорусским.

Тем не менее, для 1820-30 гг. XIX в. характерен весьма теплый прием, оказываемый литературными кругами Москвы и Петербурга украинской литературе. Центрами новой украинской словесности в XIX в. были не столько Киев и Полтава, сколько Петербург и Москва.[154] Русские сочинения на украинские темы и украинские произведения на страницах русских журналов - весьма частое явление 20-30 гг. Появление сборников украинских народных песен и первых произведений новой украинской литературы встречалось хвалебными, и даже часто восторженными, отзывами. «Как жаль, что большая часть русских не могут понимать украинских песен, полных неподдельного чувства и поэзии!» - писала «Северная пчела» в 1834 г.

В той же «С.п.» в 1835 г. в разделе «Новые книги» был опубликован обзор книги «Малороссийские повести, рассказанные Грицком Основьяненком». Уже в самом начале своей статьи автор рецензии «казак В. Луганский» (под этим псевдонимом писал В. И. Даль) утверждает, что «язык малороссов имеет большое преимущество перед русским языком в области той отрасли словесности, которую именем *простодушный* отличают от так называемой *чувствительной.* Если всю изящную словесность разделить, как Шиллер это сделал, на *наивную* и *сентиментальную,* то быт и язык Украины присваивает себе преимущественно первую». Рассуждая о национальном характере, автор пишет, что «быт малороссов прост, ум не туп, воображение игриво, шутки отзываются какой-то негою и ленью». «Язык, - отмечает Даль, - в окончаниях слов и в самом образовании и сочетании их имеет что-то детское, милое, гибкое, напоминающее нам некоторые славянские наречия - сербское, болгарское, которые как-то поражают нас простотою прадедовских

[153] «Северная пчела» 1851. № 25.
[154] Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 143-144.

времен; кажется, мы слушаем предков своих». Таким образом, автор обращал внимание на большое количество архаизмов, сохранившихся в украинском языке. Даль также сравнивает украинский язык с русским и замечает, что русский язык неоднороден и имеет несколько видов: язык крестьян или простолюдинов, разговорный язык - «пестрый, несвязный», книжный язык, разделяющийся по слогу на высокий, низкий, средний, шуточный, важный и т.д. Язык же малороссов, «напротив того, сохранил всю девственную простоту свою и силу и всюду себе равен». Трудно написать по-русски книгу о каком бы то ни было предмете, чтобы ее понял каждый мужик, ясно, как то, что он сам говорит; таким языком у нас доселе ничего не написано: задача эта не разгадана». «Между тем, - утверждает Даль, - возьмите любое малороссийское письмо, читайте его чумакам, дивчатам, парубкам, кому хотите: если предмет не будет выходить из круга их понятий, то язык и смысл целого будет им понятен вполне. Вот она неподражаемая простота и естественность в рассказе, облагороженный язык народа силен, ясен, прост, богат на мелочи, на шутки ему доступные, а подделать все это невозможно». Автор далее сравнивает язык малороссиян с польским, приходя к выводу о том, что язык Украины для русских гораздо ближе польского, который «слишком удалился, перемешался и переродился» вследствие смешения с западными языками.

Даль выступает в защиту родственного языка: «Не знаю, можно и должно ли говорить, что для нас язык малороссов не нужен, что воскрешать его не к чему и прочее. Разве есть на свете язык - живой или мертвый - которым люди говорят или говорили, плакались или радовались и который бы не стоил внимания нашего? А если еще и поныне сотни тысяч людей говорят этим языком, да если язык этот еще и наш кровный, родной, братский, одного с русским корня, так неужели он и тогда для нас лишний? По-моему, не только можно им заниматься для удовольствия и любопытства, - должно изучать его, как пособие нашего языка».

Журнал «Отечественные записки» сохранял консервативное направление до 1839 г., когда с ним стал сотрудничать Белинский. До этого момента было опубликовано несколько обозрений украинских книг, весьма благожелательных по своему характеру. В целом, можно констатировать, что консервативная пресса оказывала украинской литературе весьма теплый прием. Не ощущая потенциальной угрозы культурного сепаратизма, исходящей от украинского национального пробуждения, эти издания, в число которых до 1839 г. входили также «О. з.», изначально оказывали ему полную поддержку. Будучи глубоко уверенными в незыблемости Империи, их авторы не видели ничего опасного в развитии украинского языка и литературы, рассматривая их, как правило, в русле теории «официальной народности».[155]

Характерным примером подобных взглядов может служить рецензия В. Межевича на пьесу Иеремии Галки (псевдоним Н. И. Костомарова) «Сава Чалый», помещенная в «Отечественных записках» в 1839 г. «Литература, или, лучше сказать, поэзия южных русинов, потому что их литература почти вся полностью ограничивается чисто поэтическими произведениями, приковывает к себе внимание всякого мыслящего литератора», - писал Межевич. По его мнению, несмотря на то, что язык малороссов еще окончательно не сформировался, «не сознал сам себя, не оковался в прочные формы», именно малороссийский язык и, в связи с этим, литература гораздо ближе к понятию «народность». Свою мысль критик аргументирует следующим образом: «Возьмите вы любое, напечатанное даже, сочинение на малороссийском языке, прочтите его первому встретившемуся вам малороссиянину, - он поймет вас без затруднения». Русский же литературный язык, считает автор, пока еще очень далек от языка народного: «на русской литературе и на языке, которым эта литература выражается, лежит печать искусственности, труда, усилий внешних; поэзия

[155] George S. N. Luckyj. Between Gogols and Sevcenko. Polarity in the literary Ukraine: 1798 - 1847. Munchen., Wilheem Fink Verlad., 1971. P. 70.

малороссийская и язык ее, как сказано, не созданы усилиями ума, а порождены народом бессознательно, возлелеяны в лоне его: литература русская – цветок оранжерейный, искусственный; литература малороссийская – цветок, возникший на родной почве, под открытым небом, вспрыснутый его росою, согретый его солнцем».

Согласно Межевичу, у нее две возможные перспективы. В соответствии с первым вариантом, малороссийская литература или уже совершила полный круг своего развития, достигнув той конечной точки, за которой следует «склонение» и «уничтожение», высказала все, что суждено было высказать, и, следовательно, ждать от нее более нечего. В этом случае «явления ее, как бы на вид не были прекрасны, суть пустоцветы, обманчивые, ложные». Вторая перспектива оптимистическая: малороссийская литература «едва только успела пролепетать первые, младенческие звуки, бессознательно пропела первые юношеские песни и, полная свежих, роскошных сил, вступает в тот период сознательного творчества, который знаменуется явлениями прочными, обещает жизнь долгую и могучую». Сам Межевич больше склоняется ко второму выводу, так как было бы нелогичным наступление «старости» и «одряхления» прежде стадии «возмужалости». Поскольку о последней пока говорить не приходится, критик склоняется к заключению, что малороссийская литература пребывает только в зародыше, и расцвета еще следует ожидать. «Это заключение, - подводит итог Межевич,- отрадное и утешительное для всей нашей северно-русской литературы… Литературная Малороссия – наша отрадная надежда, утешительный залог, обетованная земля, где возрастет русское искусство во всем блеске неподдельности, во всей полноте своей!».[156] Приведенная цитата демонстрирует весьма популярные в изучаемый период мотивы взаимной дополняемости восточнославянских народов, их обновления.

[156] «Отечественные записки». 1839. Т. 3. С. 43-49.

Все же, несмотря на позитивную оценку украинских произведений в российской журналистике в 1830-е гг., следует отметить, что общественное мнение в сфере отношения к украинскому национальному возрождению очень быстро разделилось: наряду с хвалебными отзывами на украинские произведения стали появляться статьи с негативной оценкой и враждебными взглядами на развитие украинской литературы. Показательно, что в разные периоды многие критики и публицисты меняли свою точку зрения. Это во многом было связано с тем, что 30-е гг. явились своеобразным переходным периодом в развитии имперской идеологии.[157] Именно в это время продолжается разработка проекта «большой русской нации». При этом в сознании правителей и русских элит вопрос об образе нации, которая занимала бы ядро империи, и месте, которое принадлежало бы в нем Украине, оставался открытым. Новые веяния очень быстро выразились в общественном мнении, превратившись в дискуссию по украинской проблематике, продолжавшуюся весь XIX в.

Уже в 20-е гг. XIX в. в российской прессе наблюдается пробуждение интереса к украинской литературе. В конце 1820-х гг. постоянное внимание Украине уделял «Вестник Европы», издаваемый Михаилом Каченовским, харьковским уроженцем, пользовавшимся поддержкой графа А. К. Разумовского. Еще в 1815 г. журнал выступил с критикой позиции польского ученого Бандтке, защищавшего «богатую украинскую литературу».[158] Позднее, в «Вестнике Европы» были опубликованы украинские анекдоты, собранные Квиткой, при этом журнал заострял внимание читателя на их безусловной литературной ценности. В 1827 г. на страницах журнала было опубликовано письмо князя Цертелева, автора одного из первых сборников малороссийских песен, адресованное Максимовичу, в котором Цертелев как можно скорее просил опубликовать свое собрание малороссийских

[157] См.: Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия. С. 136.
[158] George S. N. Luckyj. Between Gogols and Sevcenko... P. 71

народных песен.[159] В том же году в «Вестнике Европы» в сокращенной версии появилось предисловие Максимовича к выходу своего сборника. В дополнении к нему журнал напечатал ряд произведений украинских литераторов: Гулак-Артемовского, Боровиковского и Шпигоцкого. В нескольких редакторских комментариях Каченовский посчитал нужным объяснить политику своего издания. Так, в предисловии к балладе Гулак-Артемовского «Рыбалка», Каченовский указал на то, что «малороссийский диалект», на котором говорят пять миллионов жителей империи, заслуживает пристального внимания филологов-славистов. Каченовский высказал мнение о близости малороссийского и немецкого языков в области народной поэзии.[160] Подобную точку зрения разделял и Максимович, считавший, что малороссийский, как и немецкий годятся только для создания народных песен. Во взглядах Каченовского прослеживался пристальный интерес филолога, защищавшего малороссийский язык, как своего рода лингвистический раритет. Помимо этого, редактора «Вестника» особенно интересовали исследования, касающиеся киевских древностей, и фольклорные традиции этого региона. Однако, вне зависимости от внутренних мотивов, результатом стало появление украинских произведений на страницах ведущего журнала Империи.

В какой-то степени схожую позицию по украинской проблематике занимали журнал «Телескоп» и газета «Молва», издаваемые Николаем Надеждиным. Можно сказать, что в отношении к украинской литературе и языку Надеждин мыслил в духе теории официальной народности. «Литературные опыты на малороссийском наречии» представлялись ему отнюдь не «бессмысленной и бесполезной забавой». По мнению Надеждина, «Малороссийское наречие» может также служить к обогащению русского языка. «Пусть украинцы знакомят нас с ним в своих добродушных «казках»!

[159] «Вестник Европы». 1827. № 12. С. 273.
[160] «Вестник Европы». 1827. № 20. С. 286-287.

Мы им должны быть душевно благодарны», - писал он в 1836 г.[161] «Телескоп» горячо приветствовал выход «Украинского альманаха» и прочил серьезное будущее поэтическому наследию Малороссии, «общему для нас всех».[162] В своих рецензиях Надеждин с уважением отзывался о деятельности Бодянского, Срезневского, Квитки. Второе собрание малороссийских песен Максимовича было отмечено в «Телескопе» появлением пространного обозрения Ю. Венелина, рассуждавшего о характере народной поэзии у славян.

Еще раз отметим, что во второй половине 30-х гг., наряду с хвалебными отзывами, в российской прессе все чаще становятся заметны рецензии, содержавшие негативную оценку развивающейся литературы.

В качестве примера можно привести критические отзывы на появление в печати книги А. Могилы (псевдоним профессора Харьковского университета А. Л. Метлинского)[163] «Думки и песни, та шче де шчо» (Харьков, 1839). Раздел критики в «Сыне Отечества» вел тогда Н. А. Полевой. Свою рецензию он начал словами: «Признаемся: мы вовсе не понимаем издания книг на малороссийском наречии!». По мнению автора рецензии, если любовь уроженцев Малороссии к родной культуре понятна и заслуживает уважения, то этого нельзя сказать по поводу попыток написания и издания книг на «малороссийском наречии», переводов на него целых поэм и стремления создать «целую литературу малороссийскую». Молодые уроженцы Малороссии - люди чисто русские, и, следовательно, зачем им писать по-малороссийски? Мысль автора достаточно ярко выражает сложившийся в российском консервативно настроенном обществе взгляд на украинскую проблематику в тот период: «Думать, что может образоваться отдельная малороссийская словесность - странно; да если бы и могла она образоваться, разве малороссияне, прежде всего, не русские, не должны посвящать своего дарования русскому, богатому, общему нашему,

[161] «Телескоп». 1836. № 2. С. 247.
[162] «Телескоп». 1831. № 18. С. 106.
[163] Прим. автора.

национальному языку? Не потребует ли после того особой словесности зырянин, олончанин, белорус, вотяк, все племена и наречия, слившиеся в одну могучую громаду, Россию?».[164] В заключении своего обзора Полевой приходит к выводу, что современные произведения на малороссийском языке - есть не что иное как прихоть умных людей, литературная шалость.

Весьма примечателен отзыв Полевого на «Украинский сборник», издаваемый И. И. Срезневским. В 1838 г. вышла первая книжка сборника, содержавшая пьесу И. П. Котляревского «Наталка-Полтавка». Полевой, подобно многим другим российским критикам, с большим пиететом отзывался о Котляревском, ставя его в один ряд с такими выдающимися украинцами, как Климовский и Сковорода. «Вся пьеса дышит таким добродушием, народные песни введены в нее так кстати и у мест, язык ее так хорошо выдержан, что мы не дивимся ее народности у малороссиян, и причисляем ее к прекрасным произведениям народного ума русского», - писал Полевой о «Наталке». Далее критик обращается к общей характеристике сборника Срезневского. Издание малороссийских дум и песен, пословиц, загадок, украинских летописей и всего, «что поясняет народную местность, нравы и характер Малороссии», Полевой оценивает, как предприятие, достойное всяческих похвал. Однако автору рецензии показался странным тот факт, что Срезневский в своем сборнике собирается публиковать произведения современных малороссийских литераторов, таких, как Боровиковский, Гулак-Артемовский, Шпигоцкий и Гребенка. Новейшие произведения малороссийских авторов чрезвычайно далеки от «народного украинского духа», и введение «ложного рода стихотворений на украинском наречии» - дело абсолютно бесперспективное. «От малороссийского наречия стихи его лучше не будут, - писал он о Гребенке - Зачем же их печатать?». Публикация поэтических опытов на малороссийском языке, согласно «Сыну Отечества», ничего хорошего сборнику Срезневского не принесет, и даже, напротив, только повредит.

[164] «Сын Отечества». 1839. Т. 8. С. 150 - 151.

В этих суждениях можно усмотреть озабоченность консервативной общественности новыми литературными веяниями на Украине, а также попытку направить этот процесс в нужное русло. В противном случае, по мнению русских авторов, в подобных сборнику Срезневского изданиях не будет никакой пользы, ибо они перестанут быть «зеркалом украинской народности».[165]

В литературной летописи «Библиотеки для чтения» за 1839 г. находим рецензию О. И. Сенковского на «Думки» Метлинского. Редактора журнала также весьма занимает проблема существования малороссийского языка. Согласно Сенковскому, этот язык «доселе не имеет правописания, и люди, занимающиеся обработкой его, беспрестанно придумывают новые способы выражения его слов». В предисловии к «Думкам» Метлинский привел образцы пяти различных систем правописания или, скорее, произношения на малороссийском языке - Максимовича, Котляревского, Срезневского, Гулак-Артемовского и, наконец, свою собственную. Сенковский приходит к выводу, что система Метлинского является одной из самых неправильных, а наиболее близкая к чистому и настоящему выговору - система Гулак-Артемовского.[166]

Ранее уже приводился отзыв В. С. Межевича на пьесу Костомарова «Сава Чалый». В период своего сотрудничества с «Северной пчелой» Межевич кардинально изменил взгляды на современную малороссийскую словесность, заняв в отношении ее жесткую, даже непримиримую позицию. Являясь одним из ведущих журналистов в рубрике «Новые книги», он достаточно критически оценивал малороссийскую литературу и язык: «Возможна ли теперь малороссийская литература? Посмотрите на Малороссию в теперешнем ее положении - и получите ответ отрицательный»[167]. При этом, любопытен тот факт, что сам критик

[165] «Сын Отечества». 1839. Т. 9. С. 141-142
[166] «Библиотека для чтения». 1839. Т. 34. С. 26 - 28.
[167] «Северная пчела» 1834 № 248.

происходил из польских шляхтичей.[168] Таким образом, поляки активно участвовали в обсуждении украинской тематики, выступая от имени русской общественности. В своих прежних работах Межевич не раз с почтением отзывался о Срезневском, Котляревском, Гулак-Артемовском и том вкладе, который они внесли в изучение «украинской народности». Однако теперь на попытки развития малороссийского языка и создания малороссийской литературы критик смотрит как на «усилия несбыточные и почти бесполезные... Котляревский, Гулак-Артемовский составили удачные опыты, но они не имели последствий, как и всякое действие в начале своем лишнее или неосновательное»[169]. Свой обзор «Малороссийских повестей» Г. Основяненко Межевич также заканчивает пожеланием малороссийским авторам писать по-русски[170].

В рубрике «Журнальная всякая всячина», высказываясь о перспективах развития русского языка и, в частности, опасаясь его «загрязнения», Ф.В. Булгарин писал: «Ужели суждено прекрасному, звучному, богатому языку низойти на степень провинциального наречия, как язык белорусский!»[171]. Это высказывание, как, впрочем, и весь тон фельетона достаточно ясно характеризует позицию редактора «Северной пчелы». Следует отметить, что одним из важных для Булгарина вопросов было состояние русского языка[172], без которого, по его убеждению, "при всех познаниях, невозможно с пользою служить русскому царю и Отечеству». В качестве еще одного примера можно привести рассуждения Булгарина о европейских ученых обществах и академиях, существующих в Европе «для утверждения правил, чистоты и ясности современных языков»[173].«Один только русский язык, - писал он, - можно назвать *первоначальным*, т. е. составленным не из смеси различных

[168] Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. Т. 3. М. 1994. С. 562.
[169] Там же.
[170] «Северная пчела» 1834. № 248.
[171] «Северная пчела» 1846. № 10
[172] Рейтблат А.И. Видок Фиглярин. Письма и агентурные заметки Ф.В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 134
[173] «Северная пчела» 1852. № 22.

языков, но из слов, происходящих от корней языка древнего племени, известного под общим наименованием *племени славянского»*[174].

На страницах «С. п.» не раз обсуждались дальнейшие перспективы развития малороссийского общества в связи с проникновением «даже в степи Украины» образованности. Фактически это был призыв к русификации региона, созвучный тогдашней имперской политике. «Как скоро образованность коснется Малороссии, то непременно должны изгладиться и последние черты ее самобытности и оригинальности, потому именно, что эта самобытность заключается в материальных условиях, в коснении, в неподвижности, в отчуждении от всего, что составляет интерес человечества»[175]. Если верить авторам газеты, то прогресс в этом отношении был очевиден: «Все пишущие и читающие малороссияне отказались от родного языка; помещики в домашнем быту говорят не иначе как по-русски; одни только чумаки сохранили свое старинное наречие. Малороссийские паны и помещики отказались от своего национального костюма, оделись в петровские фраки и сюртуки, в циммермановские шляпы и фуражки; они хотят быть русскими, не хотят быть похожими на малороссиян. Они с радостью променяют свой Статут на наш Свод Законов, и все потому, что в высших сословиях нет уже малороссийского духа»[176]. Авторы обозрений малороссийской литературы, полагали, что история, язык и обычаи Малороссии сохранились только в низшем классе ее народа, тогда как все прочие обрусели. А потому «к чему создавать литературу в таком народе, который утратил свою особенность, свою частную физиономию»[177].

Чрезвычайно большой интерес к украинской проблематике проявлял журнал «Маяк», издаваемый С. А. Бурачеком. В истории журналистики «Маяк» принято относить к одному из самых ультраофициальных изданий

[174] Там же.
[175] «Северная пчела» 1841. № 143.
[176] «Северная пчела» 1834. № 248.
[177] Там же.

второй четверти XIX в.[178] Между тем, именно на страницах данного издания украинские литераторы, такие как Гулак-Артемовский, Квитка, Корсун, Костомаров, Метлинский, Шевченко и др., получили возможность регулярно помещать свои произведения и статьи. Мало того, в защиту украинского языка и литературы в «Маяке» выступали его сотрудники К. Сементовский, Н. Тихорский, П. Корсаков и сам С. Бурачек. Известно, что многие украинские авторы, включая Шевченко, приветствовали сотрудничество именно с «Маяком».[179] Помимо произведений украинских литераторов, на страницах журнала периодически появлялись этнографические материалы не только по Украине, но иногда также и Белоруссии, фактически обойденной в то время вниманием русского общества. Материалы эти касались некоторых особенностей быта малороссийского и белорусского крестьянства, календарной обрядности, фольклора (песни, загадки, гадания, поверья).

В 1843 г. в обзоре трагедии Иеремии Галки (псевдоним Н. Костомарова) «Переяславська нічь» сотрудник «Маяка» литератор К. Сементовский достаточно точно обрисовал ситуацию, сложившуюся в России вокруг восприятия малороссийской словесности, сделав особый акцент на позиции журнала в отношении данной проблемы. «Малороссийская письменность, - писал он, - обращает на себя слишком малое внимание наших журналов. В одном, не веря существованию малороссийского языка, доказывают невозможность существования и письменности его в настоящее время; в другом, хотя не соглашаются с подобным мнением, но не решаются высказать собственные мысли вполне, откровенно, ясно и точно, а довольствуются какими-то намеками, общими местами (за которыми, правду сказать, наши журналы привыкли чаще всего скрываться); в третьем, наконец, вовсе молчат о малороссийском языке и письменности его, как будто бы то и другое совершенно чуждо сферы

[178] См.: Досталь М. Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в. (по материалам периодики). // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990. С. 17-56.
[179] George S. N. Luckyj. Between Gogols and Sevcenko... P. 73.

деятельности, не забудьте, русского литературного журнала, где, без сомнения, все касающееся великого отечества нашего должно иметь свое место». В критических выступлениях русских журналистов Сементовский усматривает попытки людей, плохо разбирающихся в малороссийской проблематике, «убить в самом зародыше отрадное возрождение малороссийской письменности, возрождение, в котором они же сами когда-то видели залог таких утешительных надежд!».

Как видим, автор очень точно выразил характерные для конца 30-х - начала 40-х гг. тенденции изменения отношения к украинскому литературному возрождению в российском обществе. Критикуемым взглядам Сементовский противопоставляет позицию своего журнала: «Потому-то все любители малороссийской народности с радостью увидели, что в последнее время «Маяк» принял под особенное свое покровительство малороссийскую письменность: да и от какого же другого журнала малороссийские литераторы могли ожидать подобной защиты? - какой другой журнал, как не «Маяк», постоянно, в самой строгой точности выполняющий свою программу в духе русского слова, русского благонравия, русских доблестей и народности, мог первый соединить на своих страницах с произведениями литературы русской - произведения и родной, хотя и старшей ее сестры - малороссийской?». (Заметим, что термин «русский» автор употребляет в значении «великорусский»). Благодаря «Маяку» все «увидели малороссийскую прозу и стихотворения, прочли и повести, взятые из малороссийского быта, и разные исторические статьи, касающиеся Малороссии, и, наконец, разборы некоторых книг, писанных на малороссийском языке, о котором кое-кто хоть и отзывался нелестно».[180] Статья сопровождалась коротким комментарием редактора журнала Бурачека: «С моей стороны, вполне разделяю разумные суждения критика». Несмотря на общий пафос статьи, во многом с автором можно согласиться,

[180] «Маяк». 1843. Т. 12. С. 42-43.

особенно с последним его пассажем, касающемся публикаций в «Маяке» разнообразных материалов, касающихся Малороссии.

Ранее уже упоминалось о том, что именно в «Маяке» впервые достаточно регулярно стали появляться материалы, связанные с Белоруссией. Это можно объяснить тем, что, являясь сторонником общерусской концепции, Бурачек уже в то время осознавал всю важность и необходимость попытки обратить внимания русского общества на Западный край. Так, в приписке к письму белорусского литератора Цытовича «Слова два о языке и грамотности Белой - Руси» редактор журнала заверял белорусов в полной готовности «Маяка» помещать материалы, касающиеся их края - «умные, прекрасные и необходимые». «Все просвещенные русские, - писал Бурачек, - давно уже поняли необходимость изучения белорусской старины и грамотности: - но до сих пор оно оставалось краем непочатым; тогда как он не менее других богат... Дай Бог, чтобы с легкой руки г. Цытовича эта статья послужила добрым почином будущих успехов поэзии, истории и письменности Белой Руси, без которой поэзия, история и письменность всей Руси есть и будет одностороння и неполна».[181]

Публикации такого характера, посвященные белорусскому языку, являлись скорее исключением из правил. Обращение российских публицистов к белорусским сюжетам в тот период было большой редкостью. Тем более, в вопросах, связанных с белорусским языком, не вызывавшим особого интереса у российской общественности. В качестве иллюстрации можно привести отзывы периодических изданий на вышедший в 1839 г. сборник «Опыты в русской словесности воспитанников гимназий белорусского округа». В «Библиотеке для чтения» утверждалось, что «Опыты» имеют большое значение для жителей западных губерний. Незнание русского языка обрекало юношество Западного края «на жизнь без цели, без будущности, без радости, без славы». Более того, все нравственные страдания Западного края в последнее сорокалетие проистекали именно от

[181] «Маяк». 1843. Т. 9. С. 39.

этого «неестественного» отчуждения. Однако перемены в системе образования в «возвращенных от Польши» губерниях позволили «исторгнуть белорусов из этой бездны, сблизить их, посредством языка, с забытым общим отечеством, воскресив, тем самым их прежний русский патриотизм». Белорусов как членов одного великого семейства призывали «объясниться на семейном языке, слить вместе свои чувства и понятия, и дружно пойти к одной цели».[182] Во многом сходную позицию занял журнал «Сын Отечества». Язык белорусов определялся как «чуждый», насильственно навязанный, в отличие от «коренного, родного белорусцам» русского языка.[183] Таким образом, одним из главных условий нормального существования белорусского этноса в империи, по мнению многих российских общественных деятелей, является обязательное знание и употребление русского языка.

Политика «Маяка» в области малороссийского и белорусского языка и литературы была связана с попытками его издателей, внести свой вклад в дальнейшую разработку идеологии официальной народности. Примечательно в этом плане, что от «Маяка» всячески открещивались остальные теоретики официальной народности, идейную близость с которыми С. А. Бурачек всегда старался подчеркнуть. М. П. Погодин, О. И. Сенковский, Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин, каждый со своих позиций, достаточно остро критиковали отдельные крайности философских, исторических, критико-литературных концепций «Маяка».[184] Особую позицию столь консервативного издания можно в известной мере объяснить также и тем, что его редакторы были «россиянами» украинского происхождения, сохранившими свои украинские симпатии с детских лет.

Украинская проблематика занимала важное место в длительной полемике враждующих между собой «Маяком» и «Отечественными записками». Два этих журнала находились в постоянном состоянии войны, и

[182] «Библиотека для чтения». 1839. Т. 36. С. 2-4
[183] «Сын Отечества». 1839. Т. 10. С. 43.
[184] Досталь М. Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении... С. 21.

украинская литература стала камнем преткновения в споре русских либералов и консерваторов. В качестве примера так называемой «украинской войны» в российской журналистике[185] можно привести статью Корсуна, написанную под псевдонимом Антипенко, в которой автор подверг серьезной критике журнал Краевского за его антиукраинскую направленность.[186] Это было связано с приходом в «Отечественные записки» В. Г. Белинского. С этого момента отношение журнала к украинской литературе сильно изменилось. Именно в вопросах, связанных с отношением к украинской проблематике, один из самых радикальных российских критиков занимал весьма жесткую, бескомпромиссную позицию, во многом схожую с позицией лидеров «реакционной» прессы. А. Н. Пыпин объяснял это тем, что малороссийскую литературу того периода Белинский считал делом народно-романтической прихоти и моды. «В самом деле, - писал Пыпин, - по тогдашним началам трудно было ожидать, чтобы малорусская литература могла быть или стать достоянием и потребностью народа, средством его образования; а малорусской литературы в более широком объеме он не считал возможной…».[187] По мнению Белинского, в то время, когда высшие классы малороссийского общества, лучшие его таланты, как Гоголь, присоединились к русскому обществу и образованию, было бы напрасной тратой сил стремиться к основанию особой малороссийской литературы. Можно предположить, что, будучи гораздо более дальновидным, чем многие другие критики того времени, Белинский понимал, что дальнейшее развитие украинской литературы может привести к возникновению культурной автономии региона, которая, в свою очередь, черевата серьезными политическими последствиями.[188]

---

[185] Голубенко П. Україна і Россія у світлі культурних взаемин. Київ, 1993. С. 334.
[186] «Маяк». 1842. Т. 6. 55-56.
[187] Пыпин А. Н. характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1909. С. 464-465.
[188] Подробнее о взглядах Белинского см. параграфы 2-3.

В путевых записках, дневниках и воспоминаниях о пребывании в Малороссии многие представители русской общественности также касались малороссийского языка. По утверждению А. И. Левшина, он происходит от «древнего славянского, но смешан с немецкими, латинскими и польскими, перековерканными словами, отчего делается почти непонятным великороссиянину». Несмотря на то, что в этом языке отсутствуют какие-либо грамматические правила, он «до сего времени составляет язык народа», хотя «некоторые ученые малороссияне употребляют его в сочинениях» (в качестве примера приводилась «Энеида» Котляревского). Левшин рассматривал возможность научной разработки литературного языка, возможность, которая поставила бы малороссиян в один ряд с «просвещеннейшими народами Европы». Однако выводы, к которым он приходит, весьма пессимистичны: «Тщетна надежда сия ибо нет побудительных причин и самая малая возможность к составлению языка из наречия, оставленного почти всеми образованными коренными жителями здешней страны».[189]

Издатель журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньин в своем «Живописном путешествии по России», осуществленном в 1830 г., характеризует малороссийский язык как довольно звучный, находящийся гораздо ближе к церковнославянскому, нежели русский, несмотря на обилие «татарских слов, принятых им». В своих заметках Свиньин попытался очертить ареал распространения малороссийского языка, который, «находясь под влиянием Польши и Литвы, во многих местах, особенно в пограничных, претерпел большое изменение». Колыбелью малороссийского языка издатель «Отечественных записок» называл Полтаву, где язык сохранился в первоначальной чистоте своей и «без посторонней примеси звучит по хуторам и селам. При приближении к Чернигову он заметно начинает портиться, за Черниговым изменяется в литвинский, в Киеве смешивается с польским, а за Киевом совершенно исчезает». Подобно А. Левшину, Свиньин

[189] Левшин А. И. Письма из Малороссии. Харьков. 1816. С. 78.

обращает внимание на тот факт, что обороты и фразы, частые междометия и местоимения украинского языка нередко непонятны не только иностранцам, но и самим малороссиянам. Автор объясняет это тем, что «всякий малороссиянин думает, что говорящий с ним непременно должен понимать его». В подтверждение этого он даже приводит случай, когда помещик, желая посоветоваться со своим мужиком в довольно затруднительной ситуации, получает от него ответ на совершенно непонятном языке. По мнению Свиньина, лучше всего малороссийский язык, «с малейшими изменениями и оттенками», выразился в народных песнях.[190]

Источники дают основание говорить о двух разновидностях малороссийского языка: с одной стороны, это язык простого народа, не всегда понятный образованному сословию, а с другой, - зарождающийся литературный язык, который во многом отличался от языка простонародья.

Таким образом, в поле зрения русского общественного мнения в рамках малороссийской тематики находилось несколько вопросов. Пожалуй, центральный из них заключался в отношении к возможности существования малороссийских языка и литературы. В конечном итоге, примерно к началу 1840-х гг. большинство касавшихся его, приходит к отрицательному выводу. Малороссийская литература должна «иссякнуть, умереть в архивах». Всякие попытки возродить ее объявляются критиками «бесплодными» и «неосновательными». Малороссийским литераторам указывался другой плодотворный и полезный род занятий в русле умонастроений эпохи романтизма, а именно - изучение и разработка местной истории, фольклора и быта. Не только их, но и читателей со всей России, призывали знакомиться с культурой Малороссии. Можно сделать вывод о том, что начало 40-х гг. XIX в. стало определенным рубежом в развитии дискуссии по украинской тематике в русском обществе.

Печатные органы, и в особенности «официозная» пресса, призывали малороссийских литераторов к изучению истории малороссийской

[190] «Отечественные записки». 1830. № 120. С. 31-37.

народности, обращению к богатому руднику ее преданий и поверий. Богатство и достоинство народной малороссийской литературы или, лучше сказать поэзии, так как, по мнению авторов публикаций, вся малороссийская литература ограничивается почти исключительно одной поэзией, никогда не вызывали сомнения у журналистов. «Вся жизнь малороссийского народа, вся его история выразилась в песнях, так, что полное собрание малороссийских песен составит целый эпос, своего рода «Илиаду», достойную полного и глубокого изучения... Разрабатывайте же для нас эти сокровища, завещанные вам предками; уясняйте минувшие деяния по этим живым поэтическим преданиям старины. Мы скажем вам полное душевное спасибо»,[191] - писала в 1841 г. «Северная пчела». Подобную позицию можно связать с господствующим в то время периодом романтизма, а также со свойственной ему во всей Европе тенденцией изучения народа.

Остроту дискуссии об украинской литературе и языке можно во многом объяснить, взглянув на нее сквозь призму российских идеологических конфликтов, а именно, полемики между либералами и консерваторами, западниками и славянофилами.

2.2 Малороссийские периодические издания как культурный феномен и их восприятие русской общественностью

В 1820-30 гг. центром развития малороссийской романтической культуры являлся Харьков с его университетом, основанным в 1805 г. Существенный вклад в собирание народного творчества и этнографическое изучение малороссов внесли М. А. Максимович, И. И. Срезневский, А. Л. Метлинский, О. М. Бодянский и др. Роль Харьковского университета в истории украинской литературы занимает значительное место, так как связана с появлением и развитием украинского романтизма. Харьковские романтики впервые в истории украинской словесности провозгласили

[191] «Северная пчела» 1841. № 143.

принцип народности литературы, источником и основным условием развития которой является ее связь с фольклором.[192] По инициативе литературных и научных сил Харьковского университета начали выходить журналы и альманахи, издаваться книжки и сборники. Оживление издательской и литературной деятельности было связано с тем обстоятельством, что цензурный устав 1803 г. устанавливал правило гласящее: «цензура всех печатаемых в губернии книг имеет принадлежать единственно университетам, коль скоро они в округах открыты будут».[193] Согласно этому положению, фактически, цензура перешла в руки харьковских коллегий. Университет даже имел свою типографию.

Первым печатным органом в Харькове был «Харьковский еженедельник» (1812 г.), позднее выходили «Харьковские известия» (с 1816 г.), «Украинский вестник» (1816-1819 гг.), «Харьковский Демокрит» (1816), «Украинский журнал» (1824-1825 гг.), «Украинский альманах» (1831 г.), «Утренняя звезда» (1833 г.), «Запорожская старина» (1833-1838 гг.), «Сніп» (1841 г.), «Молодик» (1834-1844 гг.) и другие. За первое десятилетие существования университета (1805-1815) вышло в свет 210 изданий, из которых 90 работ принадлежало его профессорам, 16 - студентам.[194]

Подобная инициатива находила поддержку русской прессы, на страницах которой регулярно появлялись хвалебные отзывы о деятельности Г. Квитки-Основьяненко, Е. П. Гребенки, М. А. Максимовича, И. П. Котляревского, а также «неутомимого собирателя украинских памятников» И. И. Срезневского.[195]

Как правило, малороссийские издания 30-х - начала 40-х гг. принимались русским обществом весьма благожелательно. Отчасти это можно объяснить тем фактом, что в большинстве случаев харьковские

[192] Досталь М. Ю. И. И. Срезневский // Белоруссия и Украина: История и культура / М.: Наука, 2003. С. 171.
[193] Голубенко П. Україна і Россія у світлі культурних взаемин. С. 162.
[194] Там же. С. 163.
[195] «Сын Отечества». 1839. Т. 9. С. 141.

журналы выходили на русском, и лишь изредка в них появлялись произведения на украинском языке[196]. Так, украинский литературный сборник «Молодик» за 1844 г. получил весьма положительный отзыв журнала «Библиотека для чтения» во многом оттого, что «песнопений на малороссийском диалекте» в нем было только два.[197] Но даже впоследствии, когда следующий номер «Молодика» вышел почти целиком на малороссийском, особого протеста у авторов столь консервативного издания это не вызвало. Даже напротив, анонимный критик, рассматривая творчество малороссийских литераторов, писал, что, на его взгляд, для них предпочтительней писать на своем родном языке, ибо, подобно Цезарю, «лучше быть первым у себя в деревне, чем вторым в Риме». Помимо этого журнал констатировал, что подобные издания гораздо более интересны украинским читателям.[198]

«Отечественные записки» также приветствовали выход в свет новых малороссийских изданий, указывая на то, что они должны печатать произведения скорее исторические, чем литературные.[199] В рецензии на практически полностью русскоязычный выпуск «Молодика» в 1843 г. Белинский писал: «В Украине есть своя литература; после «Молодика» в этом не остается никакого сомнения... Харьков... сравнительно с другими губернскими городами, есть некоторым образом столица Украины, а следовательно, и столица украинской литературы, украинской прозы, стихов... Боже мой, сколько поэтов на Украине!».[200]

Чрезвычайно высокую оценку получили малороссийские журналы на страницах «Маяка». В своем обзоре альманаха «Сніп», Н. Тихорский приветствовал стремление харьковских литераторов «усовершенствовать,

[196] Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 141.
[197] «Библиотека для чтения». 1844. Т. 64. С. 19.
[198] «Библиотека для чтения». 1844. Т. 62. С. 13-16.
[199] «Отечественные записки». 1840. Т. 13. С. 17.
[200] Белинский В. Г. ПСС. М., 1954. Т. 7. С. 280-282.

возвысить малороссийскую словесность».[201] П. Корсаков в рецензии на «Киевлянин» М. Максимовича обещал оказывать этому изданию всяческую поддержку «и словом, и делом».[202]

Здесь следует отметить, что малороссы-украинофилы поколения, к которому принадлежали М. А. Максимович, А. Л. Метлинский, И. П. Котляревский, Е. П. Гребенка, по мнению А. И. Миллера, в строгом смысле слова националистами не были и не стали ими даже в последующие десятилетия. Так, малороссийский патриотизм профессора, впоследствии ректора Киевского университета Максимовича не находился в непримиримом конфликте с его общерусской идентичностью. До конца жизни он не ставил под сомнение единство Южной и Северной Руси, даже в отдаленной перспективе. Он просто не мыслил националистическими категориями.[203] В предисловии к «Киевлянину» Максимович указывал на исключительно историко-этнографическую направленность его деятельности: «Исследование и приведение в надлежащую известность всего, что относится к бытию Киева и всей южной Руси - Киевской и Галицкой, составляет особенную и существеннейшую цель «Киевлянина»». Известно, что министр народного просвещения граф С. С. Уваров весьма благожелательно относился к деятельности Максимовича. Так, в 1837 г., будучи в Киеве, Уваров посетил университет, где в это время Максимович выступал с речью «Об участии и значении Киева в общей жизни России». Уваров был так впечатлен ею, что, едва дав оратору закончить, бросился к нему с горячим рукопожатием.[204]

Аналогичным образом можно охарактеризовать деятельность профессора Харьковского и Киевского университетов А. Л. Метлинского. В предисловии к сборнику южно-русских песен, изданному им в Киеве в 1854

[201] «Маяк». 1842. Т. 5. С. 1.
[202] «Маяк». 1840. Т. 15. С. 209.
[203] См. : Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.).СПб., 2000.
[204] Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. III. С. 20.

г., он писал: «Я утешился и одушевился мыслью, что всякое наречие или отрасль языка русского, всякое слово и памятник слова есть необходимая часть великого целого, законное достояние всего русского народа, и что изучение и разъяснение их есть начало его общего самопознания, источник его словесного богатства, основание славы и самоуважения, несомненный признак кровного единства и залог святой братской любви между его единоверными и единокровными сынами и племенами».[205]

Таким образом, ранние «украинофилы» в большинстве случаев не только не противопоставляли украинского начала русскому, но всячески подчеркивали свою общероссийскую принадлежность.

Возникновение в 1840-е гг. в среде малороссийской молодежи политических мотивов уже больше связано с Киевом и его новым университетом Св. Владимира, основанным в 1834 г. вместо закрытого после польского восстания 1830-31 гг. Виленского университета. В своих стихах середины 1840-х гг. Т. Шевченко впервые сформулировал идею воскрешения Украины, ее особой будущности, оказав решающее воздействие на идейное развитие участников Кирилло-Мефодиевского общества.[206] Члены общества - Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш и Н. М. Белозерский - стали, наряду с самим Шевченко, тем новым поколением, которое приступило к разработке украинской национальной идеологии.

Однако еще до ареста членов Кирилло-Мефодиевского общества стал очевидным тот факт, что всякие попытки малороссийских ученых и литераторов, связанные с развитием украинского литературного языка, встречают глубокое неприятие и непонимание в российском обществе.

Одним из ярких примеров восприятия русской общественностью проявления малороссийской литературной самобытности может служить реакция ряда журналов на альманах «Ластовка», вышедший в 1841 г. в Петербурге. На страницах «Ластовки» печатались повести и рассказы,

[205] Цит. по: Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. С. 143.
[206] Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей... С. 55.

народные малороссийские песни, поговорки, пословицы, стихотворения и сказки, собранные Е. Гребенкой. В альманах вошли произведения таких видных украинских литераторов, как Квитка-Основьяненко, И. Котляревский, П. Кулиш, Т. Шевченко, П. Боровиковский, А. Чужбинский и др.

Весьма показателен отзыв на «Ластовку» В. Межевича, помещенный в «Северной пчеле» за 1841г. В обзоре этой книги журналист подробнейшим образом обосновал невозможность существования малороссийской литературы. «Мы совершенно согласны с мнением тех, которые думают, что в наше время писать на малороссийском языке значит идти вовсе ложным путем», - так начинает критик свою статью, и далее: «Малороссийская литература, преимущественно, или лучше сказать, исключительно народная, совершила свой круг, так же точно, как и отдельная, самобытная история Малороссии, как и сама жизнь малороссийского народа». Это высказывание хорошо демонстрирует сложившееся в России отношение к украинскому вопросу, мнение об украинском национальном возрождении, стремление к политике унификации. Произведения новейшей малороссийской литературы автор характеризует как «нетвердое повторение задов», плохую переделку старинных песен и сказок или неудачное подражание двум-трем талантливым писателям, появившимся в Малороссии в последнее время, писателям, «которые вовсе не думали *воссоздавать* литературы малороссийской, а написали, можно сказать, для шутки несколько повестей и т.п. на малороссийском языке».

Далее Межевич приводит доказательства того, что в Малороссии нет ни одного из условий для создания, развития и процветания собственной литературы. Первое условие всякой литературы - язык. «Но существует ли язык малорусский?» - спрашивает автор «Северной пчелы». - «Если существует, то где именно? В памятниках старины, в песнях и думах древней Малороссии? Но это язык мертвый, язык отжившего народа; как же вы хотите создать новую свежую, живую литературу на мертвом языке?».

Межевич не отрицает использования малороссийского языка «простым народом», однако, по его мнению, «простой народ, plebs, не составляет еще целого народа». Между тем, в настоящее время только он является на Украине хранителем национального языка, притом языка искаженного, утратившего свою чистоту: «Где еще он сыскал себе приют и опору? Есть ли это язык религии, язык правительства, по крайней мере? Какие дела на нем производятся? Какие истины возвещаются? И почему после этого вы не хотите признать языком какого-нибудь наречия суздальского, олонецкого и т.п.?».

Следующее условие существования литературы рецензент видит в жизни, одухотворенной просвещением, стремлением к прогрессу: «Где же это образование? Где же это стремление вперед?». Межевич обвиняет малороссийскую литературу в косности, в неподвижности: «Возьмите все новейшие произведения на малороссийском языке, везде вы увидите одну манеру, одни приемы, одну форму, везде малороссиянин низшего класса, простолюдин с его особенностями материальной жизни, галушками, варениками, вишневкой и т.п.». Вывод следует весьма жесткий: «На галушках и вишневках литературы создать невозможно ..., что для нас и для вас толку в дурных стихах, да в плохих повестях новейшего изделия, которыми вы так усердно наделяете весьма мало читающую Малороссию? Плохие писания и на русском языке порядочно всем надоели». В заключение автор рекомендует использовать книгу «для домашнего обихода» [207]. Остается добавить, что это была одна из самых резких рецензий в «Северной пчеле» за двадцать первых лет ее существования.

Появление сборника «Ластовка» не осталось без внимания и редактора «Библиотеки для чтения». Продолжая свои рассуждения о малороссийском языке, О. Сенковский утверждал, что авторы сборника, в особенности Г. Основьяненко, используют искусственный язык, который «непохож даже и на малороссийский язык, самый непохожий на русский из всех языков, ни на

[207] «Северная пчела». 1841. № 143.

что не похожих». Далее Сенковский информирует читателей о том, что в Малороссии этот новый литературный язык называют русским, в то время как в Великороссии он, напротив, почитается чистым малороссийским. Таким образом, по мнению автора рецензии, в книгах, написанных на «неизвестном», «гибридном» языке, который ни один народ не признает своим, нет никакой пользы.[208]

Впрочем, подобный взгляд на малороссийский язык и литературу был характерен не только для консервативно настроенных органов печати. Ранее уже упоминалась позиция В. Г. Белинского, напечатавшего целый ряд рецензий на появлявшиеся тогда публикации на малороссийском. В 1841 г. в «Отечественных записках» была опубликована его рецензия на альманах «Ластовка» Е. Гребенки. Свою статью критик начинает с очень серьезного вопроса: «есть ли на свете малороссийский язык, или это только областное наречие?». По мнению Белинского, украинский язык действительно существовал во времена «самобытности Малороссии» и продолжает существовать теперь в памятниках народной поэзии. Но это еще не означает, что «у малороссиян была литература: народная поэзия еще не составляет литературы». Вследствие разделения сословий при Петре I украинское дворянство, в силу исторической необходимости, восприняло русский язык и русско-европейские обычаи в образе жизни. Это привело к тому, что язык самого народа начал портиться, - и теперь «чистый малороссийский язык» находится преимущественно в одних книгах. «Следовательно, - заключает Белинский, - мы имеем полное право сказать, что теперь уже нет малороссийского языка, а есть областное малороссийское наречие, как есть белорусское, сибирское и другие, подобные им областные наречия»[209]. На вопрос, - «может ли существовать малороссийская литература и должны, и могут ли наши литераторы из малороссиян писать по-малороссийски?». На этот вопрос автор также дает отрицательный ответ: малороссийский язык

[208] «Библиотека для чтения». 1841. Т. 48. С.43-45.
[209] «Отечественные записки». 1841. Т. 16. № 6. С. 32-33.

никогда уже не станет литературным языком, ибо «сделался теперь провинциальным и простонародным наречием».

По мнению Белинского, памятники народной поэзии драгоценны, и сохранение их само по себе похвально. Что же касается индивидуального творчества, то позиция критика оставалась прежней: «Поэзия есть идеализирование действительной жизни: чью же жизнь будут идеализировать наши малороссийские поэты? - Высшего общества Малороссии? Но жизнь этого общества переросла малороссийский язык, оставшийся в устах одного простого народа, - и это общество выражает свои чувства и понятия не на малороссийском, а на русском и даже на французском языках»[210]. Белинский указывает на весьма существенную разницу между «малороссийским наречием» и русским языком. Русский писатель может изобразить в своем романе представителей всех сословий и каждого заставит говорить своим языком: «образованного человека языком образованных людей, купца по-купечески, солдата по-солдатски, мужика по-мужицки». Малороссийское же «наречие» исключительно крестьянское. Поэтому, заключает критик, малороссийские литераторы и поэты пишут только повести на простонародные темы, знакомя читателя с одними Марусями, Одарками, Прокипами, Кандзюбами, Стецьками и тому подобными персонажами. Содержание таких повестей всегда однообразно, а главный интерес их - крестьянская наивность и «наивная прелесть мужицкого говора». Из этого никак не следует, считал Белинский, что в простонародном быте нет поэзии. Однако для этой поэзии нужны «слишком огромные таланты». «Мужицкая жизнь» сама по себе мало интересна для образованного человека, следовательно, необходимо обладать большим дарованием, чтобы идеализировать ее до поэзии. На это, по мнению Белинского, таланта хватило только у Гоголя. Подводя итог, критик восклицал: «Хороша литература, которая только и дышит что простоватостью крестьянского языка и дубоватостью крестьянского ума!».

[210] Там же. С. 34.

Можно предположить, что именно в появлении сборника «Ластовка» Белинский усмотрел манифест самостоятельной малороссийской литературы и начал против нее решительную борьбу, высмеивая ее «крестьянский» характер и призывая малороссийских литераторов, последовав примеру Гоголя, писать на русском языке, указывая на бесперспективность самостоятельного развития малороссийской литературы.

Следует отметить, что далеко не все литераторы разделяли позицию известного критика. Так, «Литературная газета», очень близкая по духу к «Отечественным запискам», в отношении к малороссийской проблематике занимала куда более благожелательную позицию. Периодически она помещала хвалебные статьи Н. А. Некрасова о трудах Квитки и Гребенки. Газета критиковала роман П. А. Кулиша «Михаил Чарнышенко», написанный по-русски, и при этом приветствовала «Ластовку». «Не следует бояться того, что «Ластовка» написана на малороссийском, - призывал обозреватель, - он так близок к русскому, что русским не нужно даже изучать его, чтобы понять».[211]

Тем не менее, украинская общественность весьма болезненно отреагировала на выступления Белинского и многих других русских журналистов против своей литературы. «Не пишите по-малороссийски! Как это смешно!» - только и читаешь в журналах», - писал в 1841 г. А. Чужбинский. В письмах к А. Краевскому Квитка-Основьяненко сообщал о возмущении студентов Харьковского университета, собиравшихся серьезно спорить с Белинским: «Здесь все взбунтовались против Вашего журнала, изменившего суждения свои насчет малороссийской литературы... Трудно уверить десятки миллионов людей, на своем языке говорящих, пишущих, читающих с наслаждением..., уверить их же, что они не имеют его. Зачем же издаются их книги? Требуют второго, третьего издания? Надобно бы противникам нашего языка последить бы на месте появление книжки на малороссийском языке... Мы просили бы рецензентов оставить нас в покое, а

[211] «Литературная газета». 1840. № 36.

заниматься разбором своих... Она (литература. – И. А.) движется и будет жить. Журналы не сотрут ее с лица земли», она «одолеет противников и гонителей».[212]

Из переписки Квитки с Максимовичем и из других источников мы узнаем о том, что в конце 1830-х гг. «Отечественные записки» собирались выпускать приложение к журналу под названием «Литературные прибавления на малороссийском языке» с Гребенкой в качестве редактора. Издатель журнала Краевский в письме к Максимовичу признавался: «Звуки поэтической Украины всегда были приятны моему сердцу, в них всегда веяло для меня что-то родное, что-то близкое к русско-идеальному».[213] Однако переговоры между Краевским и украинской стороной закончились безрезультатно. В 1839 г. Гребенка в письме Квитке сообщал о том, что «цензура о нашем предположении насчет прибавления к «Отечественным Запискам» не говорит ни то, ни другое. Все как будто чего-то боятся!». «Бог с ними!» - пишет далее Гребенка и делится своими намерениями выйти на самостоятельный путь, издав сборник произведений на малороссийском языке.[214]

Таким образом, изначальная симпатия к малороссийской литературе многих российских любителей всего малороссийского имела литературно-эстетический либо исторический характер. Малороссия рассматривалась как необходимое дополнение Великороссии.[215] Но как только стало ясно, что малороссийская литература совсем не собирается быть «дополнением» российской литературы и культуры, а, напротив, стремится пойти по отдельному, независимому пути развития, отношение полярным образом менялось.

---

[212] Голубенко П. Україна і Россія у світлі культурних взаемин. С. 334.
[213] Цит. по: Филлипович «Забуті рецензіі сорокових років на Шевченкові твориі». Україна, 1930. № 3-4. С. 76-77.
[214] Там же. С. 26.
[215] См.: Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии российской империи// Россия - Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125-144.

В конечном итоге и реакционеры, и либералы в большинстве своем обнаруживали единодушие в отрицании украинской литературы.[216]

2.3 Проблемы изучения в России этнокультурного пространства украинских земель

В начале XIX в. в России возникает ряд научных учреждений, нацеленных на издание исторических источников. В первой четверти XIX в. собирание и изучение исторических источников как самостоятельное направление научной деятельности связано с работой Комиссии печатания государственных грамот и договоров, созданной в 1811 г., известной как Румянцевский кружок. Видный государственный деятель, большой знаток и любитель «древностей» Н. П. Румянцев сумел объединить вокруг себя плеяду ученых, преимущественно историков. Главное, что отличало их деятельность, заключалось в новаторском подходе к выявлению и исследованию исторических источников. Преемницей Румянцевского кружка в 30-х гг. XIX в. стала Петербургская Археографическая комиссия.[217]

Первым крупным научным историческим обществом в России явилось Общество истории и древностей российских (ОИДР), учрежденное в 1804 г. при Московском университете с целью издания русских летописей.[218] Действительными членами ОИДР в первой половине XIX в. были многие известные ученые и профессора высших учебных заведений того времени, академики, сотрудники крупнейших архивов и библиотек Российской империи. В их числе – Н. Н. и Д. Н. Бантыш-Каменские, О. М. Бодянский, П. П. Гулак-Артемовский, Н. В. Закревский, А. П. Зернин, К. Ф. Калайдович, Н. М. Карамзин, М. А. Максимович, А. Ф. Малиновский, М. П. Погодин и др.

[216] George S. N. Luckyj. Between Gogols and Sevcenko. Polarity in the literary Ukraine: 1798 - 1847. Munchen., Wilheem Fink Verlad., 1971. P.75.
[217] Тодийчук О. В. Украина XVI – XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. Киев. 1989. С. 7.
[218] Попов Н. История Императорского Московского Общества истории и древностей российских. Ч. 1., М., 1884. С. 4.

На заседаниях Общества в первой половине XIX в. преимущественное внимание уделялось вопросам археологии, летописания, нумизматики, сфрагистики, хронологии, а также источниковедения. Деятели ОИДР проявляли интерес к истории славянских народов.[219]

В первой половине XIX в. Общество выпускало ряд периодических изданий. В «Трудах и записках ОИДР» (название этого органа неоднократно менялось)[220] печатались доклады, сообщения и исследования членов Общества, а также протоколы его заседаний. В «Русских достопамятностях» и «Русском историческом сборнике» публиковались, главным образом, исторические источники древнего периода. В этих изданиях находим материалы и по украинской тематике.

Издательская деятельность Общества сделалась более масштабной и содержательной с середины 40-х гг. XIX в., когда его секретарем и одновременно редактором нового органа - «Чтений ОИДР» - стал О. М. Бодянский, известный ученый-славист, историк, филолог и археограф. По мнению В. В. Ишутина, деятельность Общества в 1845-1848 гг. можно смело назвать «периодом Бодянского», поскольку именно ему принадлежала ведущая роль в ОИДР, а славянская тема в эти годы достигла своего расцвета.[221] В это время в «Чтениях» печаталось особенно много разнообразных материалов по истории Украины.

Вопросы истории Украины начинают занимать видное место в тематике докладов и сообщений, обсуждавшихся в заседаниях Общества.

Тематика исследовательских работ членов ОИДР в этой области отличалась разнообразием и широким хронологическим диапазоном.

---

[219] Тодийчук О. В. Вклад Московского Общества истории и древностей российских в изучение истории Украины. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев. 1986. С. 11.

[220] См.: Забелин И. Е. Список и указатель трудов, исследований и материалов, напечатанных в повременных изданиях Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете за 1815-1888 гг. М., 1889.

[221] Ишутин В. В. Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. (1804 - 1848 гг.) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 107.

Общество внесло существенный вклад в разработку таких малоисследованных тогда проблем, как история украинских земель в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, происхождение и роль украинского казачества, освободительная война 1648-1654 гг. и воссоединение Украины с Россией, история просвещения, книгопечатания и науки на Украине в XVI – XVIII вв. и др.[222]

Со второй половины XIV в. большая часть украинских и белорусских земель находилась под властью Великого княжества Литовского и Королевства Польского. С 1569 г. почти все украинские земли вошли в состав Речи Посполитой. Эти события нашли отражение в письменных источниках.

Обществом было опубликовано довольно много источников по истории Украины XVI – первой половины XVII в. В их числе: «Краткая Киевская летопись» - важнейший памятник украинской историографии, опубликованный в 1836 г.,[223] «Львовская русская летопись (1498-1649 гг.)», опубликованная в 1839 г.[224] В январе 1847 г. в ОИДР от И. И. Срезневского поступила рукопись, озаглавленная «Повесть о том, что случилось на Украине с тоя поры, как она Литвою завладена».[225] В 1848 г. это произведение увидело свет на страницах «Чтений».[226] «Повесть» состоит из двух частей, которые, в свою очередь, делятся на небольшие сказания. В первой части кратко говорится о важнейших, по мнению неизвестного автора, событиях в истории Украины с момента вхождения ее земель в Великое княжество Литовское и до крестьянско-казацких восстаний 30-х годов XVII в. Особое внимание уделялось вопросам возникновения казачества и распространения унии. Вторая часть «Повести» посвящена освободительной войне 1648-1654 гг. и последующим событиям. Много

[222] См.: Тодийчук О. В. Украина XVI – XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. Киев. 1989. С. 26.
[223] Там же.
[224] Русский исторический сборник. СПб., 1839. Т. 3. К. 3.
[225] ЧОИДР. Г. II. 1847. Кн. 7.
[226] ЧОИДР. Г. III. 1848. Кн. 5. С. 1-16.

места отведено русско-украинским связям, переговорам Богдана Хмельницкого с правительством России, значению этих переговоров. В частности, автор весьма высоко оценивал акт воссоединения Украины с Россией.

Начало систематической публикации источников по истории освободительной войны 1648-1654 гг. было положено Обществом истории и древностей российских в конце 40-х гг. XIX в., накануне ее 200-летнего юбилея.

Как известно, события 1648-1654 гг. и их последствия отражены в украинских летописях XVII – XVIII вв. Самой ранней из них является «Летопись Самовидца», впервые опубликованная ОИДР в 1846 г.[227] «Летопись Самовидца» - один из наиболее достоверных источников XVII в. Она составлена современником освободительной войны, свидетелем и участником многих описываемых событий.[228] Памятник содержит ценные факты по истории украинского, русского, белорусского, польского и других народов во второй половине XVII в.

Подготовкой летописи к печати занимался Бодянский. Он снабдил издание примечаниями, именными и географическими указателями. Публикации предшествовали два предисловия – П. А. Кулиша (именно он заглавие ранее безымянному памятнику) и Бодянского.[229] Публикация «Летописи Самовидца» оказала большое влияние на развитие историографии и литературы. Высоко оценивал летопись Т. Г. Шевченко, в той или иной связи о ней писали М. А. Максимович, Н. И. Костомаров и др.[230]

В том же 1846 г. была издана «Краткая история о бунтах Хмельницкого и войне с татарами, шведами и уграми, в царствование Владислава и

[227] ЧОИДР. Г. II. 1846. Кн. 1; Кн. 2.
[228] Тодийчук О. В. Украина XVI – XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. С. 67.
[229] ЧОИДР. Г. II. 1846. Кн. 1. С. 1-9.
[230] Тодийчук О. В. Украина XVI – XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. С. 68.

Казимира, в продолжение двенадцати лет, начиная с 1647 г.».[231] Анонимный автор «Краткой истории», несомненно, принадлежал к числу состоятельных лиц и был представителем враждебного повстанцам лагеря.[232] Ценность «Краткой истории» как источника для изучения освободительной войны состояла в том, что в ней освещался ход боевых действий, дипломатическая деятельность Б. Хмельницкого, приводились сведения о его соратниках.

В 1847 г. Обществом были опубликованы две грамоты царя Алексея Михайловича «о малороссийских казаках к воеводам».[233] Оба источника датированы 17 июля 1651 г., то есть написаны вскоре после поражения крестьянско-казацкого войска под Берестечком. Предвидя возможность перехода украинцев («черкассов») с семьями в границы Российской державы (как это случалось и ранее), царь давал указание воеводам позаботиться о расселении беженцев и их безопасности.

Подготовленная И. Е. Забеленным подборка документов «Малороссийская переписка, хранящаяся в архиве Московской оружейной палаты»[234] , охватывает 1653-1658 гг. Наиболее важные из них – письма к патриарху Никону, переводы грамот турецкого султана и крымского хана Б. Хмельницкому и др.

Таким образом, во второй половине 40-х гг. XIX в. в «Чтениях» Общества истории и древностей российских увидели свет некоторые ценные источники по истории освободительной войны 1648-1654 гг. Следует отметить настойчивость и деятельное участие членов Общества, в первую очередь его секретаря О. М. Бодянского, в выявлении и подготовке к изданию документов, существенно обогативших источниковую базу исторической науки.

---

[231] ЧОИДР. Г. II. 1846. Кн. 4.
[232] Тодийчук О. В. Украина XVI – XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. С. 68.
[233] ЧОИДР. Г. II. 1847. Кн. 7.
[234] ЧОИДР. Г. III. 1848. Кн. 8.

В 1848 г. в «Чтениях» появилась публикация, озаглавленная «Акты, поясняющие историю Малороссии и открытые Н. А. Маркевичем».[235] Украинский историк Н. А. Маркевич, незадолго перед тем издавший свой пятитомный труд «История Малороссии»[236], прислал в Общество несколько документов «из фамильных архивов», которые, как отмечал исследователь, исправляют неточности, допущенные им в «Истории Малороссии».

Среди источников, публикуемых ОИДР, были также материалы, освещающие историю Украины в XVIII в. В конце 1840-х гг. в «Чтениях» и «Временнике» были изданы письма Петра I, Екатерины I и высших сановников к украинским гетманам (конец XVII - начало XVIII в.).[237]

Деятельность Бодянского на посту секретаря ОИДР в 1845-1848 гг. способствовала началу активного изучения истории Украины русской исторической наукой.

Однако первый этап секретарства Бодянского закончился довольно быстро и печально: в конце 1848 г. ему было предписано оставить должность секретаря ОИДР и профессуру в университете и отправиться в Казань на место В. И. Григоровича, который должен был заменить Бодянского в Московском университете.[238] Председатель Общества граф С. Г. Строганов также покинул свой пост, а ОИДР прекратило свою издательскую работу. Поводом к подобным мерам послужило, как известно, появление на страницах «Чтений» записок английского посла в России Дж. Флетчера «О Московском государстве XVI в.», в которых негативно освещались некоторые стороны жизни русского общества того времени.[239]

Современными исследователями события 1848 г. оцениваются по-разному. Так, Л. Н. Алексашкина придает им большое политическое значение, полагая, что меры в отношении ОИДР «стали одним из звеньев

[235] ЧОИДР. Г. IV. 1848. Кн. 1.
[236] Маркевич Н. История Малороссии в 5 т. М., 1842-1843.
[237] Забелин И. Е. Указ. соч. С. 49.
[238] Ишутин В. В. Указ. соч. С. 111.
[239] Там же. С. 112.

правительственной политики, направленной против общественных и научных объединений. Смещение неугомонного секретаря было попыткой свернуть деятельность Общества истории и древностей российских, и надо признать, что попытка удалась».[240] В. В. Ишутин считает, что события 1848 г. носили скорее личный, чем общественный характер, заключающийся в первую очередь в конфликте министра народного просвещения С. С. Уварова и попечителя Московского университета и председателя ОИДР графа С. Г. Строганова. Причиной конфликта послужила негативная реакция Строганова на проект устава университетов, разосланного министром народного просвещения. В письме к императору Николаю I Строганов обстоятельно изложил свои возражения на проект Устава, и ему не дали хода. Таким образом, «флетчеровским делом» министр возвратил «графский должок», и Бодянский лишь стал жертвой распри сановников.[241]

Безусловно, приведенные суждения в какой-то степени верны, однако попытаемся выдвинуть еще одну гипотезу. Для этого придется вновь обратиться к издательской деятельности ОИДР.

Среди произведений по истории Украины, которые издал О. М. Бодянский, став секретарем ОИДР и редактором «Чтений», была «История Русов или Малой России» - памятник украинской историографии конца XVIII – начала XIX в., изданная в «Чтениях» в 1846 г. В 20-40-х гг. XIX в. рукописные списки этого произведения пользовались большой популярностью.[242] «История Русов» - целостное изложение истории Украины с древнейших времен до 1769 г. В подзаголовке публикации ОИДР она именовалась: «Сочиненим Георгия Конисского, архиепископа Белорусского».[243] Однако позже было доказано, что мнение издателя,

[240] Алексашкина Л. Н. О. М. Бодянский. Из истории славяноведения в России // Проблемы всеобщей истории. М., 1973. С. 206-207.
[241] Ишутин В. В. Указ. соч. С. 112.
[242] См.: Мишанич Я. «Історія русів»: історіографія, проблематика, поэтика. Київ 1999.
[243] ЧОИДР Г. 1. 1846. Кн. 1. С. 1.

которое разделяли многие ученые первой половины XIX в., ошибочно. Имя автора «Истории Русов» до сих пор остается неизвестным.[244]

Благодаря своим художественным достоинствам, разносторонности и остроте поставленных вопросов это произведение неизменно пробуждало у читателей интерес к истории Украины. Выход в свет «Истории Русов» вызвал длительную полемику среди историков относительно трактовки и подлинности содержащихся в ней фактов и характеристик, что, в свою очередь, послужило толчком к научной разработке ряда проблем истории Украины и дальнейшей публикации источников.[245]

С другой стороны, издание столь яркого труда, в котором достаточно четко обосновывалось не только богатое историческое наследие украинского народа, но и его особый, самостоятельный путь развития, не могло не остаться незамеченным российскими властями.

В этой связи следует еще раз обратиться к следствиею по делу Кирилло-Мефодиевского общества и формированию так называемого «украинского вопроса». В событиях 1848 г. в Обществе истории и древностей российских публикация «Истории Русов» сыграла не последнюю роль. В «Истории Русов» фактически впервые в жанре историко-публицистических произведений автором широко использовались такие понятия, как «революция» (для характеристики событий освободительной борьбы XVII в.), «нация», «национальные выгоды и интересы», «патриот», «антипатриот» и т. д.[246] Подобная лексика для российских властей была совершенно неприемлемой. В заключении III Отделения о распространении славянофильства и связи с ним национального движения на Украине упоминалось о деятельности профессоров Бодянского, Шевырева, Погодина и др, которые, хоть и «не питают вредных замыслов и трудятся для пользы науки, но некоторые из них извлекают из старины все, что ни есть в ней без

[244] Тодийчук О. В. Указ. соч. С. 90.
[245] Там же. С. 91.
[246] Смолій В. А., Степанков В. С. Українська державна ідея XVII-XVIII ст.: проблеми формування, еволюції, реализації. Київ 1997. С. 313.

всякой предусмотрительности, не догадываясь, что многие сведения старины применяются неблагонамеренными людьми к своим злоумышленным целям. В изданиях своих они помещают выписки и мысли о прежней самостоятельности или вольнице подвластных ныне России племен славянских, а злоумышленные люди основывают на этом свои теории и даже тайные общества, домагаясь восстановить прежнюю вольницу не только в тех племенах, но даже в целой империи». Всем занимающимся славянством, древностями и «народностью», а также профессорам, учителям и цензорам предписывалось в книгах и на лекциях «непременно избегать тех напоминаний на счет Малороссии, Польши и других подвластных России земель, кои могут быть применяемы в смысле, опасном для целости и спокойствия империи, и чтобы, напротив того, сколь возможно старались все выводы науки и истории наклонять к верному подданству этих племен России».[247]

Можно сделать вывод о том, что подобные предписания имели прямое отношение к изданию таких источников, как «История Русов», которую не случайно в 1850-х годах собирались официально запретить.[248]

В связи с событиями 1848 г. в ОИДР и отставкой Бодянского следует упомянуть о деятельности Н. А. Кашинцова (1799-1870). Стихотворец-дилетант Кашинцов происходил из старинного дворянского рода. Рано начав службу, в 1832 г. он, по протекции Л. В. Дубельта, которому приходился родственником, был причислен к III Отделению; и в том же году произведен в камер-юнкеры. Кашинцов состоял в штате для наблюдения за выходящими в Москве периодическими изданиями; с 1841 г. – чиновник особых поручений. В пространных донесениях, источниками которых нередко становились городские слухи, наушничество, изредка документы. Кашинцов старался изобличить неблагонадежность целого ряда литераторов и ученых

[247] Кирилло-Мефодіівське Товариство. Т. 3. Київ, 1990. С. 293.
[248] Мишанич Я. Указ. соч. С. 16.

1830-40-х гг. М. П. Погодина, Н. И. Надеждина, И. И. Давыдова, С. П. Шевырева, Н. Ф. Павлова, Н. А. Некрасова, О. М. Бодянского и др.[249]

В 1832 г. III Отделение полагало, что именно с деятельностью его агента связано «прекращение неуместных статей» в «Московском телеграфе» и «Телескопе». Осенью-зимой 1836 г., в связи с публикацией «Философического письма» П. Я. Чаадаева в «Телескопе», Кашинцов составил целый ряд донесений, где излагал свои и чужие подозрения о причастности к этому московских литераторов к этой истории.[250]

Вместе с тем, Кашинцов поддерживал знакомство со многими московскими литераторами и преподавателями Московского университета, в частности, с братьями Н. А. и К. А. Полевыми, относившимися к нему благодушно-иронически. В 1850 г. по болезни вышел в отставку.

Для нашего исследования фигура Кашинцова интересна прежде всего тем, что в своих донесениях в III Отделение он весьма пристальное внимание уделял деятельности ОИДР и самому Бодянскому в связи с украинской проблематикой. Так, в донесении Дубельту от 4 июня 1847 г. о Бодянском Кашинцов, рассматривая издание в «Чтениях» «Истории о донских казаках» Ригельмана, выражал сомнение: «Следует ли эти статьи, в архиве хранящиеся, печатать для всех? Особенно о казаках и Малороссии? Многие здесь касательно этих статей говорят, что лучше бы их не оглашать, ибо общество называется: «Истории и древностей российских», а не малороссийских»[251]. Бодянского Кашинцов характеризовал как «ревностного славянофила». В следующем донесении от 21 июня 1847 г. Кашинцов, в связи с публикацией в «Чтениях» книги Г. Д. Зубрицкого «Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси» высказывал мнение о необходимости принятии цензурных мер в отношении изданий ученых обществ[252]. Несмотря на это, деятели III Отделения

[249] Русские писатели 1800 -1917. Библиографический словарь. Т. 2. М., 1992 С. 520.
[250] Там же.
[251] Кирилло-Мефодіівське Товариство. Т. 3. С. 303 - 304.
[252] Там же. С. 320.

некоторое время придерживались мнения, что «Бодянский мыслит в духе нашего правительства».[253]

На основании приведенных выше фактов можно сделать вывод, что III Отделение внимательно следило за деятельностью научных обществ, особенно в отношении издания материалов, касающихся украинской тематики. Тот факт, что «История Русов» свободно появилась в печати, говорит лишь о том, что политика высших властей империи в украинском вопросе еще только формировалась. Раскрытие в 1847 г. в Киеве Кирилло-Мефодиевского общества значительно ускорило этот процесс, открыв период реакции, продолжавшийся до середины 1850-х гг. Безусловно, издание столь важного для развития украинской истории и национального самосознания труда, как «История Русов» не могло не остаться незамеченным. И весьма возможно, что события 1848 г. в ОИДР в немалой степени связаны с публикацией этого произведения.

В заключение следует отметить, что деятельность Московского Общества истории и древностей российских на протяжении всего XIX – начала XX в. оказывала влияние на развитие исторической науки не только в России, но и на Украине. В первой половине XIX в. преобладали личные контакты живших и работавших на Украине историков с деятелями ОИДР, осуществлявшиеся, главным образом, путем переписки. По мере возникновения на Украине с конца 30-х гг. XIX в. по примеру ОИДР исторических обществ, археографических комиссий и других научных организаций Общество устанавливало с ними связи.[254]

Велика заслуга Общества в издании важнейших источников по истории Украины. Не случайно В. О. Ключевский в 1904 г. в своей неопубликованной статье по случаю столетнего юбилея ОИДР отметил большую роль Общества в «изучении истории славянской и малорусской».[255] Публикация Обществом источников по истории Украины сделала их

[253] Там же. С. 321.
[254] Тодийчук О. В. Вклад Московского Общества истории и древностей российских… С. 9.
[255] Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 194-195.

доступными широкому кругу русских и украинских ученых. Это облегчало их источниковедческое изучение и способствовало более глубокой и всесторонней разработке многих вопросов истории украинского народа.

ГЛАВА III. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПУБЛИЦИСТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

3.1 Культурные особенности национального характера

Если для эпохи Просвещения и классицизма были характерны определенные подходы к изображению человека, подходы, в которых национальная тема практически отсутствовала, то в период романтизма на первый план выходят «идеи народности». Анализ источников позволяет выделить ряд главных вопросов, определенно интересовавших авторов второй четверти XIX в. Это, во-первых, национальный характер народа, во-вторых, - его язык и, в-третьих - литература. Именно на основании таких базовых этнических начал, как национальный характер и язык, до сих пор обычно делаются выводы о наличии особого этноса. При этом национальный характер - понятие весьма сложное, по сей день являющееся в науке предметом споров, в период романтизма лишь начинало разрабатываться учеными.

В 1799 г. Украину посетил литератор и журналист В. В. Измайлов, составивший впоследствии из своих путевых заметок книгу «Путешествие в полуденную Россию». «Малороссияне, - писал он, - сохранили еще остатки своего древнего характера. Они любят отечество и его славу...». В отношении простого народа отмечалось, что малороссияне предпочитают скотоводство земледелию, «искусство которого еще находится в колыбели». Обращалось внимание на согласие и порядок в семейной жизни. Сын XVIII столетия, Измайлов называл местных крестьян «самыми просвещенными поселянами» за их любовь к природе: «Кажется, что сам вкус малороссийского народа есть любовь к изящному, и что сей вкус образовался по натуре, которая так великолепна перед их глазами». Наблюдения путешественника

заканчивались заключением: «малороссийский народ достоин любопытства и, может быть, славы».[256]

Описание Измайловым киевского дворянства проникнуто превосходством столичного жителя над провинциалом: «Киевляне имеют вообще характер народов недавно вышедших из младенчества гражданских учреждений; лучи европейского просвещения светят к ним из отдаленности». Подобно многим исследователям малороссийских реалий, Измайлов отмечал некую культурную отсталость киевлян, их косность и отсутствие любознательности: «Никто не составляет себе собственных понятий; никто не определяет мнений по своему рассудку, но по рассудку других, никто не делает усилий, чтобы вознестись выше обыкновенного...». Киевские жители еще только «прикасаются к развитию всех нравственных способностей». Однако, находясь в составе Российской империи, в которой, «по необходимому течению вещей, народы и нравы сближаются, киевские жители заимствуют новые обычаи и мнения». Пройдет совсем немного времени, и «они потеряют все, что показывает в них юность рода человеческого; приобретут некоторые блестящие качества, которые приносят с собой более славы».[257] Это утверждение достаточно точно очерчивает перспективы вхождения украинских элит в высшее российское сословие.

Побывавший в 1820 г. в Волынской и Подольской губерниях ученый, редактор журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковский в своих воспоминаниях обращает особое внимание на такую черту характера местных жителей, как отсталость и невежество. «Важные события последних тридцати лет, - писал он, - великие перемены в делах политических и с ними вместе приметно возвысившееся просвещение, говоря вообще, имело влияние на образ мыслей, на склонности и обычаи соотечественников наших. Но выгоды ума, оттуда проистекшие, не везде одинаково распространились». Автор отмечает повсеместную нелюбовь малороссов к наукам и чтению,

[256] Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию в 1799 г. М., 1805. С. 3-8.
[257] Там же. С. 93-102.

приводя в пример, что в этих местах, в нескольких даже губерниях не было прежде и нет поныне ни одного книгопродавца. Говоря о малороссийском дворянстве, Сенковский, подобно Измайлову, указывает на то, что владельцы имений ничего не знают об окружающем их мире, не читают книг, редкий из них выписывает газету. Впрочем, причину столь малой образованности на Волыни и в Подолии Сенковский видит в недостаточном количестве училищ. По его мнению, мещане или зажиточные крестьяне охотно отдали бы своих детей учиться, но они не в состоянии посылать их миль за двадцать- тридцать от своего дома, а зачастую сведения о существовании каких-либо учебных заведений до них просто не доходят.[258]

В 1816 г. в Харькове была издана книга студента харьковского университета, а сорок лет спустя - товарища министра внутренних дел, А. И. Левшина «Письма из Малороссии». Приступая к описанию малороссиян, Левшин подчеркивает, что все его наблюдения относятся к простому сословию, т. к. именно оно способно дать наиболее полное представление обо всем этносе. Свой очерк автор начинает с констатации, что «русские и малороссияне происходят от общих предков; как в тех, так и в других течет кровь древних славян, но нравы их несходны, обыкновения отличны, законы неодинаковы». Среди основных черт национального характера малороссиян Левшин выделяет, с одной стороны, любовь к отчизне, честность, мужественность, презрение к воровству, веселый нрав и склонность к забавам. С другой стороны, он отмечает в них скрытность, гордыню, злопамятность и лукавство. Причины этих «пороков» автором видятся в недостатке «ласковости и обходительности». Левшин указывает еще и на такую черту малороссийского менталитета, как ненависть, питаемую малороссиянами к великороссам. Это чувство они внушают даже детям, пугая их «москалями»: «при сем имени, устрашенное дитя перестает кричать».

[258] «Вестник Европы». 1820. Т. 109. № 1.

Малороссию Левшин называет «прекрасной, но мало обработанной страной», связывая последнее с еще одной чертой малороссийского характера - отсутствием «нужнейшей к благосостоянию человека добродетели» - трудолюбия. «Бедность малороссийского народа на каждом шагу ощутительна; особенно для того, кто видит, что она происходит от беспечности», - отмечает он.[259]

Об особенностях малороссийского национального характера рассуждал также издатель журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньин в своем «Живописном путешествии по России», осуществленном в 1830 г. Он пишет о том, что своими наружными качествами - лицом, стройностью стана, ленью и беззаботностью, малороссияне более сходны с обитателями Азии, «но не имеют тех буйных, неукротимых страстей, свойственных поклонникам исламизма». В характере малороссиян автор отмечает также «флегматическую беспечность», горячую любовь к родине, смелый европейский ум и чувства пламенные, «одетые первоначальной простотой».[260]

Прежде чем продолжить наши рассуждения, представляется необходимым несколько подробнее остановиться на самом концепте «национальный характер». Как представляется, его понимание современниками и в XIX веке не является идентичным, что требует некоторых пояснений. Как совершенно верно пишет Л.П. Репина, «сегодня в междисциплинарном пространстве гуманитарного знания концепты «национальный характер», «национальный дух» или «национальное чувство» рассматриваются как социокультурные конструкты, имеющие вполне определенные пространственно-временные координаты и политико-идеологические импликации (включая актуальный в современном мире этнонационализм)».[261]

[259] Левшин А. И. Письма из Малороссии. Харьков. 1816. С. 58-73.
[260] «Отечественные записки». 1830. № 2. С. 31-35.
[261] Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 10.

Таким образом, если в XIX в. под национальным характером понималась некоторая совокупность характерных для того или иного народа черт, то сегодня речь идет скорее, о сложном социокультурном конструкте, имеющим глубинные причинно-следственные связи. Как поясняет в связи с этим А.Ф. Телякаева, «на формирование национального характера влияют многие факторы, к числу которых относится культура, различные политические реалии, характер элиты, климатические условия, рельеф местности, флора и фауна, религия».[262]

Формирование культуры и самосознания малороссов происходило в обстановке борьбы между польским и русским влияниями. При этом, по мнению многих исследователей, в русской культуре эпохи романтизма украинская тема занимает меньшее место, чем в польской. Польское украинофильство выступало как любовь к краю, бывшему когда-то частью Речи Посполитой. Украинская специфика трактовалась либо просто как региональная, либо как этническая, не исключающая, однако, Украину из польского мира. Во многом подобный интерес к украинской тематике соответствовал российской схеме, но польские мотивы усиливались тоской по потерянным территориям. Украинская, а точнее, казацкая специфика входит в моду у многих польских магнатов Правобережья Днепра. Именно в польском украинофильстве уже в 30-е гг. XIX в. начинают отчетливо звучать политические мотивы, что было связано с поиском потенциальных союзников в борьбе с Российской империей после поражения восстания 1830-31 гг.[263]

Стремление усилить влияние русской культуры на украинский народ нередко приводило к отрицанию какой-либо малороссийской самобытности. Примером этого могут служить мемуары известного историка и общественного деятеля И. Е. Кулжинского «Воспоминания о Волыни»,

[262] Телякаева А.Ф. Национальный характер как фактор формирования политической культуры // Вестник ОГУ 2012. №7 (143). С.172.

[263] См.: Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). Спб., 2000. С. 53-54., а также Лисяк-Рудницкий І. Історични есе. Т. 1. Київ, 1994. С. 276.; Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. Спб. 1891. С. 262-272.

написанные в 1832 г. и примечательные тем, что автор ни разу не упомянул об особом малороссийском языке или национальном характере. Крестьянское население Волыни автор называет русским народом, который, «несмотря на носимое им тяжелое иго - крепостного подданства польской шляхте и арендаторства жидам, - не изменил ни своему славяно-русскому языку, ни своей православно-русской вере, - не ополячился, не олатинился и не ожидичился». Рассуждая о полонизации населения юго-западных областей, Кулжинский отмечал, что сложнее всего полонизаторам пришлось с простонародьем, в котором даже церковная уния не истребила памяти о русском его происхождении: «волынский крестьянин всегда называл себя «руським»».[264]

Вопрос польского влияния на малороссиян был затронут также писателем П. А. Габбе, который в своих путевых записках (1827 г.) даже определяет пространственное распространение русской и польской культур: «За пять верст не доезжая Василькова, находится корчма, называемая Карантинною; там со времен присоединения Киева к России до второго раздела Польши находилась граница между Россией и Польшей, граница более ста лет существовавшая. Вот почему небольшой клочок правого берега Днепра, между реками Стугной и Ирпенью заключающийся, носит на себе отпечаток русских обычаев, в то время как остальная часть Украины сохраняет польские нравы».[265]

Как и в случае с путешественниками, рассуждения российских литераторов и критиков о малороссийской литературе и языке часто сопровождались попытками определить украинский национальный характер. Почти во всех публикациях, посвященных малороссийской проблематике, отличительной чертой малороссов считается их «оригинальный быт» и «живой, непритворный юмор». Так, в «Северной пчеле» про «Малороссийские приказки» Е. П. Гребенки сказано, что «они дышат

[264] «Вестник Западной Европы» 1865. Т. 1. № 1. С. 3-6.
[265] «Московский телеграф». 1827. № 4. С.17.

воздухом Малороссии и носят отпечаток ее характера простодушного и насмешливого»[266]. Тем не менее, единого взгляда на проблему не существовало, и малороссийский национальный характер вызывал бурные дискуссии на страницах периодических изданий. В той же «Северной пчеле» в отзыве на вольный малороссийский перевод выполненный Гребенкой поэмы А.С. Пушкина «Полтава» неизвестный автор выступил против однобокого восприятия особенностей малороссийского языка и национального характера: «На малороссийском языке, как и на всяком другом, можно писать в таком тоне, какого требует предмет, и забавная, комическая сторона не есть еще отличительная черта национального языка и характера!». Переводчика упрекали в чрезмерном увлечении «шуточным и смешным»[267]. Эта мысль была продолжена в обозрении второй книги «Малороссийских повестей, рассказанных Грицко Основяненко»: «Давно кто-то сказал, что на малороссийском языке можно писать только комическое», - свидетельствовал автор рецензии, и в этой связи упоминал «Энеиду» Котляревского как пародийное произведение «во вкусе фламандской школы». Однако далее читателю рекомендовалось прочесть историю Малороссии, вникнуть в характер ее героев, прислушаться к ее песням, чтобы убедиться в том, что: «народ с таким железным характером с такими глубокими чувствами может и не смеяться»[268]. Подобного рода рассуждения не раз появлялись на страницах русских журналов в 1830-е гг.

Некоторые исследователи даже старались проследить связь между языком народа и его национальным характером. В частности, Ю. Венелин в своей статье «О характере народных песен у славян задунайских» прямо писал: «Что язык, что наречие, то и образ мыслей, то и характер!».[269]

Большой отклик в российской прессе имели ранние произведения Гоголя на малороссийскую тему - «Вечера на хуторе близ Диканьки»,

[266] «Северная пчела» 1836. № 50.
[267] «Северная пчела». 1836. № 162.
[268] «Северная пчела». 1837. № 260.
[269] «Телескоп» 1835. Ч. 27. С. 167.

«Миргород», «Тарас Бульба». Благожелательные рецензии появлялись одна за другой в колонках как консервативных, так и радикальных обозревателей. При этом, подобные произведения, окрашенные малороссийской спецификой, нередко становились стимулом к новым дискуссиям по малороссийской тематике, в которых феномену национального характера отводилось не далеко последнее место.

В этой связи вновь обратимся к рецензии Я. Стороженко в «Сыне отечества» на повести «Вечера на хуторе близ Диканьки», вышедшие в 1832 г. В своем обозрении Стороженко, сам малоросс, вменяет Гоголю в вину плохое знание малороссийских обычаев и характера земляков своих. По мнению автора, Малороссия всегда привлекала «в юдоль житья-бытья своего» многих поэтов и прозаиков, но попытки в «описательной поэзии» и в изображении народности не вполне удавались. Стороженко берется за труд познакомить русских читателей с некоторыми особенностями малороссийского быта и национального характера. Малороссия, как и всякая страна, рассуждал он, имеет обычаи и поверья только ей принадлежащие. Характер малороссийского народа, «прежде воинственного», заслуживает самого пристального наблюдения.

Стороженко выделяет в малороссах в одно и то же время: мрачность и беззаботную веселость, доброту и упрямство, бескорыстие и неуступчивость в самой малой безделице (если дело коснется их собственности), почтительность к старшим, строгое сохранение приличий и простоту в обращении, молчаливость и словоохотливость, простосердечие и хитрость. Источники всех этих разнообразных и противоречивых свойств национального характера критик усматривает в прошлом малороссийского народа, «то защищавшего свою родину с оружием в руках, то несших тяжкое иго, налагаемое на них сильнейшими».[270] Постулируется также спокойствие и миролюбивость земляков: «Как далеки теперешние жители Малороссии от ссор, без явных побудительных причин к оным». Статья изобилует

[270] «Сын Отечества». 1832. Т. 25. С. 101-108.

этнографическими подробностями быта, обычаев и нравов малороссийской деревни.

Затрагивая проблему польского влияния, Стороженко утверждает, что польские обычаи в народе совсем исчезли. А в своих рассуждениях об уровне образованности, критик признает, что во времена гетманов образованных людей в Южном крае было гораздо больше, чем в современную ему эпоху. Причину этого Стороженко, как и многие другие исследователи, видит в том, что малороссийские «грамотеи рассеялись по всему обширному Русскому государству».[271]

Автор рецензии упрекал Гоголя, что тот «наводнил Сорочинскую ярмарку «олухами»». Многие картины из жизни простолюдинов, описанные Гоголем, по мнению Стороженко, могут ввести русского читателя в заблуждение: «Молодые парубки у нас не напиваются допьяна; они стараются казаться скромными, отдают должное почтение всякому старшему летами; вся гульба их состоит в вечерних песнях и прогулках по селу». Однако из предписания малороссийского генерал-губернатора Н. Г. Репнина полтавскому гражданскому губернатору от 17 июня 1824 г. видно, что в действительности уличные гуляния, или вечерницы, нередко имели самые печальные последствия. «Ныне, - писал Репнин, - обычай сей превратился в разврат самой величайшей степени. Ночи проходят в пьянстве, в бесчинстве всякого рода и в драках, нередко оканчивающихся смертоубийством, а многие из сельских девок сделались самыми непотребными… Сверх сего, немалая часть поселян, провождая ночи в разврате, делаются уже днем неспособными к работам, или занимаются оными весьма худо».[272] Данный пример служит хорошим наглядной иллюстрацией того, как мнения современников относительно некоторых особенностей малороссийского быта могли искажать действительность.

[271] Там же. С.290-298.
[272] Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802-1856. Київ 2001. С. 273.

В первой главе уже отмечался чрезвычайный интерес к украинской тематике в журнале «Маяк». Помимо материалов, касающихся украинского языка и литературы, «Маяк» на своих страницах также затрагивал вопросы национального характера. В 1843 г. в журнале появилась статья Н. Тихорского «Замечания о праздниках у малороссиян», в которой, помимо интересных сведений об особенностях малороссийской календарной обрядности, содержались еще и мысли автора о степени изученности малороссийского народа. «Рассматривая, что сделано у нас в изучении домашней, семейной жизни народа, невольно удивляешься скудной жатве на этой богатой и плодоносной ниве», - писал Тихорский. Причину столь скудных знаний о народах России он видит в первую очередь в проблеме огромных территорий Империи. В виду этого, критик выступал с призывом к российской общественности содействовать изучению своего Отечества, какой бы стороны это изучение не касалось. Обращаясь к Малороссии, Тихорский указывает на тот факт, что она принадлежит к числу «местностей Русской земли, отличенных многими резкими особенностями», и при этом «слишком мало еще останавливает на себе внимание ученых». По мнению автора «внутренняя жизнь Малороссии» представляет богатейший предмет для разнообразных исследований. Помимо исследований народных малороссийских песен и языка, Тихорский указывает на проблему существования национального самосознания, призывает исследователей уделять ему должное внимание: «Каждый, живя в деревне, без всякого затруднения может посвящать несколько часов для занятия изучением народной жизни… стоит только быть усердным и внимательным собирателем их; здесь не нужно глубокой учености: нужен один наблюдательный взгляд, от которого не скрывались бы самые мелкие подробности народного быта». Собранные материалы Тихорский рекомендовал помещать в «Губернские Ведомости» для «всеобщего сведенья».[273] Следует отметить, что спустя шесть лет с таким же призывом к

[273] «Маяк». 1843. Т. 11. С. 1-3.

российской общественности выступит уже Императорское Географическое Общество.

Новый этап в развитии многих российских периодических изданий наступает в 1850-е гг. Значительно сокращаются разделы, посвященные литературным обозрениям, сменяются многие журналисты. Информация о выходе в свет новых художественных произведений встречается в журналах крайне редко. В литературных разделах помещаются обзоры литературы научно-популярной, технической, духовной и др. Во многом это было связано с так называемой эпохой последнего «мрачного семилетия» царствования Николая I. С другой стороны, с конца 40-х гг. в российской периодике начинают прослеживаться новые тенденции в отношении к малороссийской тематике.

Рассмотрим некоторые из них на материале «Северной пчелы». В конце 40-х гг. в газете появляется гораздо больше публикаций самого Ф. В. Булгарина, который вел сразу несколько рубрик - раздел «Журнальная всякая всячина», а также «Заметки, выписки и корреспонденция Ф. Б.». Это позволяло ему вести разговор с читателем на различные темы.

Одной из тем, которую затрагивал Булгарин в своих рубриках, была малороссийская проблематика. В 1852 г. в своем цикле «Ливонские письма» Булгарин писал: «Россия только одна, плотная и неразделенная, как отдельная на небе планета, и разделение ее на Великую Россию, на Малую Россию, на Белую Россию и Черную Россию - это разделение историческое. Коренные жители Малой России (или Малороссии), Украины, Белой России (Белоруссии) точно такие же русские, как жители Московской, Владимирской, Калужской, Рязанской и прочих великороссийских губерний». Тем не менее Булгарин называл несколько отличительных черт малороссийского национального характера. Одна из них - трудолюбие, говоря о котором, автор выражает несогласие со сложившемся мнением об украинской лени: «правда, сами малороссияне говорят о своей лени; но это только малороссийский юмор, которым они прикрываются. Малороссиянин

вам скажет: мы люди простые, ленивые, а между тем он весьма далек от простоты и трудолюбив».[274] По мнению Булгарина, малороссийская лень и простота это не более чем маска: «малороссияне вовсе не ленивы, но беспечны». Однако, сравнивая их с великороссами, он отмечал, что малороссы не столь ловки, быстры и расторопны. «В службе, - продолжал Булгарин,- я никогда не слышал жалоб на малороссийскую лень, а, напротив, слышал шутки, делающие им честь, что они тянут тяжесть, как волы. В земледельческих работах малороссиянин не спешит, потому что торопливость вообще не в его характере, но во всякой работе, умственной и физической, которая приносит несомненные выгоды, малороссиянин неутомим, тянет потихоньку, но дотягивает до конца, пока не довершит начатого». Булгарин также выступал против распространенного представления о малороссийском упрямстве, утверждая, что малороссияне не упрямы, но постоянны, и никогда не оставляют начатого дела. В 1856 г. вновь появляется достаточно большой булгаринский очерк о Малороссии, в котором автор еще раз сравнивает малороссов с великороссами с точки зрения национального характера: «Вообще, на поприще науки, литературной и государственной службы малороссияне отличаются познаниями, прилежанием и усердием, и, сказать по правде, хотя и великороссияне обладают проницательным умом и необыкновенною ловкостью, однако только одни малороссы исключительно обладают прилежанием, неутомимостью и тем качеством ума, которое англичане называют юмором». Под малороссийским юмором Булгарин понимал шутки и насмешки, «которыми малороссияне умеют вести все свои сношения и беседы, и всегда с серьезным видом; выдумывают сами на себя презабавные анекдоты, и великие мастера вообще смешить, ...они только прикидываются простаками».[275]

[274] «Северная пчела» 1852. № 104.
[275] «Северная пчела» 1856. № 14.

Во второй половине XIX в. Булгарин неоднократно подчеркивал весьма высокий уровень просвещения в Малороссии (в которой он недолгое время пробыл сам)[276], Помимо прилежания и способностей малороссиян к наукам (особенно медицине)[277], Булгарин обращал внимание также на их заслуги перед Отечеством в деле образования: «При введении европейского просвещения в России императором Петром Великим малороссияне способствовали ему гораздо более, нежели немцы, потому что великий преобразователь России нашел в Малороссии и ученых пастырей (Стефана Яворского и Феофана Прокоповича), и множество способных людей для образования русского народа, учителей, приказных и даже ученых, которые обучались в Киеве или в польских школах и скоро сроднились с великороссийским наречием».[278] Немцы же «не могли исполнить предначертаний Петра Великого, потому что им надлежало бы употребить всю жизнь на одно изучение русского языка».[279]

Из последней цитаты видно, что языковой фактор в характеристике этноса был очень существенен для Булгарина. Основным различием между восточнославянскими народами, по его мнению, является «особенное наречие, у которого корень один и тот же».[280] Под термином «наречие» Булгарин понимал не язык, а «различие главного языка у племен, составляющих *один* народ»[281]. Логично будет предположить, что в данном случае автор имеет в виду три ветви восточных славян (великорусов, малороссов и белорусов), слово «один» специально выделено курсивом. В своих заметках Булгарин стремился показать, что после объединения восточных славян в составе Российской империи они слились «душой с единоверною Великой Россией»[282], от которой были отторгнуты длительное

[276] Там же
[277] Там же
[278] «Северная пчела»1856 № 14.
[279] Там же
[280] «Северная пчела»1856. № 14.
[281] «Северная пчела» 1852. № 221.
[282] «Северная пчела» 1856. № 14.

время. Кроме того, он доказывает, что даже нахождение в составе Польши не способствовало «нравственному слиянию» малороссов с поляками, потому что православие и язык удерживали в пределах русской народности: «Душой и сердцем малороссияне были всегда русскими и всегда сочувствовали со своими одноверными единоплеменниками»[283].

Продолжая тему языка, Булгарин указывает, что на наречиях различных народов создается местная литература, песни, сказки, даже старинные хроники и деловые бумаги. По его мнению, особенно богата этим «Малороссия с Украиной». Булгарин выделяет в малороссийской литературе: народную (в песнях и сказках), ученую (в исторических сказаниях и летописях) и духовную (в проповедях и религиозных сочинениях) литературу.[284] Позиция газеты касательно художественной литературы на малороссийском языке осталась прежней. «Давно прошли времена казачества и гетманщины, - пишет Булгарин, - и в Малороссии все дворянство и все образованное сословие говорят, пишут и читают по-великороссски, т. е. на языке официальном и литературном нашего общего отечества.»[285] Малороссийское или южное наречие, по Булгарину, осталось только у одних простолюдинов - крестьян, однодворцев и мещан. Касаясь проблемы ассимиляции, Булгарин высказывал довольно популярное в России мнение о Малороссии, где крестьяне, продолжавшие жить в традиционном украиноговорящем мире оставались доброжелательными, безобидными, даже колоритными в своих танцах и песнях, но в целом некультурными и отсталыми[286]. Те украинцы, которые хотели развивать собственную самобытную культуру наталкивались на непонимание. Автор не отрицает, что при этом даже самые образованные люди из малороссиян, которые превосходно не только говорят, но и пишут по-великороссски, любят, однако

[283] Там же.
[284] «Северная пчела» 1856. № 14.
[285] «Северная пчела»1852. № 221.
[286] Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии российской империи// Россия - Украина: история взаимоотношений. Москва 1997. С. 137.

же, слышать наречие своей родины, и чтобы им угодить и обратить на себя общее внимание на своей родине некоторые литераторы из Малороссии: «вздумали писать литературные произведения прозою и стихами на малороссийском наречии, которым говорят одни простолюдины».[287] Булгарин не отрицает художественной ценности произведений Котляревского, Г. Основьяненки и других, но утверждает, что все эти сочинения не могут быть причислены к настоящей русской литературе. Тем не менее, автор отдает должное малороссийской народной поэзии, сравнивая малороссийскую думу с испанским романсом. В своих суждениях он руководствовался личным опытом, так как сам был в Малороссии, где, по его собственному свидетельству присмотрелся к народному быту, выучился малороссийскому наречию, а также затвердил и списал много песен и дум. Последнее свидетельствует об интересе Булгарина к малороссийской культуре.

Из других публикаций на страницах «Северной пчелы» в 50-е гг. интересны опыты этнографического описания малороссов. В 1856 г. в рубрике «Заметки, выписки и корреспонденция Ф.Б.» Булгарин заявляет: «Малороссияне и украинцы те же русские по вере, по коренному языку, по духу и чувствованиям, но в характере, в языке и даже в физиономии сохранили по сие время свой отдельный тип или первообраз. Малороссияне и украинцы бреют бороду, носят длинные усы и до половины нынешнего столетия брили даже голову и оставляли на маковке головы хохол».[288] Основным отличием малороссийского помещика от великорусского, по наблюдениям Булгарина, является пища (борщ, вареники, пампушки и т. д.), и то, что в произношении великороссийских слов малороссийское образованное общество сохраняет некоторые оттенки в звуках, обороты и ударения малороссийского наречия.[289]

[287] Там же
[288] «Северная пчела». 1856. № 14.
[289] «Северная пчела» 1852. № 221.

Говоря о Малороссии, Булгарин применяет к ней такие эпитеты, как «гостеприимная», «умная», «добрая». «Весьма похвальна, - пишет он, - и пламенная любовь малороссиянина к своей родине, так как тот, кто любит свою родину, тот любит и отечество, т.е. Россию, в которой лежит его родина». Булгарин высоко отзывается об уровне малороссийской промышленности, хотя замечает, что ни в Петербурге, ни в Москве нет значительных малороссийских торговых домов. Этот факт объясняется им склонностью малороссиян к оседлости, в особенности среднего сословия. «Если у человека есть горшок галушек, да блюдо варенников, если он легко может лакомиться своим салом, своими пампушками и фруктами, то он за большим не гоняется по белу свету, торгует на родине и живет спокойно».[290]

Приведенные материалы говорят о глубоком интересе российского общества к украинской проблематике. В истории и характерах Южной Руси искали тех романтических красок и мотивов, которых не хватало в истории Руси Московской.[291] Так, еще один автор путевых заметок из Малороссии князь П. Шаликов[292] в ответ критикам, упрекавшим его в идеализировании этого края, писал, что стремился видеть только прекрасное, ибо, вокруг существует так много всего отвратительного, недостойного созерцания: «Я хотел представить Малороссию еще одной Аркадией».[293] Такое восприятие характерно для многих современников автора. На протяжении первой половины XIX в. Украина была одним из излюбленных мест для путешествий. Следует согласиться с Е. Е. Левкиевской, что «в русском общественном мнении достаточно рано сформировался некий стереотип малоросса – сугубо мифологизированного, во всяком случае, не основанного ни на каких серьезных исследованиях, которые просто не успели к тому

[290] «Северная пчела» 1852. № 104.
[291] Миллер А. И. Указ. соч. С. 53.
[292] Путешествие кн. Петра Шаликова в Малороссию. М., 1803.
[293] «Московский Меркурий». 1803. Ч. 9. С. 178.

времени возникнуть». [294] Эти стереотипы рождались во многом под влиянием романтической традиции. Причем, не только общественные деятели, но и государственные чиновники в значительной степени оперировали сложившимися стереотипами. Под их влиянием происходило формирование общественного мнения по вопросу о малороссийской самобытности. Безусловно, роль реальных впечатлений не следует преувеличивать. Однако если принять во внимание тот факт, что профессиональная наука в России находилась тогда в стадии становления, собранные в данном параграфе материалы могут быть полезными для воссоздания истории изучения Малороссии.

3.2. Изучение этнокультурных особенностей малороссов

Прежде чем обратиться к работам авторов первой половины XIX в., посвященным истории Украины, следует сказать несколько слов о взглядах современной исторической науки на контуры этнической истории украинцев. Существуют различные мнения о происхождении украинцев. Из них можно выделить два основных. Одно, определяемое как теория непрерывного развития народов, сопряжено с поиском их этногенетических корней в недрах первобытнообщинного строя. Применительно к украинцам это выглядит так: прямым предком их было обитавшее на территории современной Украины неолитическое население, эволюционировавшее сначала в невров, затем в антов, далее в руссов периода Киевской Руси и, наконец, в украинцев. Исторические факты подтверждают другую точку зрения, согласно которой формирование украинского этноса началось в период феодальной раздробленности (XII – XIII вв.), а завершилась в XVII вв.[295]

[294] См.: Долбилов. М. Д. // Белоруссия и Украина: История и культура / М.: Наука, 2003. С. 169., а также Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802-1856. Київ 2001.
[295] Украинцы. М., 2000. С. 18.

Интерес к прошлому Украины в русском обществе первой половины XIX в. был очень велик. Однако он удовлетворялся не столько научными трудами, сколько историческими романами: «Зиновий Богдан Хмельницкий» (1819) Ф. Н. Глинки, «Запорожец» (1824) В. Т. Нарежного, «Наливайко, или Времена бедствия Малороссии» (1833, ч. 1-6) и «Иван Мазепа» (1832, ч. 1-4) П. И. Голоты, «Мазепа» Ф. В. Булгарина и т. д. В центре внимания почти всех авторов – два момента украинской истории – Запорожская Сечь и измена гетмана И. С. Мазепы Петру I при походе Карла XII на Россию. Последнюю эпоху затрагивали и поэмы Д. Байрона «Мазепа» (1818), К. Ф. Рылеева «Войнаровский» (1825), А. С. Пушкина «Полтава» (1830).[296]

Все же уже тогда сложился определенный круг научных работ, затрагивавших проблематику этнической истории украинцев. Рассмотрим наиболее характерные их них.

Одним из первых исследователей, поставивших в начале 1830-х гг. вопрос об украинском этносе, был Ю. И. Венелин в своей неоконченной статье под названием «О споре между южанами и северянами на счет их россизма». По названию статьи можно сделать предположение, что автор поставил перед собой задачу разобраться в историческом вопросе взаимоотношений Северной и Южной Руси. Вопрос о «споре», который в то время еще не был поставлен южанами и северянами в литературе, но, по выражению А. Н. Пыпина, «молчаливо велся с обеих сторон и сказывался в обыденных отношениях»[297], Венелин счел нужным подвергнуть историческому исследованию.

Из работы следует, что Венелин не одобрял «спора», не считал его разумным, и полагал, что и южане, и северяне равны в своем «россизме». Свои рассуждения автор начинает издалека. Согласно его точке зрения, весь русский народ разделяется на две части северную и южную. Северная и южная ветви разделились из-за постепенного накопления различий в языке,

[296] Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 64.
[297] Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. СПб., 1891. С. 302.

из которых сформировались два «наречия» - северное и южное. Важную задачу исследователя Венелин видел в систематизации этнонимов. «Что такое Украйна, что такое казаки, что Малая Россия, что Мало-Россы?» Автор воспроизводит сложившееся в Великороссии представление о том, что, как правило, «малороссом слывет тот, кто из Черниговской или Полтавской губернии; козаками слывут люди военные, - конные; Украйною – хоть Харьковская или Полтавская губерния». Не совсем понятно, откуда автор почерпнул эти сведения, однако этот пассаж интересен с точки зрения терминологической путаницы в отношении к украинской проблематике.

Численность обоих ветвей почти одинакова. Венелин приводит цифры в 21 млн. для северной и до 20 млн. для южной ветви, из которых 15 млн. расселяются на территории Российской империи в губерниях Подольской, Волынской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Минской, Гродненской, Могилевской, Екатеринославской, Херсонской, Слободско-Украинской, Таврической, Витебской, Воронежской, Курской и Виленской.[298] При этом автор принимает во внимание потери, понесенные южанами за всю историю, и приходит к выводу, что некогда южная ветвь была на треть многочисленнее северной.

Затрагивая вопрос национальных территорий и перечисляя губернии, населенные южанами, Венелин указывает также на губернии, в которых белорусское население составляет большинство, а если принять во внимание также тот факт, что Венелин разделил восточных славян только на две ветви, можно сделать вывод о том, что к южанам он приписывал еще и белорусов.

Автор справедливо указывал также на генетическая общность между южанами и северянами, выразившуюся в общем этнониме «Русь»: «Северяне называют себя прилагательным, производимым от Русь … - русские; Южане, напротив, еще ближе и естественнее… - русинами».[299]

[298] Венелин Ю. И. О споре между южанами и северянами на счет их россизма. М., 1848. С. 3.
[299] Там же. С. 3-4.

И в тот период и позднее многие исследователи обращали внимание на то, что Киевская Русь, Червонная Русь, Белая Русь, Черная Русь, Венгерская Русь, Малая Русь, Юго-Восточная Русь – части единой Руси, Русской земли, целостность которой всегда подчеркивалось в ситуациях, угрожающих ее спокойствию и безопасности: «Дай нам Бог за русскую землю головы свои сложить» - рефрен древнерусских летописей.[300]

Для Венелина вопрос о «россизме» южан и северян очевиден: ни у тех, ни у других нет в этом отношении никакого преимущества: «Те и другие – такие же русские, и спорить им не о чем». По мнению автора, для того, чтобы обе стороны поняли это, необходимо глубже знакомиться с историей, в ходе которой единый народ разделился на две ветви. С осознанием своих отличий, согласно Венелину, закончится спор между двумя ветвями одного народа. Причину этих различий автор усматривает в нашествии на Россию в разное время: «татар с Востока, турок с татарами с Юга, и германцев с Запада». Германцами Венелин называет «Славян Завислянских».[301] Здесь следует отметить, что подобные ошибки были нередки в работах Венелина. Согласно Пыпину он «ославлен фантазером, мысли которого стоят вне науки».[302]

Рассматривая проблему чужеродного влияния на русский народ, Венелин указывает, что «нашествие татар, влияние турок, было механическое, материальное, кровное; нашествие германцев было мирное, бескровное, политическое, нравственное нашествие по заключенному условию». Если первым двум можно было противопоставить «материальную, физическую преграду, приостановить мечем», то последнее требовало «духовного противодействия, ибо никакой меч не мог приостановить оного». Владычество первых давно кончилось, но влияние поляков еще продолжается, и «продолжается нравственно».[303]

---

[300] См.: Украинцы. М., 2000.
[301] Венелин Ю. И. О споре между южанами и северянами на счет их россизма. С. 9.
[302] Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 3. С. 301.
[303] Венелин Ю. И. Указ. соч. С. 9.

При всем своеобразии позиции автора цель его заключалась прежде всего в том, чтобы способствовать сглаживанию противоречий и столкновений между «двумя народностями», которые окончательно еще не слились в одно целое. И северяне, и южане, согласно Венелину, являются одинаково русскими, много боровшимися за свою землю, много перенесшие за свою историю нелегких испытаний и имеющие равное право на свое имя, равно как и на признании своих этнических особенностей и культуры.

Гораздо более основательным трудом по истории Украины была многотомная «История Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского, вышедшая впервые в 1822 г. и с тех пор неоднократно переиздававшаяся. Опытный ученый Бантыш-Каменский широко использовал архивы московской коллегии иностранных дел, Черниговского губернского управления, Синодальной библиотеки, многочисленные рукописи, находившиеся в частных руках, литературу на латинском, немецком, французском и польском языках.[304] Второе издание своего сочинения Бантыш-Каменский посвятил Николаю I. Во вступлении автор указывал, что рассматривает Украину как неотъемлемую часть России, чья история, безусловно, обогатит культуру Империи.[305] Подобный взгляд историка в значительной степени можно объяснить тем, что с 1816 г. он служил при генерал-губернаторе Малороссии Н. Г. Репнине. Сам Репнин в своих отчетах уделял большое внимание истории казачества.[306]

В отличие от издания 1822 г., в котором повествование начиналось с момента вхождения украинских земель в состав Московского царства при Алексее Михайловиче, второе издание было значительно расширено. Первый том заключал историю украинских земель до Богдана Хмельницкого. Бантыш-Каменский всячески стремился «сгладить» противоречия и напряжение, обозначающиеся в дискуссии по украинской проблематике. На это указывал еще Н. А. Полевой. Последний в своем обозрении «Истории

[304] Славяноведение в дореволюционной России. М., Наука. 1979. С. 59.
[305] Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1830. Т. 1. С. 2.
[306] См.: Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802-1856. Київ 2001. С. 280.

Малой России» обратил внимание на тот факт, что у читателей может создаться такое впечатление, будто Малороссийские земли отличаются от российских не более, чем Ярославль от Владимира. По мнению Полевого, Бантыш-Каменский недостаточно четко обрисовал основные отличия южан от северян, останавливаясь скорее на материальных, нежели духовных их особенностях.[307]

В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, вызвавшей огромный читательский интерес и оживленные споры, также значительное внимание уделено вопросам происхождения славян, расселения древних славянских племен, их отношений с другими народами, общественному устройству, быту, религии и т. д.[308]

В настоящем исследовании не ставится задача подробного разбора этих трудов. Остановимся лишь на той реакции, которую они вызвали в русском обществе. 30 января 1834 г. в «Северной пчеле» появилось объявление Н. В. Гоголя о готовящейся им «Истории малороссийских казаков», повторенное затем в «Московском телеграфе» и «Молве». «Около пяти лет, - говорилось в нем, - собирал я с большим старанием материалы, относящиеся к истории этого края. Половина моей истории уже почти готова, но я медлю выдавать в свет первые Томы, подозревая существование многих источников, может быть, мне не известных, которые, без сомнения, где-нибудь хранятся в частных руках».[309]

Специально исследуя творчество Гоголя как историка, А. А. Формозов пришел к выводу, что Гоголь годами размышлял о судьбах родного края, исподволь накапливал материалы, нашедшие позднее отражение в его художественных произведениях.[310] Формозов предположил, что «История Малороссийских казаков» Гоголя должна была отличаться от труда Бантыш-

[307] Цит. по: Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750 – 1850/ Edmonton, 1985. P. 187.
[308] Славяноведение в дореволюционной России. М., Наука. 1979. С. 173.
[309] Цит по: Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 65.
[310] Там же.

Каменского, к которому Гоголь выражал свое отрицательное отношение. Весьма вероятно, что он хотел перенести центр тяжести на изложение ранних этапов истории Украины в противоположность Бантыш-Каменскому, уделившему основное внимание периоду после вхождения ее в состав России. Не оспаривая гипотезу Бантыш-Каменского о приходе части казаков на Днепр с Кавказа, Гоголь все же искал их корни на местной почве.

В объявлении «Северной пчелы» ставилась задача определить место украинского народа во всемирной истории. Бантыш-Каменский в своей работе такой задачи перед собой не ставил. В «Тарасе Бульбе» Гоголь рассуждал о заслугах запорожцев перед Европой, в первую очередь в защите ее от Турции. Таким образом, по мнению Гоголя, если Русь спасла Европу от монголов, то запорожские казаки спасли ее от турок.[311] Основными задачами Гоголя-историка было углубление истоков казачества, а также определение его исторической роли.

Действительно, роль казачества в социально-политической жизни Украины была настолько велика, а его связи с народом так прочны, что украинцев, судя по документам XVI-XVIII вв., стали называть нацией казаков или «украинской казацкой нацией», а Украину – «страной казаков» (Cosacorium).[312] В первой половине XIX в. казачество и его фольклор становятся объектом живого интереса и своего рода модой среди поэтов, писателей и этнографов, причем не только русских, но и польских.[313] Следует подчеркнуть, что вопрос о происхождении казачества рассматривался исследователями того времени в контексте этнической истории.

Многие российские периодические издания так или иначе, затрагивали на своих страницах тему казачества. В «Маяке» за 1843 г. Н. Тихорский рассуждал о его огромной роли в истории Украины и всей Русской земли: «Та самая Казачина, которая с Аскольдом и Диром, Олегом, Игорем и

[311] Там же. С. 67.
[312] Украинцы. М., 2000. С. 20.
[313] Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 52.

Святославом язычески гарцевала по всему Югу, Юго-Западу, Юго-Востоку и Северу, по кругу коему средоточь – Киев, а на окружности – Новгород, Мордва, Волга, Кавказ, Черное море, Болгария и Дунай, Польша и Литва, та самая Казачина, обратившаяся со святым Владимиром к истинному Богу и его Евангелию, не успела еще при Владимире отрешиться от своего языческого рыцарства, как уже оскудение благочестия, а где и явное нечестие, честолюбие и свары князей, потомков Ярослава за великокняжение и уделы… снова раздуло страсть к битвам и молодечеству по всей тогдашней Руси, особливо Украине. Но вот явились татары, погромили Украину, потом Украина примкнула к Литовской и Галицкой Руси и присмирела. Наконец все это явилось под именем Польши. Происки папской пропаганды, явно и тайно угнетавшей и преследовавшей все не папское, с самой первой поры соединения с Польшей Руси Малой, Галицкой и Литовской, наконец, стали явно, сильно и злобно стеснять и угнетать православие… Казачество, под священным предлогом защиты веры вырвалось из должных границ… Оно стало защищать свое православие мечем и буйством». Выводы автора сводились к тому, что никогда «Украина не считала себя подданною Польши», и «после пяти столетий страдания целого народа» казачество «радушно и добровольно» перешло в подданство московского царя.[314]

О казачестве рассуждал также и сам издатель, и редактор «Маяка» Бурачек. Ссылаясь на работы Н. В. Савельева и Ф. Л. Морошкина, он выделял два периода образования казачества: «первоначальные образования казаков (в XIII в.) и систематические, следовавшие за тем образования их». Под последним автор имеет в виду два главных казацких «отдела»: Донской и Украинский. «Донские казаки с 1499 г. известны уже как сильное политическое общество. Украинские являются такими же с 1517 г.; следовательно: отнести к половине XV в. начало систематического образования казаков имеем мы полное право. Вскоре после татарского

[314] «Маяк». 1843. Т. 12. С. 127-128.

нашествия первоначальное составление казаков имело свое начало», - писал Бурачек.[315]

Видный историк, член Одесского Общества истории и древностей А. А. Скальковский в своей работе «Очерки Запорожья» (1840 г.) указывал, что «все казачество произошло от Руси, Южной (запорожцы) или Северной (донцы, уральцы и др.)». Скальковский относит зарождение «всех казацких обществ» (запорожского, донского и др.) к началу XVI в. «Их появление или учреждение, - писал Скальковский, - произошло, кажется, не от случайного скопления пришельцев с разных концов земель славянских. Это произвольное, самоотверженное оставление своего домашнего крова: лесов Волынских, богатых садов и пажитей Украины… для того, чтобы в степи, или в низовьях Днепра сооружать живую, вечно вооруженную препону против неслыханного Оттоманского могущества». Запорожские казаки, указывал Скальковский, произошли от Руси или Русняков, т. е. жителей Украины, Волыни, Подолии, Галича. Донские же – от славян северных, т. е. великороссов. В работе неоднократно отмечаются определенные различия между донскими и запорожскими казаками: «Довольно взглянуть на казаков донских, слышать их язык, сравнить их с запорожцами или настоящими их потомками, сравнить даже их имена, чтобы удостовериться в этнографическом оттенке двух народов славянских».[316]

Таким образом, несмотря на то, что исследования русских ученых по украинской истории не носили еще в первой половине XIX в. систематического характера, все же можно выделить ряд моментов определенно интересовавших авторов. Первый, и, пожалуй, самый главный заключался в стремлении, по возможности, представить историю Украины частью общерусской истории, истории одного народа. По мнению некоторых исследователей, история Российского государства должна начинаться с

[315] «Маяк». 1842. Т. 5. С. 34.
[316] ЖМНП. 1840. Ч. 25. № 1. С. 194-199.

истории Малой России.[317] Киев – «мать городов русских», место обретения православной веры и государственности являлся некоей идеологической основой для России, в частности в борьбе с польским движением.[318] Помимо этого, в первой половине XIX в., овеянной духом романтизма, казачество и его фольклор становятся объектом живого интереса исследователей. Многие авторы рассматривали казачество как нациообразующий элемент, украинской этнической истории. Большинство исследований, в духе концепции триединой русской нации, делали акцент на взаимодополняемости малороссов и великорусов, с тем, чтобы «спор между южанами и северянами» кончился на спокойной и свободной научной почве.[319]

Так К. С. Аксаков в 1842 г. писал: «Малороссия - живая часть России, созданной могущественным великорусским духом; под его сенью может она явить свой характер и войти, как живой элемент, в общую жизнь Руси, объемлющей равно все свои составы и не называющейся Великороссиею (так бы она удержалась в своей односторонности, и прочие части относились бы к ней, как побежденные к победителю), но уже Россиею». Аксаков указывал на особую роль великорусской ветви в процессе складывания единого восточнославянского этноса: «великорусское племя… создало целое государство и дало в нем развиваться свободно всем частям», при этом он также подчеркивал ценность комплиментарности великорусов, белорусов и малороссов: «разумеется, единство вытекло из великорусского элемента; им дан общий характер; за ним честь создания; при широком его размере свободно может развиться все, всякая сторона, - и он сохранил свое законное господство, как законно господство головы в живом человеческом теле; но все тело носит название человека, а не головы; так и Россия зовется Россией, а не Великоруссией». Несмотря на то, что Аксаков определял Малороссию как «важнейшую составную часть многообъемлющего отечества», в

[317] «Маяк». 1842. Т. 5. С. 46.
[318] Миллер А. И. Указ. соч. С. 39.
[319] Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. Спб., 1891. С. 338.

общерусской жизни он настаивал на «законном преимуществе великорусского элемента над малороссийским».[320]

Следует также остановиться и на реакции правительства на вопросы изучения и обсуждения малороссийской истории. Цензор А. В. Никитенко в своем дневнике от 12 января 1844 г. описывает конфликт в связи с жалобой киевского генерал-губернатора Д. Г. Бибикова министру народного просвещения С. С. Уварову на статьи Н. А. Маркевича об истории Малороссии, помещенные в «Библиотеке для чтения» в 1843 г. Журнал, а также цензоры, пропустившие статьи, обвинялись в явном пристрастии к Польше, в «неблагоприятных» отзывах о России и Малороссии, в оскорблении малороссийской национальности утверждением, что «народ ее составился из беглых холопов», в «ругательном» тоне вообще и, наконец, в самом пагубном антинациональном направлении. Министр народного просвещения сделал легкий выговор цензорам П. Н. Корсакову и А. В. Фрейгангу. Последние составили объяснительную записку, где указывали на то, что «Библиотека для чтения» изъявила только свое ученое мнение относительно малороссийского народа – мнение, «в котором всякий волен». Цензоры настаивали на беспочвенности обвинений журнала в отношении поддержки польских идей. Однако главную защиту Корсаков и Фрейганг построили на основном, по их мнению, лейтмотиве статей «Библиотеки»: «Малороссия никогда не составляла отдельного политического общества, делала много глупостей и зла соседям и что все это кончилось лишь с тех пор, как она соединилась с Россией». Жалоба Бибикова дошла до Николая I. Император решил дело следующим образом: «Если в статьях «Библиотеки для чтения» заключается ложь, то ее и должно опровергнуть литературным образом, только без брани».[321]

Никитенко приводит еще один эпизод, характеризующий реакцию властей на исследования истории Малороссии. В 1846 г. в нескольких

[320] Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981. С. 149-150.
[321] Никитенко А. В. Дневник Л., 1955. Т. I. С. 277-278.

номерах детского журнала «Звездочка», издаваемого А. И. Ишимовой, была напечатана краткая история Малороссии П. А. Кулиша. Некоторое время спустя Академия наук признала Кулиша, достойным командирования за границу на казенный счет с целью изучения «славянских наречий». Как пишет Никитенко, Кулиш взял с собой пачку оттисков своей «Истории Малороссии» и по дороге раздавал их, где мог. В Варшаве он был схвачен. Когда на допросе у цензора Ивановского спросили, как тот пропустил сочинение Кулиша, он ответил, что «это ошибка и что он виноват». На отдельных оттисках стояло имя цензора Куторги, который также был призван к допросу. По свидетельству Никитенко, «государь, увидев под отдельными книжками имя цензора Куторги, велел посадить его в крепость».

Никитенко напрямую связывал данную историю с обстоятельствами раскрытия в Киеве Кирилло-Мефодиевского общества, а также последовавшими за этим уваровскими циркулярами.[322]

3.3. Украинский язык: подходы и трактовки

Данная часть работы посвящена некоторым важным аспектам этногеографической и этнолингвистической номенклатуры, а именно употреблением таких терминов, как язык и наречие, а также Малороссия и Украина и производных от них понятий.

Прежде всего следует отметить характерное для изучаемого периода несовершенство научных, в том числе этнографических и лингвистических знаний о восточнославянских народах. Начавшийся в первой половине XIX в. процесс дифференциации наук требовал от ученых, в частности, установления в каждой из сфер более точной терминологии. Описывая в своих воспоминаниях начальный период деятельности Русского Географического Общества, Д. А. Милютин сообщает о том, что одним из

[322] Там же. С. 303 –304.

первых был затронут вопрос о терминологии. Это нашло отражение в записке, поданной в Совет Общества молодым русским ученым Я. В. Ханыковым о научной географической терминологии, в которой автор указывал на недостаточную точность терминов и предлагал их пересмотреть.[323]

Это имело и самое прямое отношение к таким важным этнолингвистическим понятиям, как «язык» и «наречие».

В 1818 г. в Петербурге впервые в России вышла первая грамматика украинского языка, написанная А. Павловским (полное название «Грамматика малороссийского наречия или грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малороссийское наречие от чистого русского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями»). Нужно отметить, что у Павловского не было соответствующей лингвистической подготовки для обоснования столь далеко идущих выводов (автор, великоросс, случайно познакомился с украинским языком, и счел небезынтересным познакомить с ним читателей). Однако данное произведение интересно нам по той причине, что в нем Павловский, затрагивает проблему определения языка и наречия. Уже в самом названии книги есть противопоставление «чистый российский язык» и «малороссийское наречие». Стремясь пробудить в российском обществе интерес к украинской проблематике, Павловский пишет: «Если разбирание Архангельского, Новгородского, Полотского, Стародубского, Муромского и других наречий (не говорю Финских, Ордынских, Югорских, Сибирских, Камчатских языков), которые отличаются только несколькими или нечистыми или смешными, или весьма странными словами, занимает иногда любомудрие и время многих знающих справедливую цену вещи людей ...; то для чего же не заняться сколь-нибудь и таким наречием, которое составляет почти настоящий язык?». Определив, украинский язык как наречие,

[323] Милютин Д. А. Воспоминания. 1843 - 1856. М., 2000. С. 139.

Павловский тем не менее указывает на дальнейшие перспективы его развития.[324]

Как было отмечено выше, для первой четверти XIX в. характерно весьма малое знание об Украине, ее культуре, народе и языке. Этим можно объяснить периодические появления даже у самых образованных людей того времени различных гипотез в определении украинского языка. В частности, Н. И. Греч в «Опыте истории русской литературы» в 1822 г. писал: «Малороссийское наречие родилось и усилилось от долговременного владычества поляков в юго-западной России, и может даже называться областным польским».[325] Впоследствии, в своей грамматике русского языка, изданной в 1827 г. с предисловием Ф. В. Булгарина, Греч вновь повторил, что «малороссийское наречие может даже называться наречием языка польского». Объяснение генезиса украинского языка польским влиянием казалось в тот период наиболее естественным по причине долгого нахождения южнорусских земель под польским владычеством, а также наличия в украинском многих польских слов и выражений. Подобный взгляд на украинский язык был характерен и для самих поляков. В том же 1827 г. Максимович, в первом сборнике малороссийских песен одним из первых напишет об украинском языке, как о языке особом, отличном от великорусского, а тем более от польского.[326]

У этой полемики существовал определенный политический подтекст, в котором термины «язык» и «наречие» приобретали особый смысл. Употребляя в отношении украинского языка термин «наречие», многие исследователи и общественные деятели как бы «принижали» его, подчеркивали его «неполноценность», противопоставляя ему язык русский, или общерусский.

Приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что даже лидер радикального крыла Белинский в отношении к украинскому вопросу занимал

[324] Цит по: Пыпин А. Н. История русской этнографии. Спб., 1891. Т. 3. С. 310-311.
[325] «Опыт истории русской литературы». Спб. 1822. С. 12.
[326] Голубенко П. Україна і Россія у світлі культурних взаемин. Київ, 1993. С. 157.

весьма определенную позицию. Украинцы, по мнению Белинского, - не народ и не нация, а племя; украинский язык - областной малороссийский диалект; «история Малороссии - это река, которая вливается в великую реку российской истории», а потому не может быть и самостоятельной украинской литературы.[327] Подобный взгляд на перспективы развития украинского языка и литературы был широко распространен в 30-40 гг. и среди представителей других общественно-политических течений. В своей неприязни к «малороссийскому языку» Белинский нисколько не отличался от Греча, Кукольника, Булгарина, Сенковского и др., разделяя господствующее мнение о том, что «малороссийское наречие» пригодно только на «жарты». В связи с публикацией рассказа Г. Квитки-Основьяненко «Солдатский портрет» в русском переводе критик откровенно писал: «Так-то лучше: а то мы, москали, немного горды, а еще более того ленивы, чтобы принуждать себя к пониманию красот малороссийского наречия».[328]

Некоторые российские авторы пытались провести четкую грань между языком и наречием. Так, в «Ливонских письмах» 1852 г. Булгарин указывал на историческое разделение России на Великую Россию, Малую Россию, Белую Россию И Черную Россию. «Жители всех этих четырех исторических отделений, - писал он, - различаются друг от друга наречием». Далее Булгарин приводит точное определение того, что есть язык, а что наречие, и в каком иерархическом соотношении они состоят: «Должно заметить, что наречие не то, что язык, но есть только различие главного языка у племен, составляющих один народ».[329]

В критических отзывах российских публицистов на произведения украинских литераторов, украинский язык рассматривался как некое «областное наречие», (здесь следует обратить внимание на такие понятия, как «область» и «областничество»), а всякие попытки его развития воспринимались фактически как стремление к культурной обособленности. В

[327] Белинский В.Г. Литературная хроника // ПСС. АН СССР. 1953. Т. 2. С. 355
[328] Белинский В. Г. ПСС. М., 1979. Т. 2. С. 275-276.
[329] «Северная пчела» 1852. № 221.

качестве примера можно привести рецензию А. Афанасьева на «Байки и прибаутки» Л. Боровиковского. Наречие, подобное малороссийскому, по мнению Афанасьева, не создает классической литературы и остается достоянием простого народа. Автор рецензии говорит о стагнации в малороссийском языке, считает, что он не имеет данных для развития. Малороссии «в поэзии своей должно сохранять первобытные формы, потому что попытки поставить подобный язык на ходули будут казаться неестественными и даже смешными».[330]

О. Сенковский употреблял в отношении украинского языка такие определения, как «неизвестный», «гибридный».[331]

Подобные выступления русской прессы против украинского языка и литературы еще больше усиливали полемику между российскими и украинскими литераторами. В частности, представители харьковской литературной школы весьма болезненно отреагировали на оценку рецензентом «Ластовки». В письме редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому Г. Квитка писал: «Должен Вам сказать, что при появлении у нас той книги «Отечественных Записок» здесь все взбунтовались против Вашего журнала... О желании Вашем поспорить с нами печатно я передавал здешней ученой молодежи. Это надобно видеть, как все это сословие (их, студентов, большая часть из губерний, знающих наш язык) закипит, забурлит, хватаясь за перья, писать против «Отечественных Записок». Не знаю, напишут ли, но многие собирались. И знаете ли? Этот раскол, произведенный русскими журналами против нашего языка, недолго будет существовать. Дайте нашим юношам возмужать, опериться, т. е. познакомиться с пером, они докажут и утвердят, что великороссийский язык есть только наречие нескольких губерний, дитя то не старше нашего языка, старшего сына коренного славянского».[332] Можно предположить, что в данном случае такое использование Квиткой определений «языка» и

[330] «Северная пчела». 1852. № 221.
[331] «Библиотека для чтения». 1841. Т. 48. С.43-45.
[332] Цит. по: Голубенко П. Україна і Россія у світлі культурних взаемин. С. 157.

«наречия» в отношении украинского и русского было скорее спровоцировано и являлось некой «защитной реакцией».

В многочисленных статьях и публикациях «Маяка», посвященных украинским реалиям, авторы, как правило, говорят об украинском *языке* (понятие «наречие», если и встречалось, то крайне редко, и какого-то особого смысла в него не вкладывалось). Более того, многие статьи свидетельствуют о том, что журналисты «Маяка» пристально следили за развитием полемики по украинскому вопросу и по возможности принимали в ней участие. Так, возвращаясь к приведенной ранее рецензии Н. Тихорского на поэму Т. Шевченко «Гайдамаки», можно привести небольшой пассаж, в котором автор от имени журнала отстаивает право украинского языка на самобытность. В своем обозрении Тихорский подверг критике сложившееся в русском обществе мнение о том, будто украинский язык «это не особый язык, а наречие русского языка!».

И. И. Срезневский, работавший в Харьковском университете с 1831 по 1847 гг., в «Запорожской старине» (1834) писал: «В настоящее время нечего доказывать, что язык украинский (или, как угодно называть другим, малороссийский) есть язык, а не наречие, как доказывали некоторые, и многие уверены, что этот язык есть один из богатейших языков славянских, что он едва ли уступит богемскому в обилии слов и выражений, польскому в живописности, сербскому в приятности, что это язык, который, будучи еще не обработан, может уже сравниваться с языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому, - язык поэтический, музыкальный, живописный».[333]

Любопытен взгляд на обозначенную проблему Н. И. Надеждина. Являясь членом Русского Географического, а с 1848 г. управляющим Отделением этнографии РГО, Надеждин особое внимание уделял восточнославянской проблематике. В 1846 г. на общем собрании РГО

[333] Цит. По: Saunders D. The Ukrainian impact on Russian culture 1750-1850. Edmonton, 1985. P. 142-143.

Надеждин выступил с докладом «Об этнографическом изучении народности русской». В своем докладе он определил «великорусский, малорусский и белорусский» как главные «видоизменения» русского языка. Основная задача исследователя, по мнению Надеждина, - определить в каком отношении находятся эти «видоизменения», что составляет существенные признаки их лексического состава и т. д.[334]

В той же работе, что при обращении к некоторым чертам языка и национального характера закарпатских русинов, Надеждин находит гораздо большее сходство последних не с малорусами, а с великорусами: «язык венгерских русинов ... ближе и понятнее нам, великороссиянам, чем наречие украинских малороссиян». Противопоставление: «язык» - «наречие» достаточно четко демонстрирует позицию видного ученого.

Впоследствии наблюдалась тенденция одновременного существования таких понятий, как «украинский язык» и «малороссийское наречие».

Помимо терминов «язык» и «наречие» употреблялись и такое понятие, как «жаргон». В иерархии оценок «жаргон» находился еще ниже наречия, и если у последнего были определенные шансы развития в язык, то «жаргон» являлся абсолютно тупиковой ветвью. В рецензии на «Кобзаря» Т. Шевченко, помещенной в журнале «Маяк» в 1840 г., П. Корсаков, обращаясь к украинскому языку, писал: «В нем таится еще много драгоценных преданий, недоступных для тех исследователей истории, которые говорят о нем с презрением, как о каком-нибудь безграмотном jargon».[335]

Можно сделать вывод, что под жаргоном в то время понималось нечто искусственное, исковерканное. И гораздо позднее, в 1914 г. В. Н. Перетц в письме к А. А. Шахматову писал: «Грушевский и его соратники - Дорошенко и Ко (у нас в «Украине») хотят (сами того не подозревая) ожаргонить язык, ибо старого не знают, с историей языка совсем не знакомы и либо сами пускают (по выражению Тимченко) в ход «какотворы», либо коверкают

[334] Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки РГО. Книга 2. СПб. 1847. С. 112.
[335] «Маяк» 1840. № 6. С. 94.

русские слова...», и далее «...Грушевский с Дорошенко - гордятся, что спасли отечество, насовавши в работу Тимченка своего жаргону... Суди их Бог!».[336]

В отношении белорусов следует отметить, что, по выражению Надеждина, в тот период ученые не обладали еще достаточным материалом, и вопрос о них оставался открытым. Что же касается белорусского языка, то почти во всех случаях (даже в «Маяке») к нему употреблялось понятие «наречия». Во многом это было обусловлено отсутствием корпуса новых литературных произведений на белорусском языке, в отличие от украинского.

В конце XIX в. А. Н. Пыпин в «Истории русской этнографии» полагал, что «в нынешнем составе русского языка есть две основные ветви: великорусская и малорусская (третья, белорусская, не имела особого книжного развития ни в старину, ни в новейшее время, и хотя занимает довольно обширную область земли и народа в западном крае, но по своим чертам так сближается с ветвями главными, что филологи считали это наречие подразделением, одни - языка великорусского, другие - малорусского)».[337]

Еще в 1845 г. И. И. Срезневский в статье «Обозрение черт сродства звуков в наречиях славянских» выделял два наречия, принадлежащие к «Восточному отделу»:

1) Великорусское (с поднаречием белорусским);
2) Малорусское (Восточное и Западное, в котором представлен также Закарпатский говор).[338]

В своем труде «Белорусы» академик Е. Карский противопоставляет литературе на белорусском наречии художественные произведения на «общерусском» литературном языке. В отношении народного Карский употребляет термин «язык», тогда как литературный белорусский ученый

[336] «Минувшее». Исторический альманах. СПб. 1998. Т. 23.
[337] Пыпин А. И. История русской этнографии. Т. 3. С. 307-308.
[338] «Журнал министерства Народного просвещения» 1845. Ч. 48. № 12. С. 11.

рассматривает как нечто искусственное, несостоявшееся: «Литература на белорусском наречии все же не возникла».[339]

В завершение хотелось бы привести некоторые рассуждения о соотношении языка и наречия достаточно известного литературного критика А. Милюкова, в которых он фактически выразил господствующее в российском обществе мнение об украинском языке. В работе «Вопрос о малороссийской литературе», относящейся к середине 1850-х гг. Милюков писал следующее: «Местные патриоты уверяют, что малороссийский язык есть такой же отдельный, самостоятельный славянский язык, как болгарский, чешский, польский – и, следовательно, называть его наречием русского языка несправедливо. Последователи этих мнений, прямо уже называют украинцев особым народом, наречие свое – самостоятельным языком». Как видим, в этих словах ясно прослеживаются опасения автора, связанные с дальнейшим развитием малороссийского национального возрождения. «Украинцы, - продолжает Милюков, - говоря о возможности развития своего наречия, спрашивают: неужели одному русскому языку принадлежит у нас монополия быть проводником образованности и органом науки? Да, без сомнения теперь общерусскому языку принадлежит эта монополия во всей русской земле». Согласно автору, эту монополию дал русскому языку не «кружок патриотов», а «ход самой истории». В доказательство своей мысли о превосходстве русского над малороссийским Милюков проводит параллели с английским и шотландским, а также итальянско-флорентийским и пьемонтским и неаполитанским. Таким образом, по мнению автора: «В истории мы не находим малороссийского народа и малороссийского языка, точно также, как не находим белорусского или сибирского народа, а знаем один только русский народ с племенными наречиями белорусским и малороссийским».[340]

[339] Карский Е. Ф. Белорусы. Вильна, 1904. С. 430.
[340] Милюков А. Отголоски на литературные и общественные явления СПб. 1875. С. 131-132, 141-142.

Следует отметить, что вопрос отношения и определения украинского языка стоял весьма остро на протяжении всего XIX и начала XX вв. Это нашло отражение и в политике российских властей. Точка зрения правительства была выражена в «высочайше одобренном» циркуляре министра внутренних дел графа Петра Валуева от 20 июня 1863 г. Опираясь на высказываемые в прессе (например, в киевском «Вестнике Юго-западной России») лояльные украинофильские взгляды об употреблении украинского языка, Валуев писал, что «большинство малороссов сами весьма основательно доказывают, что никакого малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши…».[341]

На протяжении второй половины XIX в. украинский язык обсуждался с точки зрения трех проблем:

1) Язык это или наречие (диалект) великорусского (общерусского, просто русского) языка;
2) Древность этого языка/наречия по сравнению с великорусским;
3) Возможность употребления данного языка не только в художественной литературе, но и в науке и образовании.[342]

Вопрос об украинском языке рассматривался в начале XX в. на уровне Академии Наук. Обращение к материалам российской прессы демонстрирует тот факт, что во многих случаях использование таких понятий, как «язык» и «наречие» имело ярко выраженный подтекст. Несовершенство научных знаний и не устоявшийся понятийный аппарат способствовали широкому хождению политически ангажированных концепций. Тем не менее, следует отметить, что еще чаще, ученые и общественные деятели употребляли обозначенные понятия достаточно произвольно, не видя между ними особой

[341] Цит по: Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 240-241.
[342] См.: Shevelov G. Y. Evoiution of the Ukrainian Literary Language // Ivan L. Rudnytsky (ed.). Rethinking Ukrainian History. Edmonton. 1981.

разницы. В частности в статье Журнала Министерства Народного Просвещения, посвященной учреждению кафедры славянской литературы во французской коллегии автор рассматривает славянский язык, как язык мертвый, и выделяет его «ныне существующие» наречия: русское, польское, богемское, сербское и т. д.[343] В опубликованной в 1900 г. статье «Малорусский язык и «Украиіньско-руський» литературный сепаратизм» Т. Д. Флоринский - видный филолог-славист, профессор Киевского университета Св. Владимира, полагал, что если и есть особая разница между терминами «язык» и «наречие», то «в науке это дело второстепенное».[344] Даже такой видный идеолог украинского национального движения историк, этнограф, писатель и критик Н. И. Костомаров в своих трудах об украинском языке также периодически употребляет обозначение «малорусское наречие» по отношению к «русскому языку» (хотя, безусловно, в данном случае следует учитывать фактор существования цензуры).[345]

Несмотря на тот факт, что научное изучение проблем, связанных с языком Малороссии, началось на рубеже XIX и XX вв., полемика о месте украинского языка среди других славянских языков и о перспективах его развития была начата на страницах русской прессы еще в первой половине XIX в.

Еще сложнее дело обстояло с понятиями Малороссия и Украина, являвшихся одними из наиболее дискуссионных. Два понятийных ряда долго сосуществовали. По мнению Л. Е. Горизонтова эти термины могли выступать:

1) как взаимозаменяемые;

2) Украина могла пониматься как часть Малороссии;

3) одно понятие употреблялось наряду с другим при обозначении двух различных смежных территорий.

---

[343] «Журнал министерства Народного просвещения» 1840. Ч. 26. № 6.
[344] Ульянов Н. И. Украинский сепаратизм в России. М., 1998. С. 337.
[345] См. Костомаров Н. И. Казаки. Исторические монографии и исследования. М., 1995.

«Во всех этих комбинациях», считает Горизонтов, - «Малороссия и Украина сосуществовали вполне мирно, часто «через запятую»: семантическое наполнение каждого из терминов отражало не этнополитические реалии, а историко-географические традиции».[346] Действительно, на основании собранных материалов, можно констатировать тот факт, что российские исследователи и литераторы использовали в отношении Украины как термин «Малороссия», так и «Украина». Безусловно, между ними существовало определенное различие, но оно никогда не уточнялось. Несмотря на то, что многие разграничивали этнонимы «малоросс» и «украинец», их различие также никогда не уточнялось. Более того, эти понятия употреблялись с далеко неодинаковой частотой. Для первой половины XIX в. все же более характерно более частое употребление понятий малоросс, Малороссия.

Тем не менее, уже в первой половине XIX в. понятие Украины наряду с Малороссией прочно вошло в русский лексикон. В течение долгого периода эти «книжные» термины функционировали лишь в среде образованного общества. В отношении содержательного наполнения этих двух понятий, можно сделать вывод, что у разных авторов соотношение их было весьма различным и неоднозначным. Однако в определенный момент, примерно к концу 40-х гг. понятия Малороссии и Украины приобрели политически ангажированное, жестко конфронтационное по отношению друг к другу звучание.[347] Одним из первых такой смысл стал вкладывать в них Т. Шевченко. Но этот период выходит за хронологические рамки данного исследования.

Из проработанных материалов можно сделать вывод, что в изучаемый период термин «украинский вопрос» еще не вошел в употребление. Тем не менее, в правительственных кругах начинает использоваться такое понятие как «украинофильство». В русской общественной мысли в отношении

[346] Горизонтов Л. Е. // Белоруссия и Украина: История и культура. М., 2003. С. 135
[347] Там же.

малороссов и белорусов часто использовалось определение «западнорусский», а также общерусский. Помимо языка и наречия исследователи оперировали и такими понятиями как «поднаречие», «диалект», «жаргон», выстраивая, таким образом, целую лингвистическую иерархию. Можно предположить, что понятия язык и наречие находились в таком же соотношении как понятия народ и племя. Наконец, можно проследить определенную корреляцию: с одной стороны, малороссийское наречие, с другой – украинский язык.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Украинский вопрос занимал особое место в общественной мысли Российской империи первой половины XIX в. Вошедшие в состав государства украинские земли отличались глубокой культурной спецификой, что, разумеется, требовало осмысления со стороны интеллектуальной элиты того времени. Кроме этого, высокий уровень культурного развития, богатое культурное прошлое, связанное с европейской культурной традицией, отличал эти территории от других национальных окраин, например, на Кавказе или в Средней Азии. Таким образом, российское культурное пространство столкнулось во многом с новым для себя явлением, когда было необходимо не просто принести культуру более отсталым в своем культурном развитии народам, но попытаться включить в свой ареал принципиальное иное, но столь же развитое культурное пространство.

Проведенное исследование показало, что само понятие «культурное пространство» сегодня все еще находится в стадии разработки и осмысления. Существую его различные трактовки, уровни понимания и осмысления. Проанализировав различные подходы, мы полагаем. Что под культурным пространством в широком смысле следует понимать культурную сферу жизни общества в целом. То есть, в этом аспекте культурное пространство становится синонимом культуры как таковой во всей полноте ее исторического развития и охвата. В узком же смысле культурное пространство представляет собой гетерогенную множественность духовной и материальной культуры, обладающую определенными географическими границами (ареалом распространения), специфическим этно-национальными чертами, сложившимися в ходе исторического развития той или иной территории. В этом аспекте культурное пространство локализуется в рамках конкретной географической территории, государственного образования или того или иного цивилизационного пространства.

В трактовке культурного пространства в его втором смысле мы можем говорить о том, что различные культурные пространства постоянно взаимодействуют между собой. При этом модели данного взаимодействия различаются. Опыт исторического развития человечества показывает, что как правило наиболее распространенной является «конфликтная» модель взаимодействия, которая сегодня пытается быть замененной на мультильтуралистскую. Конфликтная модель подразумевает, что периодически то или иное культурное пространство начинает расширять ареал своего распространения, вступая во взаимодействие с соседними культурными пространствами. И данное взаимодействие, как правило, носит ассимилирующий, подчиняющий характер.

Говоря о культурном пространстве Российской империи второй четверти XIX в., мы можем отметить, что его отличительными чертами были следующие:

- ярко выраженная неоднородность, связанная со спецификой расширения государства. Не имея колоний, Российская империя поглощала соседние территории, включая их в свой состав. В результате, русское культурное пространств, как центрообразующее, распространялось на культурные пространства вновь вошедших в состав империи территорий. Но их ассимиляция требовала длительного времени, и далеко не всегда имела положительный результат;

- нестабильность. Будучи многонациональным и поликонфессиональным государством, Российская империя не могла унифицировать свое культурное пространство, что периодически приводило к росту национально-культурного напряжения. Ярким примером здесь может служить польское восстание 1830-1831 гг., культурное возрождение на украинских землях в рассматриваемый период и так далее.

В свою очередь серьезной спецификой обладали и украинские земли, которые за время своего исторического развития испытали культурное влияния различных государств, переходя во владение то одного, то другого

государственного образования. Очевидно, что подобная ситуация наложила глубокий отпечаток на культуру этих территорий, которая в рассматриваемый период не была единой и общей. В результате, мы можем говорить о том, что разнородное культурное пространство Российской империи столкнулось с таким же неоднородным культурным пространством украинских земель.

И здесь, безусловно, важную роль должна была сыграть культурная политика государства. Но, как показал проведенный в работе анализ, в первой половине XIX в. в Российской империи не было четко сформулированной культурной политики. Наличие разногласий в самом российском обществе по этому вопросу лишь усугубляло ситуацию. Борьба же шла между двумя основными точками зрения: либо давать национальным территориям как можно больше культурной автономии, либо же усиленно русифицировать их, унифицируя тем самым культурное пространство государства. Как известно, в течение XIX в. победила именно вторая позиция.

Говоря о культурной политике Российской империи к украинским землям, мы можем сделать вывод о том, что в рассматриваемый период она носила двойственный характер. С одной стороны, государство пыталось привнести русскую культуру (открывая школы, университеты и т.д.) и, в первую очередь, русский язык на Украину, а с другой – допускало и развитие собственно украинской культуры, при чем до такой степени, что, анализируя этот исторический период, мы говорим об украинском культурном возрождении, времени формирования собственно украинской культуры.

Российская общественная мысль пристально следила за процессами, происходившими на западных окраинах империи. Очевидно, что культурный всплеск второй четверти XIX в. на украинских землях, вызывал значительный интерес у интеллигенции, которая пыталась осмыслить и понять его. Это приводило к появлению значительного числа статей, отдельный публицистических и научных работ, авторы которых с разных

позиций анализировали и оценивали происходившие там культурные процессы.

Одним из ключевых вопросов, который волновал русское общественное мнение, был вопрос о возможности существования малороссийских языка и литературы. Как показало проведенное исследование, уже к 1840-м гг. большая часть российской общественности пришла к выводу, что ни украинский язык, ни украинская литература фактически не имеют право на самостоятельное существование, а попытки их возрождения являются бесплодными и бесперспективными. Кроме этого, украинским деятелям культуры предлагалось сосредоточиться на изучении своего культурного прошлого, а не пытаться развиваться в настоящем. Таким образом, можно сделать вывод о том, что начало 40-х гг. XIX в. стало своего рода рубежом в развитии дискуссии по украинской тематике в русском обществе.

Изначальная симпатия со стороны русской общественной мысли к малороссийской литературе имела литературно-эстетический, либо исторический характер. Но данные симпатии довольно быстро исчерпали себя, ввиду того, что украинская литература предъявила свои претензии на автономность и культурную самостоятельность. Результатом этого стало то, что как либерально настроенная интеллигенция, так и консервативные слои общества единодушно пришли к отрицанию малороссийской литературы.

Отдельно следует сказать о том, что в рассматриваемый период в малороссийских землях значительно активизировался процесс изучения собственной культуры и истории. Стали выходить отдельные статьи, а также целые работы, посвященные истории Малороссии. И далеко не все они носили позитивный характер по отношению к общему имперскому государству. В ряде из них высказывались идеи о самостоятельном историческом пути украинского народа, о его культурной самобытности и независимости.

Первая половина XIX в. стала периодом и повышенного интереса со стороны российской общественности к истории, культуре и традициям малороссов. Популярными стали этнографические поездки в украинские земли, после чего публиковались очерки, содержавшие крайне важную и интересную с точки зрения изучения культуры малороссов информацию. По сути, говоря о культурологическом изучении данных территорий в рассматриваемый период, мы во многом опираемся именно на эти материалы. Более того, под их влиянием происходило формирование общественного мнения по вопросу о малороссийской самобытности.

Занималась изучением Украины и российская историческая наука. Основными идеями, которые транслировали российские историки в этот период, были следующие: история Украины есть часть общерусской истории, казачество есть нациообразующий элемент украинской этнической истории, взаимодополняемость малороссов и великорусов.

И, в завершение, следует отметить, что важное место в культурологической дискуссии по украинскому вопросу в первой половине XIX в. занимала проблема культурной идентификации малороссийских территорий. Уже в первой половине XIX в. понятие Украины наряду с Малороссией прочно вошло в русский лексикон. Тогда же на страницах русской прессы началась и активная полемика о месте украинского языка среди других славянских языков и о перспективах его развития. Ключевыми проблемами, связанными с идентификацией украинского языка, как ядра малоросской культуры, были следующие: считать ли украинский язык самостоятельным, либо наречием русского языка, каков возраст украинского языка, каковы границы и возможности его использования. На данные вопросы давались различные ответы, но очевидно, что вопрос об украинском языке был одним из ключевых в дискуссии российской общественности, так как от ответа на него зависел во многом и ответ, насколько самостоятельно украинская культура в целом и каково ее будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

ИСТОЧНИКИ
ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Библиотека для чтения (1834 -1865)
2. Вестник Европы (1866 -1900)
3. Вестник Западной Европы (1864 -1871)
4. Журнал министерства Народного просвещения (1834-1900)
5. Записки Русского географического общества (1846-1884)
6. Литературная газета (1840)
7. Маяк (1840 - 1845)
8. Молва (1831-1836)
9. Москвитянин (1841 - 1856)
10. Московский Меркурий (1803)
11. Московский Телеграф (1825 -1834)
12. Отечественные записки (1818 -1884)
13. Русский исторический сборник (1837 -1844)
14. Северная пчела (1825 – 1864)
15. Сын Отечества (1831 – 1852)
16. Телескоп (1831 – 1836)
17. Чтения Общества истории и древностей российских (1846-1848)

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

18. Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию в 1799 г. М., 1805.
19. Левшин А. И. Письма из Малороссии. Харьков. 1816.
20. Милюков А. Отголоски на литературные и общественные явления СПб. 1875.
21. Милютин Д. А. Воспоминания. 1843 - 1856. М., 2000.
22. Никитенко А. В. Дневник Л., 1955. Т. I.
23. Путешествие кн. Петра Шаликова в Малороссию. М., 1803.

МОНОГРАФИИ

24. “Руська трійця” в історії суспільно-політичного руху і культури України. – К., 1987.
25. Смук, О. Т. Ментальність українців як відображення духовного світу людини та соціальної спільноти / О. Т. Смук. – Режим доступу: www.socwd.uzhgorod.ua.
26. Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750 – 1850. Edmonton, 1985.

27. Абрамов В. В. Історія туризму: підруч. / В. В. Абрамов, М. В. Тонкошкур; Харк. нац. акад. міськ. госп-ва. – Х: ХНАМГ, 2010.
28. Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1981.
29. Алексашкина Л. Н. О. М. Бодянский. Из истории славяноведения в России // Проблемы всеобщей истории. М., 1973.
30. Антонович Д. Українська культура. Мюнхен: Укр. вільний університет, 1988.
31. Артюх Л. Ф., Космина Т. В. Историческое сознание и этнические стереотипы в современной материальной культуре украинцев // Традиции в современном обществе. Исследование этнокультурных процессов. — М.: Наука, 1990.
32. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1830. Т. 1.
33. Барабаш Ю. Почва и Судьба. Гоголь и украинская литература: у истоков. М.,1995.
34. Белинский В. Г. ПСС. М., 1979. Т. 2.
35. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
36. Вассиян Ю. Одиниця й суспільність. Торонто: Золоті ворота, 1957.
37. Венелин Ю. И. О споре между южанами и северянами на счет их россизма. М., 1848.
38. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. — М.: РУДН, 1996.
39. Гавров С.Н. Национальная культура и модернизация общества. М.: МГУКИ, 2003.
40. Гердер И. Избранные сочинения. М.: Государственное изд-во худ. лит-ры, 1959.
41. Гердер Иоганн Готфрид Идеи к философии истории человечества. – / Иоганн Готфрид Гердер. - М.: Издательство «Наука». – 1977. С. 175.
42. Голубенко П. Україна і Россія у світлі культурних взаемин. Київ, 1993.
43. Голубенко П. Україна і Россія у світлі культурних взаемин. Київ, 1993.
44. Горизонтов Л. Е. // Белоруссия и Украина: История и культура. М., 2003.
45. Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Спб., 1904.
46. Додонов Р. А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. — Запорожье: РА "Тандем — У", 1998.
47. Долбилов. М. Д. // Белоруссия и Украина: История и культура / М.: Наука, 2003.
48. Донцов Д. Де шукати наших історичних традицій? Л.: Укр. вид-во, 1941.
49. Донцов Д. Хрестом і мечем. Торонто: Гомон України, 1967.
50. Донцов, Д. Дух нашої давнини / Д. Донцов. – Мюнхен-Монтреаль: б. в., 1951. – 2-ге вид.
51. Донченко, О. Архетипи соціального життя і політика: Глибинні регулятиви психополітичного повсякдення: монографія / О. Донченко, Ю. Романенко. – К.: Либідь, 2001.

52. Досталь М. Ю. И. И. Срезневский // Белоруссия и Украина: История и культура / М.: Наука, 2003.
53. Досталь М. Ю. Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX в. (по материалам периодики). // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М., 1990.
54. Ерасов Б.С. Социальная культурология. Издание третье, 1 доп. и перераб. - М.: Аспект Пресс, 2000.
55. Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России: теория и история. М.: Академический проект, 2001.
56. Забелин И. Е. Список и указатель трудов, исследований и материалов, напечатанных в повременных изданиях Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете за 1815-1888 гг. М., 1889.
57. Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки. 2012.
58. Иконен С., Рому П. Аккультурация русскоязычных иммигрантов в Финляндии сохранение русской культуры в чужом окружении. Университет г. Ювяскюля. 2013.
59. Иконникова С.Н. История культурологических теорий. – 2е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2005
60. История украинской культуры / Е. А. Петутина, Н. В. Вандышева-Ребро, А. В. Голозубов [и др.]; под ред. Е. А. Петутиной. – Харьков: НТУ «ХПИ», 2012.
61. История Украины: конспект лекций / Е.В. Перегуда и др. – К.: КНУСА. 2013.
62. Ишутин В. В. Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. (1804 -1848 гг.) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984.
63. Історія України (друга половина XVIII - початок XX століття) - http://ukrmap.su/ru-uh9/1039.html.
64. Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии российской империи// Россия - Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
65. Каппелер А. Россия как многонациональная империя. М., 2001.
66. Карский Е. Ф. Белорусы. Вильна, 1904.
67. Кирилло-Мефодіївське Товариство. Т. 3. Київ, 1990.
68. Кирило-Мефодіївське товариство. У 3 т. — К., 1990.
69. Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983.
70. Коновець О.Ф. Просвітницький рух на Україні: XIX - перша третина XX ст. – К., 1992.
71. Костомаров М. Галерея портретів: Біографічні нариси. – К., 1993.

72. Костомаров М.І. Закон Божий (Книга буття українського народу). – К., 1991.
73. Костомаров Н. И. Казаки. Исторические монографии и исследования. М., 1995.
74. Кравченко В.В. Нариси з української історіографії епохи національного відродження (друга половина XVIII середина XIX ст.) – Харків, 1996.
75. Культура и пространство: историко-культурные бренды и
и
акад. В.А. Тишкова Ростов-на-Дону Издательство ЮНЦ РАН 2012.
76. Кульчицький, О. Риси характерології українського народу / О. Кульчицький // Енциклопедія українознавства: у 2-х т. / під гол. ред. В. Кубійовича, З. Куделі. – Мюнхен–Нью-Йорк: Молоде життя, 1949. – Т. 1.
77. Кучма, Л. Украина – не Россия / Л. Кучма. – М.: Время, 2004.
78. Липа Ю. Призначення України. Нью-Йорк: Говерля, 1953.
79. Липинський В. Покликання «варягів», чи організація хліборобів? Відень - Нью-Йорк: Говерля, 1954.
80. Липинський В. Релігія і церква в історії України. Нью-Йорк: Булава, 1956.
81. Липинський В. Україна на переломі. Відень: Булава, 1920.
82. Липинський, В. Листи до братів-хліборобів: Про ідею і організацію українського монархізму : писані 1991 – 1926 р. / В. Липинський. – Нью-Йорк: Булава, 1954. – 2-ге вид.
83. Лисяк-Рудницкий І. Історични есе. Т. 1. Київ, 1994.
84. Лихачев Д.С. Русская культура. М. Искусство. 2000.
85. Лобановський Б.Б., Говдя П.І. Українське мистецтво другої половини XIX - початку XX ст. – К., 1993.
86. Макарчук С.А. Писемні джерела з історії України. – Львів, 1999.
87. Маланюк, Є. Книга спостережень : проза / Е. Маланюк – Торонто : Гомін України, 1962.
88. Малахов В.С. Нация и культурное разнообразие в имперской, советской и постсоветской России // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А.Тишков, Е.И.Филиппова; Институт этнологии и антропологии РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016.
89. Манусевич А. Я. Очерки по истории Польши. М., 1952.
90. Маркевич Н. История Малороссии в 5 т. М., 1842-1843.
91. Миллер А.И. "Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб: Алетейя, 2000.
92. Митці України: Енциклопедичний довідник. – К., 1992.
93. Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX начало XX в.) М., 2003.
94. Мишанич Я. «Історія русів»: історіографія, проблематика, поэтика. Киів 1999.

95. Мурзина Ирина Яковлевна. Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал. Монография. – М.: Издательство Перо, 2014.
96. Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки РГО. Книга 2. СПб. 1847.
97. Нариси української популярної культури. — К.: УЦКД, 1998.
98. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2003.
99. Национальная политика России: история и современность. М., 1997.
100. Огородник І.В., Огородник В.В. Історія філософської думки в Україні. – К., 1999.
101. Онкович Г. В. Українознавство і лінгводидактика. — К.: Логос, 1997.
102. Попов Н. История Императорского Московского Общества истории и древностей российских. Ч. 1., М., 1884.
103. Пыпин А. Н. История русской этнографии. Т. 3. СПб., 1891.
104. Пыпин А. Н. характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. СПб., 1909.
105. Пыпин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865.
106. Рейтблат А.И. Видок Фиглярин. Письма и агентурные заметки Ф.В. Булгарина в III отделение. М., 1998.
107. Русские писатели 1800 -1917. Библиографический словарь. Т. 2. М., 1992.
108. Самыгин П.С. История / П.С. Самыгин и др. — Изд. 7-е. — Ростов н/Д: «Феникс», 2007.
109. Семененко В.И. История Украины с древнейших времен до наших дней. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Харьков: Торсинг, 2002.
110. Сергійчук В. І. Доля української національної символіки. — К., 1990.
111. Славяноведение в дореволюционной России. М., Наука. 1979.
112. Смолій В. А., Степанков В. С. Українська державна ідея XVII-XVIII ст.: проблеми формування, еволюції, реализації. Киів 1997.
113. Смолій В.А., Гуржій О.І. Як і коли почала формуватися українська нація. – К., 1991.
114. Солонин Ю.Н., Сурова Е.Э. Культурология. "Издательский дом ""Питер". 2014.
115. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. Общество / Общ. ред. сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. — М.: Политиздат, 1992.
116. Соціальнофілософські ідеї Михайла Драгоманова. – К., 1995.
117. Сціборський М. Націократія. Вінниця: Державна картографічна фабрика, 2007.

118. Тарахан1Береза З. Шевченко – художник. – К., 1985.
119. Тодийчук О. В. Украина XVI – XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. Киев. 1989.
120. Турченко Ф.Г., Мороко В.Н. История Украины. XVIII – начало XX в. Запорожье; Киев, 2001.
121. Украинцы. М., 2000.
122. Українська державність у XX столітті: історико-політологічний аналіз / під ред. О. Дергачова. – К.: Політична думка, 1996. – Режим доступу: www.litopys.org.ua.
123. Українська душа. — К., 1992.
124. Українська культура: історія і сучасність. – Львів, 1994.
125. Український драматичний театр. Нариси історії у 2 т., т.1. – К.,1967.
126. Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.
127. Филлипович «Забуті рецензіі сорокових років на Шевченкові твориі». Україна, 1930.
128. Фомина Е. Концепция «единой русской народности» vs. украинофильство. Малороссы в творчестве И. С. Тургенева // «Идеологическая география» Российской империи: пространство, границы, обитатели / Отв. ред., руководитель проекта: Л. Киселева; редколлегия: И. Булкина, Т. Степанищева, Е. Фомина. Тарту, 2012.
129. Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995.
130. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789 — 1848 / Пер. с англ. Л. Д. Якуниной — Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1999.
131. Цимбалістий, Б. Родина і душа народу / Б. Цимбалістий // Українська душа / відп. ред. В. Храмова. – К.: Освіта, 1978.
132. Чижевський Д. Головні риси українського світогляду в українській культурі. Мюнхен: Укр. вільна академія наук. 1940.
133. Чижевський, Ю. Нариси з історії філософії на Україні / Ю. Чижевський. – Нью-Йорк: б. в., 1991.
134. Шандра В. Малоросійське генерал-губернаторство 1802-1856. Київ 2001.
135. Шейко В.М. Культура. Цивілізація. Глобалізація. — Х., 2001.
136. Шейко В.М., Тишевська Л.Г. І 88 Історія української культури: Навч. посібник / Наук. ред. В.М. Шейко. – К.: Кондор, 2006.
137. Шейко В.М., Тишевська Л.Г. Історія української культури. Наук. ред. В.М. Шейко. – К.: Кондор, 2006.
138. Шейко В.М., Тишевська Л.Г. Історія української художньої культури. — Х.,2003.
139. Шерех Ю. Третя сторожа. Література. Мистецтво. Ідеологія. Торонто: Смолоскип, 1991.

140. Янів В. Нариси до історії української етнопсихології. К.: Знання, 2006.
141. George S. N. Luckyj. Between Gogols and Sevcenko. Polarity in the literary Ukraine: 1798 - 1847. Munchen., Wilheem Fink Verlad., 1971.
142. Herskovitz M.J. Man and His Works: The Science of Cultural Antropology. N.Y., 1948.
143. Mirtschuk I. Geschichte der ukreinischen Kultur. München: Ukreinisches Technisch-Wirtschaftliches Institut, 1994.

СТАТЬИ В НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ

144. Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Национальная культура и культурная политика в Российской империи и СССР // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4.
145. Айларова С.А. Культурное пограничье как проблема северокавказской общественной мысли XIX века // Культурная политика России на Кавказе как фактор утверждения российской государственности и общероссийской идентичности: Материалы научного семинара / Под ред. докт. ист. наук З.В. Кануковой. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ. РАН, 2016.
146. Александровский И.С. Образовательное измерение культурной политики Российской империи и «украинский вопрос» в XIX столетии // Genesis: исторические исследования. – 2018 – № 10.
147. Александровский И.С., Касаткин П.И. Формирование украинского культурного пространства в Российской империи в XIX столетии: основные тенденции // Genesis: исторические исследования. – 2018 – № 10.
148. Александровский И.С. Культурная политика Российской империи на малороссийских землях в XIX столетии: образовательный аспект // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2018 – № 4 (79).
149. Александровский И.С. «Язык» или «наречие»? Полемика вокруг украинского языка в XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2009 – № 1.
150. Александровский И.С. Украинский национальный характер в зеркале русской общественной и государственной мысли первой половины XIX в. // История государства и права. – 2009 – № 24.

151. Александровский И.С. Начальный период деятельности Русского географического общества и его подходы к изучению восточных славян (1845-1850) // Наукові записки з української історії. . – 2009 – № 15.
152. Александровский И.С. Некоторые аспекты восприятия российской общественностью малороссийской самобытности в первой половине XIX в. // Белоруссия и Украина: История и культура. М.: 2003.
153. Александровский И.С. Малороссийская тематика на страницах «Северной пчелы» // Славянский альманах, 2001.
154. Алиев Р.Т. Дворянство в Российской империи XVIII-XIX вв. как параллельное культурное пространство // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского Государственного Аграрного Университета. 2016. № 124.
155. Бабаева А.В. Современная западная философия о культурном пространстве // Серия “Symposium”, Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Выпуск 7/ Материалы научной конференции Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.
156. Базалук О.А. Геофилософия Украины // Гуманітарний вісник ЗДІА. 2016. № 64.
157. Балакшин А.С. Сущность и содержание понятия «культурная политика» // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия. Социальные науки. Вып. 1(3). — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004.
158. Баранов А.В. Этнополитика Российской Империи: влияние на развитие Юга и Востока Украины (XIX — начало XX веков) // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи: сб. науч. ст. /отв. ред. И. И. Горлова; редкол. Т. В. Коваленко, Н. А. Костина, А. В. Крюков. — М.; Краснодар, 2015.
159. Батурина Ю.В. Проблемы инкультурации современной личности в процессе изучения мировой художественной культуры // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Том I (Гуманитарные науки).
160. Безклубая С.А. Культура Киевской Руси: парадокс средневековья // Электронный журнал «Труды МАИ». Выпуск № 33 - http://trudymai.ru/upload/iblock/6b2/kultura-kievskoy-rusi-paradoks-srednevekovya.pd

161. Бодзяны М. Столкновение культур и идентичности. Социологические аспекты мультикультурализма в эпоху общественных перемен //Культурно-историческая психология. 2008. № 4.
162. Булычев Ю. Культурная политика Александра III, социально-экономические, научные и культурные успехи России во второй половине XIX в. - http://derzava.com/yurij-bulychev-kulturnaya-politika-aleksandra-iii-sotsialno-ekonomicheskie-nauchnye-i-kulturnye-uspehi-rossii-vo-vtoroj-polovine-xix-v.html
163. Быстрова А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии // Философские науки. - 2004. - №12
164. Велиховский Л.Н., Кандаурова Т.Н. Опыт формирования социокультурного пространства: историческая ретроспектива деятельности предпринимательского сообщества России XIX — начала XX вв. // Документ. Архив. История. Современность. — Вып. 14. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014.
165. Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели - http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html
166. Даудов А.Х. Особенности национальной политики Российской империи - http://daudov.blogspot.ru/2013/01/24.html
167. Драгичевич-Шешич М. Культурная политика в переходном обществе: фрагменты политологического и культурологического анализа. // Панорама культурной жизни стран СНГ и Балтии. М.: Издательство РГБ, 1999.
168. Колякова И.В. Власть и общество в реализации культурной политики современной России: традиции и тренды //Вестник Самарского муниципального института управления. 2016. № 1.
169. Королев Г.А. Великая Украина и Галиция эпохи XIX века: поиск исторической перспективы // Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления. Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.
170. Кривчик Г.Г., Евсеева Г.П., Лысенко Г.И. Реформирование образования на Украине в XIX в. // Профессиональное образование: исторические традиции и современность: сб. статей IV Международной научно-практической конференции (Пенза, март 2015). Пенза, 2015.
171. Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма – http://polit.ru/
172. Лурье С. Российская империя как этнокультурный феномен // Общественные науки и современность. 1994. № 1.

173. Любичанковский А.В., Любичанковский В.А. Культурное пространство региона в оценке современной российской историографии // Вестник ОГУ 2011. №7 (126).
174. Ляшов Ю.И. Экспансия культуры как специфическая форма межкультурной коммуникации // IV Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». 15 февраля – 31 марта 2012 года. Российская академия естествознания - https://www.rae.ru/forum2012/273/1609.
175. Миронов А.С. Основы «Основ». О смыслах государственной культурной политики // Государственная культурная политика и вызовы времени. Аналитический Вестник. 2015. № 12 (565).
176. Михеева Н.А. Культурная политика государства как инструмент управления социально-культурной сферой // Электронное научное издание «Аналитика культурологии». Выпуск 2 (6), 2006 - http://www.analiculturolog.ru/
177. Нарочницкая Е.А. Мультикультурализм как философско-политическая концепция. Фонд исторической перспективы. 2013 - http://www.perspektivy.info
178. Нархова Е.Н., Сидоренко И.А. Культурное пространство и современное студенчество // Национально культурное пространство и проблемы коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции. 25–26 октября 2007 г. Часть 1. СПб. 2007.
179. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 3 (18). - http://www.analiculturolog.ru/journal/.
180. Павлова О.Д. Идентичность в системе межкультурного взаимодействия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 30 (245). Философия. Социология. Культурология. Вып. 22.
181. Попкова Е.Б. Теоретические подходы к исследованию инкультурации как социокультурного процесса // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3.
182. Прищепа Е. Трансформации культурного быта горожан Правобережной Украины (вторая половина XIX – начало XX в.) // Другі міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі. Працоўныя матэрыялы. Том 2 (2013).
183. Сараф М.Я. Крым: уроки сохранения национального культурного пространства // Пространство и время. 2015. № 1-2 (19-20).

184. Сараф М.Я. Национальные культурные пространства России и Украины: единства и противоположности // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Труды II международной научно-практической конференции. М.: ИНИОН РАН, 2014.
185. Свирида И. И. Пространство и культура: аспекты изучения // Славяноведение. - 2003. - № 4.
186. Семенков В.Е., Рабжаева М.В. История российской колонизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Том. 1. № 1.
187. Стадников М.Г., Мокрецова О.Г. Стратегии аккультурации этнических меньшинств: конфликтные стороны взаимодействия // Вестник СПбГУ. Сер. 12, 2010, вып. 1.
188. Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима // Вестник МГИМО Университета. 2008. № 2
189. Федорцев В.А., Мамедова Л.К. Европейский союз: поиск "европейской идентичности" // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9).
190. Флиер А.Я. Глобализация как культурная тенденция // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2007. № 3. С. 61-65. и др.
191. Флиер А.Я. О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. 1994. № 5.
192. Ханнанова А.С. Культурная политика как функция государства // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015, т. 15, № 4.
193. Хренов Н.А. Русская культура на перекрестке Запада и Востока // Искусствознание: журн. по истории и теории искусства. 2013. № 3-4.
194. Черникова Т.В. Европейское влияние на русскую культуру XVII в. // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28).
195. Чернова Г.С. Проблемы народознания в критике и публицистике Украины первой половины XIX века // Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XVI международной научно-практической конференции / Отв. редактор А.М. Антипова. – Уссурийск: Дальневосточный федеральный университет, 2012.
196. Шишкина А.А. Культурное пространство и культурный ландшафт как формы отражения культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II.

197. Юдина В.И. Из истории культурной политики в дореволюционной России: Русское музыкальное общество во второй половине XIX в. //Вестник Томского Государственного Университета. 2011. № 351.
198. Янутш О.А. «Инкультурация»: проблемы определения объема и содержания понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19.
199. Неменский О.Б. Модели южнорусской идентичности на Украине // Вопросы национализма, 2014, № 2(18)
200. Грінченко Б., Драгоманов М. Діалоги про українську національну справу / упоряд. А. Жуковський. – К.: Ін-т української археографії НАНУ. – 1994. – Вип. 1: Джерела з історії суспільно-політичного руху в Україні 19 – поч. 20 ст.

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

201. Бабаева А.В. Структура культурного пространства. Автореферат дисс. на соискание уч. степени доктора философ. наук. Томск. 2004.
202. Васильева Т.А. У истоков украинофильства: образ Украины в российской словесности конца XVIII – первой четверти XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск. 2014.
203. Гаврилова Н.С. Англо-американский мир в рецепции И. Бродского: реальность, поэзия, язык. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск. 2007.
204. Генова Н.М. Культурная политика в процессе модернизации инфраструктуры культурного пространства региона. Автореферат диссертации на соискание у. степени доктора культурологии. Омск. 2012.
205. Гусева С.Ю. Проблема взаимодействия культур центра и периферии Римской империи: На анализе жизни и творчества Луция Аннея Сенеки. Автореферат диссертации на соискание уч. степени кандидата философ. наук. СПб. 2003.
206. Данненберг А.Н. Католическая церковь в Латинской Америке в конце XX – начале XXI вв.: философско-религиоведческий анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М. 2015.

207. Зинков Е. Г. Культурное пространство российской духовности: дисс. … доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
208. Тодийчук О. В. Вклад Московского Общества истории и древностей российских в изучение истории Украины. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев. 1986.
209. Купцова Т.А. Архетипні основи гендерних стереотипів в українській філософії (історико-філософський аналіз). Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня канд. філос. наук. – Дніпропетровськ, 2011.
210. Чабан Н. А. Образ суверенної України у вербальному втіленні. — Автореф. дис... канд. філол. наук. — К., 1997.